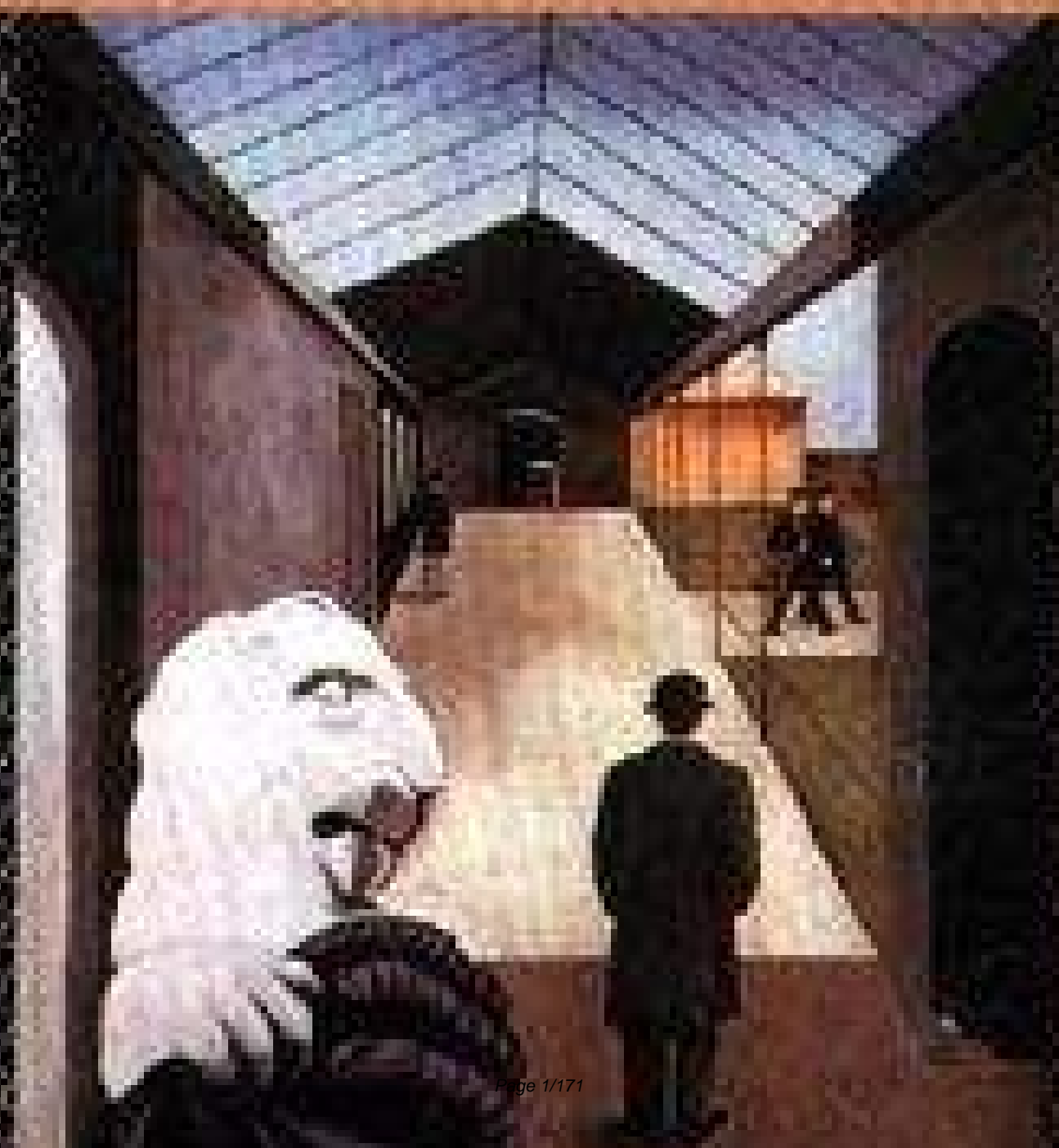

ГРОМ ГРИН

Наш человек в Газде

Грэм Грин

Наш человек в Гаване

А грустный человек шутит по-своему. Джордж Герберт (английский поэт XVII в.)

* * *

Когда сочиняешь сказку, действие которой происходит в неведомом будущем, казалось бы, не нужно никого уверять, что между ее персонажами и живыми людьми нет ничего общего. И все же я хотел бы заявить, что ни один из этих персонажей не списан с натуры, что сегодня на Кубе нет такого полицейского офицера, как капитан Сегура, и уж, конечно, нет такого британского посла, как тот, которого я изобразил. Полагаю также, что не существует и начальника Секретной службы, похожего на вымышленный мною образ. Грэм Грин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Видите того негра, который идет по улице, — сказал доктор Гассельбахер, стоя у окна «Чудо-бара», — он напоминает мне вас, мистер Уормолд.

После пятнадцати лет дружбы он все еще добавлял «мистер» — в этом был весь доктор Гассельбахер: дружба нуждалась в такой же медленной и глубокой проверке, как и диагноз. Когда Уормолд будет при смерти и Гассельбахер придет пощупать его слабеющий пульс, тогда, может быть, он, наконец, станет для доктора Джимом.

Негр был слеп на один глаз; одна нога у него была короче другой; на голове — ветхая фетровая шляпа, а под рваной рубахой проступали ребра, словно у корабля, с которого ободрали обшивку. Он шел по краю тротуара, вдоль желто-розовой колоннады, под знойными лучами январского солнца, и считал шаги. Когда он миновал «Чудо-бар», он успел насчитать 1369. Ступал он медленно, чтобы хватало времени произносить такие длинные цифры. «Одна тысяча триста семьдесят». Негр был привычной фигурой возле Нэйшнел-сквер, где он иногда останавливался и переставал считать, чтобы сбить какому-нибудь туристу пачку порнографических открыток. А потом снова продолжал свой счет. К концу дня он, словно непоседливый пассажир на трансатлантическом судне, знал с точностью до ярда, какой он сегодня сделал моцион.

— Я напоминаю вам Джо? — спросил Уормолд. — Не вижу никакого сходства. Если не считать, конечно, хромоты. — Тем не менее Уормолд инстинктивно взглянул на себя в зеркало с надписью «Cerveza tropical» [1], словно испугавшись, не стал ли он по дороге из своего магазина таким же дряхлым и черным, как Джо. Лицо, которое он там увидел, только немного посерело от строительной пыли, летевшей из порта; это было его лицо — озабоченное, исчерченное морщинами лицо сорокалетнего человека, правда, моложе, чем лицо доктора Гассельбахера, однако всякий с первого взгляда сказал бы, что эти глаза погаснут раньше, в них уже лежала тень, отпечаток тревог, которые не побороть никакими патентованными средствами. Негр проковылял мимо и скрылся за углом бульвара. В этот день тут было полно чистильщиков сапог.

— Я говорю не о хромоте. А вы не замечаете сходства?

— Нет.

— У него в жизни две задачи, — объяснил доктор Гассельбахер, — работать и считать. И он, к тому же, — англичанин.

— Но я все-таки не понимаю... — Уормолд освежил рот утренней порцией «дайкири» [2]. Семь минут ходьбы до «Чудо-бара»; еще семь минут на обратный путь; шесть минут на дружескую беседу. Он поглядел на часы и вспомнил, что они на минуту отстают.

— Я хотел сказать, что он — человек положительный, надежный, вот и все, — с раздражением ответил доктор Гассельбахер. — Как Милли?

— Великолепно, — сказал Уормолд. Это был его неизменный ответ, но вполне искренний.

— Семнадцатого ей будет семнадцать, а?

— Да. — Он кинул беспокойный взгляд через плечо, словно кто-то за ним гнался, и снова посмотрел на часы. — Придете распить с нами бутылочку?

— Не премину, как всегда, мистер Уормолд. Кто у вас будет еще?

— Да я думаю, никого, кроме нас троих. Ведь Купер уехал домой, бедняга Марло все еще в больнице, а Милли, мне кажется, не очень-то дружит с этой новой компанией из консульства. Вот я и думал, что мы посидим тихонько, в семейном кругу.

— Я очень польщен, что меня считают членом семьи, мистер Уормолд.

— Может, закажем столик в «Насьонале»? Или вы считаете, что это... не совсем прилично?

— Тут ведь не Англия и не Германия, мистер Уормолд. В тропиках девушки рано становятся взрослыми.

В доме напротив с треском распахнулись ставни, а потом стали раскачиваться от морского ветерка и хлопать — клик-клак! — как старинный маятник. Уормолд сказал:

— Мне пора.

— Пылесосы обойдутся без вас, мистер Уормолд.

Это был день горьких истин.

— Как и мои пациенты без меня, — добавил доктор добродушно.

— Люди болеют всегда, но покупать пылесосы они не обязаны.

— Да вы и берете с них дороже.

— Но получаю всего двадцать процентов. Трудно что-нибудь отложить из этих двадцати процентов.

— В наш век ничего не откладывают, мистер Уормолд.

— Мне нужно... для Милли. Если со мной что-нибудь случится...

— В наш век никто не верит в долголетие — так стоит ли волноваться?

— Все эти беспорядки плохо отзываются на торговле. Кому нужен пылесос, если не работает электричество?

— Я мог бы одолжить вам небольшую сумму, мистер Уормолд.

— Нет, что вы! До этого еще не дошло. Меня тревожит не сегодняшний день и даже не завтрашний, я беспокоюсь за будущее.

— Ну, тогда уж вовсе нечего волноваться. Мы живем в атомный век, мистер Уормолд. Нажмут кнопку — и нас нет. Еще рюмочку, прошу вас!

— Да, вот новость! Знаете, что сделала фирма? Прислала мне пылесос «Атомный котел»!

— Не может быть! Вот не знал, что наука пошла так далеко!

— Конечно, в нем нет ничего атомного — он просто так называется. В прошлом году был «Турбореактивный», в этом — «Атомный». А втыкать вилку в штепсель нужно, как и раньше.

— Стоит ли тогда волноваться? — снова, как лейтмотив, повторил доктор Гассельбахер, уткнувшись в рюмку.

— Они не понимают, что такое название может иметь успех в Америке, а не здесь, где духовенство без конца обличает науку, которую обращают во зло людям! Мы с Милли в воскресенье ходили в собор — вы же знаете, как она любит, чтобы я ходил к обедне: все еще надеется, что наставит меня на путь истинный. Ну вот, отец Мендес и описывал там полчаса действие водородной бомбы. Те, говорил он, кто верит в рай на земле, превращают эту землю в ад; и довольно убедительно он все это говорил, очень понятно. И как, по-вашему, я чувствовал себя в понедельник утром, когда мне пришлось украсить витрину новым пылесосом «Атомный котел»? Ничуть бы не удивился, если бы кто-нибудь из окрестных головорезов побил мне стекла. Тут еще их союзы — «Католическое действие», «Христос — „царь небесный“ и вся эта дребедень. Прямо не знаю, что и делать, Гассельбахер!

— Продайте один пылесос отцу Мендесу для епископского дворца.

— Его вполне устраивает наш «Турбо». Отличная машина. Да и эта, конечно, неплохая. Усовершенствованный наконечник для книжных полок. Вы же знаете, я не стал бы продавать плохие вещи.

— Знаю, мистер Уормолд. А название переменить нельзя?

— Не позволят. Они им гордятся. Уверены, что ничего лучше и не придумаешь после той знаменитой их рекламы: «Все выбивает, пыль поглощает, пол подметает». Понимаете, они продают с моделью «Турбо» воздухоочистительный фильтр. Ничего не скажешь — здорово сделано, но вот вчера пришла какая-то женщина, посмотрела «Атомный котел» и спросила, может ли фильтр такого размера поглотить все радиоактивные частицы? А как насчет стронция-90? — спросила она.

— Насчет стронция-90 я могу вам выдать медицинскую справку.

— Неужели вы никогда не волнуетесь?

— У меня против треволений есть свое секретное оружие, мистер Уормолд. Меня интересует жизнь.

— Меня тоже, но...

— Вас интересуют люди, а не жизнь, а люди умирают, бросают нас... простите: я не хотел намекать на вашу жену. А если вас интересует сама жизнь, она вам никогда не изменит. Меня интересует плесень на сыре. Вы не любите решать кроссворды, мистер Уормолд? Я люблю, но он», как люди: всегда приходят к концу. Я могу покончить с любым кроссвордом в течение

часа, а вот мое исследование плесени на сыре никогда не будет завершено, хотя человек и мечтает, что в один прекрасный день... Как-нибудь я покажу вам мою лабораторию.

— Мне пора, Гассельбахер.

— Вам надо больше мечтать, мистер Уормолд. В наш век лучше не смотреть в лицо действительности.

Когда Уормолд пришел в свой магазин на улице Лампарилья, Милли еще не вернулась из американской школы, где она училась, и, хотя он увидел сквозь дверное стекло две фигуры, ему показалось, что в магазине пусто. Еще как пусто! И будет пусто, пока не появится Милли. Когда бы он ни вошел в магазин, у него тоскливо сосало под ложечкой, словно где-то внутри работал пылесос. И ощущение пустоты не могли заполнить покупатели, особенно такой, как вон тот, что сейчас стоял у прилавка, слишком лощеный для Гаваны; он читал английскую брошюру об «Атомном котле», подчеркнуто игнорируя приказчика. Лопес — человек горячий и не любит, когда его зря отрывают от испанского издания «Конфиденшл», Он злобно поглядывал на незнакомца и не старался заинтересовать его своим товаром.

— Buenos días [3], — сказал Уормолд. Он смотрел на всякого незнакомца человека, вошедшего в магазин, с подозрением. Десять лет назад в магазин зашел какой-то человек, сделал вид, будто он покупатель, и ничего не подозревавший Уормолд продал ему шерстяные очесы для полировки машины. Тот был ловким пройдохой, ну а этот... трудно представить себе кого-нибудь менее похожего на покупателя пылесоса, чем незнакомец, который стоял здесь сейчас. Высокий, элегантный, в легком сером костюме и очень дорогом галстуке — от него так и пахло морским курортом и кожаным креслом из какого-нибудь клуба для избранных; так и казалось — он сейчас откроет рот и скажет: «Посол вас скоро примет». Таким людям не приходится самим избавляться от пыли — за них это делает море или камердинер.

— Не понимаю я вашей тарабарщины, — ответил незнакомец. Вульгарное словечко как-то сразу испортило элегантный костюм, словно он выпачкал его яйцом за завтраком. — Вы ведь англичанин?

— Да.

— Я хочу сказать — настоящий англичанин? По паспорту и все такое?

— Да, а в чем дело?

— Всегда лучше иметь дело с английской фирмой. Знаешь, на каком ты свете, понятно?

— Что вам угодно?

— Да прежде всего мне хотелось тут у вас немножко оглядеться. — Он говорил так, словно попал в книжную лавку. — Никак не мог втолковать этому типу...

— Вас интересует пылесос?

— Ну, я бы не сказал, что он меня интересует.

— Вы хотите купить пылесос?

— Вот-вот, старина, вы попали в самую точку. — Уормолд решил, что незнакомец так разговаривает потому, что тон этот, по его мнению, подходит к магазину на улице Лампарилья; развязность никак не соответствовала внешнему виду покупателя. Трудно

подражать искусству святого Павла — говорить с каждым на его языке, не меняя при этом костюма.

Уормолд деловито сказал:

— Вы не найдете ничего лучшего, чем «Атомный котел».

— Я заметил тут один, который называется «Турбо».

— И это очень хороший пылесос. У вас большая квартира?

— Да нет, я бы не сказал, что большая.

— Тут, как видите, имеется два набора щеток — вот этот для натирки, а тот для полировки; нет, простите, кажется, наоборот. У «Турбо» энергия воздушная.

— Как это?

— Ну, он... тут так сказано: с воздушной энергией.

— А вот та штучка, она для чего?

— Это двусторонний наконечник для ковров.

— Не может быть! Очень интересно. А почему двусторонний?

— Вы толкаете от себя, а потом тянете к себе.

— Ну до чего только не додумаются! — сказал незнакомец. — И много вы их продаете?

— Я здесь единственный агент.

— Все важные лица непременно хотят купить «Атомный котел»?

— Или «Турбореактивный».

— И правительственные учреждения тоже?

— Конечно. А что?

— То, что годится для учреждения, сойдет и для меня.

— Может, вы предпочитаете нашу «Малютку-не-надрывайся»?

— В каком смысле — не надрывайся?

— Полное название пылесоса: «Малютка-не-надрывайся. Малый комнатный пылесос с воздушной энергией».

— Опять с воздушной энергией?

— А я тут при чем?

— Не петушиться, старина!

— Лично мне ужасно не нравятся слова «Атомный котел», — сказал Уормолд с неожиданным жаром. Он вдруг встревожился. Ему пришло в голову, что незнакомец — инспектор главной конторы в Лондоне или Нью-Йорке. Что же, тогда они услышат от него всю правду.

— Я вас понимаю. Да, неважно придумано. Скажите, а вы осматриваете машины?

— Каждый квартал. Бесплатно весь гарантийный срок.

— Вы лично?

— Нет, это делает Лопес.

— Вот этот мрачный тип?

— Сам я не очень-то разбираюсь в технике. Стоит мне притронуться к какой-нибудь из этих штук, и они почему-то перестают работать.

— А машиной вы правите?

— Да, но если с ней что-нибудь случается, я зову дочь.

— Ах да, у вас есть дочь. А где она?

— В школе. Разрешите, я вам покажу эту быстродействующую соединительную муфту. — Но стоило Уормолду взять ее в руки, как она тут же перестала соединять. Он нажимал на нее, поворачивал туда и сюда. — Дефектная деталь, — пробормотал он в полном отчаянии.

— Дайте я попробую, — предложил незнакомец, и соединение произошло мгновенно. — Сколько лет вашей дочери?

— Шестнадцать, — сказал он и разозлился на себя за то, что ответил.

— Ну что ж, мне, пожалуй, пора двигаться, — сказал незнакомец. — Рад был с вами поболтать.

— Может, хотите посмотреть пылесос в действии? Лопес вам продемонстрирует.

— Сейчас нет. Мы еще увидимся — здесь или в другом месте, — заявил незнакомец с какой-то дерзкой самоуверенностью и вышел из магазина прежде, чем Уормолд догадался сунуть ему фирменную карточку. На площади, в конце улицы Лампарилья, он растворился в полуденном свете Гаваны, среди толпы сутенеров и продавцов лотерейных билетов.

Лопес сказал:

— Он и не собирался ничего покупать.

— А чего же он тогда хотел?

— А кто его знает. Он долго разглядывал меня через витрину. Если бы вы не пришли, наверно, попросил бы найти ему девочку.

— Девочку?

Он вспомнил тот день десять лет назад, а потом с тревогой подумал о Милли, пожалев, что так охотно отвечал на вопросы незнакомца. Он пожалел и о том, что быстродействующая соединительная муфта не сработала хоть в этот раз.

2

Он слышал уже издали, что идет Милли: подымался такой шум, будто ехала полицейская машина; только о приближении Милли предупреждал свист, а не сирена. Она обычно шла от автобусной остановки на Авенида де Бельхика, но сегодня свист почему-то доносился со

стороны Кампостельи. Правда, в этой «охоте», приходилось ему признать, не было для нее ничего опасного. Восторги, которые ей таким образом выражали поклонники, начиная примерно с тринадцатилетнего возраста, означали только почтение — ведь даже по высокой гаванской мерке Милли была красавицей. Волосы у нее светло-золотистые, как молодой мед, а брови темные; ее «конский хвост» подстригал лучший парикмахер города. Милли не обращала внимания на свист, он только заставлял ее легче ступать; глядя, как она идет, можно было поверить в вознесение. Тишина показалась бы ей оскорбительной.

В отличие от Уормолда, который ни во что не верил, Милли была набожной католичкой; ему пришлось еще до свадьбы пообещать ее матери, что ребенок получит религиозное воспитание. Теперь ее мать, как он подозревал, не верила ни в бога, ни в черта; ему же она оставила на попечение ревностную католичку. Это привязывало Милли к Кубе куда прочнее, «ем его самого. Уормолд подозревал, что в здешних богатых семьях до сих пор сохранился обычай держать дуэнья; ему порой казалось, что и к Милли приставлена дуэнья, невидимая ни для кого, кроме нее самой. В церкви, где она бывала красивее, чем где бы то ни было, в своей легкой мантилье, расшитой листьями, прозрачными, как морозный узор на стекле, рядом с ней всегда сидела дуэнья, наблюдая за тем, чтобы она не горбилась, в положенное время прикрывала лицо и крестилась по всем правилам. Кругом нее мальчишки могли безнаказанно сосать леденцы, фыркать из-за колонны, а она сидела прямая, как монашенка, следя за службой по требнику с золотым обрезаем, переплетенному в сафьян цвета ее волос (она выбирала себе требник сама). Все та же невидимая дуэнья заботилась о том, чтобы она по пятницам ела рыбу, постилась двенадцать дней в году и ходила в церковь не только по воскресеньям и по праздникам, но и в день своей святой: Милли ее звали домашние, окрестили же ее Серафиной; на Кубе — это святая „второго разряда“, — загадочные слова, которые напоминали Уормолду об ипподроме.

Уормолд долго не понимал, что дуэнья не всегда караулит Милли. Девочка неукоснительно выполняла все правила поведения за столом и ни разу не забыла помолиться на ночь — он-то это хорошо знал, ведь еще ребенком она заставляла его ждать за дверью, пока не кончит молитву, чтобы лишний раз подчеркнуть, что он еретик. Перед образом святой Девы Гваделупской горела неугасимая лампада. Отец подслушал ее молитву, когда ей было четыре года: «Богородице почет, сатане наоборот».

Но как-то раз — Милли тогда было тринадцать — его вызвали в американскую школу при монастыре св.Клары в богатом предместье Ведадо. И там он впервые узнал, что дуэнья бросала Милли у решетчатых ворот школы, прямо под гипсовым барельефом святой. Жалоба на дочь была серьезная: она подожгла маленького мальчика по имени Томас Эрл Паркмен младший. Правда, как признала сама мать-настоятельница, Эрл (так его звали в школе) первый дернул Милли за косу, что ни в какой мере не оправдывало поступка Милли, который мог иметь самые пагубные последствия, если бы другая девочка не окунула Эрла в фонтан. Милли оправдывалась тем, что Эрл — протестант, а если уж дело дошло до религиозных гонений, католики всегда дадут протестантам два очка вперед.

— Но как же она подожгла этого Эрла?

— Облила керосином полы его рубашки.

— Керосином?!

— Жидкостью для зажигалок, а потом чиркнула спичкой. Мы подозреваем, что она тайком курит.

— Удивительная история!

— Значит, вы не знаете Милли. Я должна сказать вам, мистер Уормолд, что чаша нашего терпения вот-вот переполнится.

Как выяснилось, за полгода до того, как она подожгла Эрла, Милли показывала своим одноклассникам на уроке рисования коллекцию открыток с изображением самых знаменитых картин в мире.

— Не понимаю, что здесь плохого.

— В двенадцать лет, мистер Уормолд, ребенок не должен восхищаться одной только наготой, какие бы великие художники ее ни изображали.

— Неужели там не было ничего, кроме наготы?

— Ничего, если не считать «Махи одетой» Гойи. Но у Милли был и нагой вариант этой картины.

Уормолду пришлось воззвать к милосердию матери-настоятельницы: ведь он — увы! — неверующий, а дочь у него католичка, американский монастырь — единственная католическая школа в Гаване, где учат по-английски; держать гувернантку ему не по средствам. Не хотят же они, чтобы он послал свою дочь в школу Хайрема Ч.Трумэна. Тогда он нарушил бы обещание, данное жене. Он уже втайне подумывал, не требует ли его отцовский долг, чтобы он женился второй раз, но монахини могут косо на это посмотреть, а главное — он все еще любил мать Милли.

Конечно, он поговорил с Милли о ее проступке, ее объяснения покоряли своим простодушием.

— Зачем ты подожгла Эрла?

— Это было искушение дьявола, — сказала она.

— Милли, пожалуйста, не говори глупостей.

— Святых всегда искушает дьявол.

— Ты не святая.

— Совершенно верно. Потому я и поддалась.

И на этом инцидент был исчерпан — точнее он был, вероятно, исчерпан в тот же день между четырьмя и шестью в исповедальне. Ее дуэнья снова была рядом и уже, наверное, за этим проследила. Ах, если бы он только мог знать наверняка, когда дуэнья берет выходной день!

Пришлось обсудить вопрос и о курении тайком.

— Ты куришь сигареты? — спросил он.

— Нет.

Что-то в ее ответе заставило его поставить вопрос иначе:

— Ты когда-нибудь курила, Милли?

— Только сигары, — сказала она.

Теперь, заслышав свист, предупреждавший о появлении Милли, он удивился, почему она идет со стороны порта, а не с Авенида де Бельхика. Но, увидев ее, он сразу все понял. За ней шел молодой приказчик и нес такой огромный пакет, что не видно было его лица. Уормолд подумал с тоской: опять что-то купила. Он поднялся наверх, в квартиру, которая помещалась над магазином, и услышал, как в соседней комнате Милли говорит приказчику, куда положить

пакеты. Раздался стук чего-то тяжелого, треск, звон металла.

— Положите туда, — сказала она, а потом: — Нет, вот сюда.

Ящики с шумом выдвигались и задвигались. Милли стала забивать гвозди в стену. В столовой, где он сидел, кусок штукатурки отвалился и упал в салат — приходящая служанка приготовила им холодный обед.

Милли вышла к столу точно, без опоздания. Ему всегда было трудно скрыть свое восхищение ее красотой, но невидимая дуэнья равнодушно скользнула по нему взглядом, словно он был негодным поклонником. Дуэнья давно уже не брала выходных дней; его чуть-чуть огорчало такое прилежание, и порой он был даже не прочь поглядеть, как горит Эрл. Милли произнесла молитву и перекрестилась, а он сидел, почтительно опустив голову. Это была одна из ее пространных молитв, которая означала, что она либо не очень голодна, либо хочет выиграть время.

— Ну, как у тебя сегодня, отец, все хорошо? — вежливо спросила она.

Такой вопрос могла бы задать жена после долгих лет семейной жизни.

— Неплохо, а у тебя? — Когда он смотрел на нее, он становился малодушным; ему было трудно в чем-либо ей отказать, и он не решался заговорить о покупках. Ведь ее карманные деньги были истрачены еще две недели назад на серьги, которые ей приглянулись, и на статуэтку святой Серафины...

— Я сегодня получила «отлично» по закону божьему и по этике.

— Прекрасно, прекрасно. А что у тебя спрашивали?

— Лучше всего я знала насчет простительных грехов.

— Утром я видел доктора Гассельбахера, — сказал он как будто без всякой связи.

Она вежливо заметила:

— Надеюсь, он хорошо себя чувствует?

Дуэнья явно перегибала палку: в католических школах учат хорошим манерам — тем они и славятся, но ведь манеры существуют только для того, чтобы удивлять посторонних. Он с грустью подумал: а я и есть посторонний. Он не мог сопровождать ее в тот странный мир горящих свечей, кружев, святой воды и коленопреклонений. Иногда ему казалось, что у него нет дочери.

— В день твоего рождения он зайдет к нам. Может, лотом поедем в ночной ресторан.

— В ночной ресторан? — Дуэнья, наверно, на секунду отвернулась, и Милли успела воскликнуть: — O gloria Patri! [4]

— Раньше ты всегда говорила: «Аллилуйя».

— Ну да, в четвертом классе. А в какой ресторан?

— Наверно, в «Насьональ».

— А почему не в «Шанхай»?

— Ни в коем случае! Откуда ты знаешь про «Шанхай»?

— Мало ли что узнаешь в школе.

Уормолд сказал:

— Мы еще не решили, что тебе подарить. Семнадцать лет — это не обычный день рождения. Я подумывал...

— Если говорить, положи руку на сердце, — сказала Милли, — мне ничего не надо.

Уормолд с беспокойством подумал о том громадном пакете. А что если она и в самом деле пошла и купила все, что ей хотелось... Он стал ее упрашивать:

— Ну а все-таки, чего тебе хочется?

— Ничего. Ровно ничегошеньки.

— Новый купальный костюм? — предложил он уже с отчаянием.

— Знаешь, есть одна вещь... Но мы можем ее сразу считать и за рождественский подарок, и за будущий год, и за будущий-будущий год...

— Господи боже, что же это такое?

— Тебе больше не придется заботиться о подарках долго-долго.

— Неужели ты хочешь «Ягуара»?

— Да нет, это совсем маленький подарочек. Никакой не автомобиль. И хватит мне его на много лет. Это очень практичная вещь. И на ней даже, собственно говоря, можно сэкономить бензин.

— Сэкономить бензин?

— А сегодня я купила все принадлежности на свои собственные деньги.

— У тебя нет собственных денег. Я тебе одолжил три песо на святую Серафину.

— Но мне дадут в кредит.

— Милли, сколько раз я тебе говорил, что не разрешаю покупать в кредит. Дают в кредит мне, а не тебе, и дают все менее охотно.

— Бедный папка. Нам грозит нищета?

— Ну, я надеюсь, что как только кончатся беспорядки, дела поправятся.

— Но на Кубе всегда беспорядки. Если дело дойдет до крайности, я ведь могу пойти работать, правда?

— Кем?

— Как Джен Эйр, гувернанткой.

— Кто тебя возьмет?.

— Сеньор Перес.

— Господи, Милли, что ты говоришь? У него четвертая жена, а ты — католичка...

— А может, грешники — мое настоящее призвание, — сказала Милли.

— Не болтай чепухи. И я пока не разорился. Еще не совсем. Надеюсь, что не совсем. Милли, что ты купила?

— Пойдем покажу.

Они пошли к ней в спальню. На кровати лежало седло; на стене, куда она вбила несколько гвоздей (отломав при этом каблук от своих лучших вечерних туфель), висели уздечка и мундштук. Канделябры были увиты поводьями, посреди туалета красовался хлыст. Уормолд спросил упавшим голосом:

— А где лошадь?

Он так и ждал, что лошадь выйдет сейчас из ванной.

— В конюшне, недалеко от Загородного клуба. Угадай, как ее зовут.

— Как я могу угадать?

— Серафина. Разве это не перст божий?

— Но, Милли, я не могу себе позволить...

— Тебе не надо платить за нее сразу. Она — гнедая.

— Какое мне дело до ее масти?

— Она записана в племенную книгу. От Санта Тересы и Фердинанда Кастильского. Она бы стоила вдвое дороже, если бы не повредила себе бабку, прыгая через барьер. С ней ничего особенного не случилось, но вскочила какая-то шишка, и ее теперь нельзя выставлять.

— Пусть она стоит четверть своей цены. Дела идут очень туго, Милли.

— Я ведь тебе объяснила, что сразу платить не надо. Можно выплачивать несколько лет.

— Она успеет сдохнуть, а я все еще буду за нее платить.

— Серафина куда живучее автомобиля. Она, наверно, проживет дольше тебя.

— Но, Милли, послушай, тебе придется ездить в конюшню, не говоря уже о том, что за конюшню тоже полагается платить...

— Я обо всем договорилась с капитаном Сегурой. Он назначил мне самую маленькую плату. Хотел устроить конюшню совсем даром, но я знала, ты не захочешь, чтобы я у него одалживалась.

— Какой еще капитан Сегура?

— Начальник полиции в Ведадо.

— Господи, откуда ты его знаешь?

— Ну, он часто меня подвозит домой на машине.

— А матери-настоятельнице это известно?

Милли чопорно ответила:

— У каждого человека должна быть своя личная жизнь.

— Послушай, Милли, я не могу позволить себе лошадь, ты не можешь позволить себе всякие эти... уздечки. Придется отдать все обратно... И я не позволю, чтобы тебя катал капитан Сегура! — добавил он с яростью.

— Не волнуйся. Он до меня еще и пальцем не дотронулся, — сказала Милли. — Сидит за рулем и поет грустные мексиканские песни. О цветах и о смерти. И одну — о быке.

— Милли, я не разрешаю! Я скажу матери-настоятельнице, обещаю, что ты...

Он видел, как под темными бровями в зеленовато-янтарных глазах собираются слезы. Уормолд почувствовал, что его охватывает паника: точно так смотрела на него жена в тот знойный октябрьский день, когда шесть лет жизни оборвались на полуслове. Он спросил:

— Ты что, влюбилась в этого капитана Сегуру?

Две слезы как-то очень изящно погнались друг за другом по округлой щеке и заблестели, точно сбруя, висевшая на стене; это было ее оружие.

— Да ну его к дьяволу, этого капитана Сегуру, — сказала Милли. — Мне он не нужен. Мне нужна только Серафина. Она такая стройная, послушная, все это говорят.

— Милли, деточка, ты же знаешь, если бы я мог...

— Ах, я знала, что ты так мне скажешь. Знала в глубине души. Я прочитала две новены [5], но они не помогли. А я так старалась. Я не думала ни о чем земном, пока их читала. Никогда больше не буду верить в эти новены. Никогда! Никогда!

Ее голос гулко звучал в комнате, как у ворона Эдгара По. Сам Уормолд был человек неверующий, но ему очень не хотелось каким-нибудь неловким поступком убить ее веру. Сейчас он чувствовал страшную ответственность: в любой момент она может отречься от господ бога. Клятвы, которые он когда-то давал, воскресли, чтобы его обезоружить.

Он сказал:

— Прости меня, Милли...

— Я выстояла две лишние обедни.

Она возлагала на его плечи все бремя своего разочарования в вековой, испытанной ворожбе. Легко говорить, что детям ничего не стоит заплакать, но если вы — отец, разве можно глядеть на это так же хладнокровно, как глядит учительница или гувернантка? Кто знает, а вдруг у ребенка настает такая минута, когда весь мир начинает выглядеть совсем по-иному, как лицо, которое искажается гримасой, когда пробьет роковой час?

— Милли, я тебе обещаю, если в будущем году я смогу... Послушай, Милли, оставь пока у себя седло и все эти штуки...

— Кому нужно седло без лошади? И я уже сказала капитану Сегуре...

— К черту капитана Сегуру! Что ты ему сказала?

— Я ему сказала, что стоит мне попросить у тебя Серафину и ты мне ее подаришь. Я ему сказала, что ты такой замечательный! Про молитвы я ему не говорила.

— Сколько она стоит?

— Триста песо.

— Ах, Милли, Милли... — Ему оставалось только сдаться. — За конюшню тебе придется платить из твоих карманных денег.

— Конечно! — Она поцеловала его в ухо. — С будущего месяца, хорошо?

Они оба отлично знали, что этого никогда не будет. Она сказала:

— Вот видишь, они все-таки помогли, мои новены. Завтра начну опять, чтобы дела у тебя пошли как следует. Интересно, какой святой подойдет для этого лучше всего?

— Я слышал, что святой Иуда — покровитель неудачников, — сказал Уормолд.

3

Уормолд часто мечтал, что вот однажды он проснется и у него окажутся сбережения — акции и сертификаты, широкой рекой потекут дивиденды, совсем, как у богачей из предместья Ведадо; тогда они с Милли вернутся в Англию, где не будет ни капитана Сегуры, ни «охоты», ни свиста. Но мечта таяла, как только он входил в огромный американский банк в Обиспо. Вступив под массивный каменный портал, украшенный орнаментом из цветов клевера с четырьмя листочками, он снова превращался в маленького дельца, каким и был на самом деле, чьих сбережений никогда не хватит на то, чтобы увезти Милли в безопасные края.

Получать деньги по чеку — куда более сложная процедура в американском банке, чем в английском. Американские банкиры ценят личные связи, кассир должен создавать иллюзию, будто он зашел к себе в кассу случайно и рад, что ему посчастливилось встретить здесь клиента. «Кто бы мог подумать, — словно хочет он сказать своей широкой, приветливой улыбкой, — что я встречу именно вас, да еще где, здесь, в байке!» Поговорив с кассиром о его здоровье и о своем самочувствии, удовлетворив взаимный интерес к погоде, которая так балует их этой зимой, клиент робко, просительно сует ему чек (до чего же противное и докучливое дело!), но кассир едва успевает взглянуть на чек, как на столе звонит телефон.

— Это вы. Генри? — с удивлением произносит он в трубку, так, словно голос Генри он тоже не ожидал услышать в этот день. — Что новенького? — Он долго выслушивает новости и при этом игриво вам улыбается: ничего не попишешь, дело есть дело. — Да, должен признаться, Эдит вчера выглядела очень эффектно, — поддакивает кассир.

Уормолд нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

— Да, вечер прошел замечательно, просто замечательно. Я? Я — отлично. Ну, а чем мы можем быть вам полезны сегодня?

— Пожалуйста, прошу вас, вы ведь знаете, Генри. Мы всегда рады вам услужить... Сто пятьдесят тысяч долларов на три года?.. Нет, для такой фирмы, как ваша, какие могут быть трудности! Нам придется согласовать с Нью-Йорком, но это же чистая формальность. Забегите, когда будет свободная минутка, и поговорите с управляющим. Выплачивать помесечно? Зачем, когда речь идет об американской фирме! Да, мы можем сговориться на пяти процентах. Сделать тогда двести тысяч на четыре года? Пожалуйста, Генри.

Чек Уормолда, казалось, съеживался от собственного ничтожества. «Триста пятьдесят долларов» — сумма прописью выглядела такой же тщедушной, как и все его ресурсы.

— Увидимся завтра у миссис Слейтер? Ладно, сыграем партию. Только уговор, не вытаскивать козырей из рукава! Когда придет ответ? Да дня через два, если запросим

телеграфно. Завтра в одиннадцать? Когда вам угодно. Генри. Заходите и все тут. Я скажу управляющему. Он вам будет ужасно рад... Простите, что задержал вас, мистер Уормолд.

Его он упорно называл по фамилии. Наверное, подумал Уормолд, со мной нет смысла быть на короткой ноге? А может, национальность создает между нами такую преграду?

— Триста пятьдесят долларов? — Кассир искоса заглянул в книгу и стал отсчитывать бумажки. Но телефон зазвонил снова.

— Не может быть! Миссис Эшуорт! Куда же это вы пропали? В Майами? Вы шутите! — Прошло несколько минут прежде, чем он покончил с миссис Эшуорт. Передавая Уормолду банкноты, он сунул ему и листок бумаги. — Вы, надеюсь, не возражаете, мистер Уормолд. Вы ведь сами просили держать вас в курсе дела.

На листке было указано, что он перебрал по своему счету пятьдесят долларов.

— Ни в коей мере. Очень вам признателен, — сказал Уормолд. — Но беспокоиться нечего.

— Что вы, банк несколько не беспокоится, мистер Уормолд. — Вы ведь сами просили, вот и все.

Уормолд подумал: «Ну да, если бы я перебрал пятьдесят тысяч долларов, он бы, наверно, звал меня Джимом».

В это утро ему почему-то не хотелось встречаться с доктором Гассельбахером за «дайкири». Временами доктор Гассельбахер казался ему уж слишком беззаботным, поэтому он пошел к «Неряхе-Джо», а не в «Чудо-бар». Ни один житель Гаваны не заглядывал к «Неряхе-Джо», потому что туда ходили туристы; однако туристов, увы, теперь становилось все меньше, ибо нынешнее правительство Дышало на ладан. Хотя в застенках Jefatura [6] испокон веку творились темные дела, но они не касались туристов из «Насьоналя» или «Севил-Билтмора»; однако, когда одного из туристов убило шальной пулей, в то время как он фотографировал какого-то живописного нищего под балконом президентского дворца, выстрел прозвучал погребальным звоном по всем туристским маршрутам, «включающим прогулку на пляж Варадеро и по значным местам ночной Гаваны». Пуля превратила в осколки и «лейку» убитого, что особенно напугало его спутников. Уормолд слышал, как они потом говорили в баре «Насьоналя»:

— Пробила камеру насквозь. Пятьсот долларов — кошке под хвост.

— А его убило сразу?

— Еще бы. А объектив... осколки разлетелись на пятьдесят метров в окружности. Видите? Везу кусочек домой, чтобы показать мистеру Хампелнику.

В это утро длинный зал был пуст, если не считать элегантного незнакомца в одном углу и толстого агента туристской полиции, который курил сигару в другом углу. Англичанин так внимательно разглядывал бесконечную батарею бутылок, что не сразу заметил Уормолда.

— Да не может быть! — воскликнул он. — Кого я вижу? Мистер Уормолд! — Уормолд удивился, откуда он знает его имя, ведь он же забыл вручить ему фирменную карточку. — Восемнадцать разных сортов шотландского виски, — сказал незнакомец, — включая «Черную этикетку». А пшеничного я даже не считал. Поразительное зрелище! Поразительное... — повторил он почтительным шепотом. — Вы когда-нибудь видели столько разных сортов?

— Представьте, да. Я собираю пробные бутылочки, и у меня уже есть девяносто девять

марок.

— Интересно. А что сейчас выпьете? Как насчет «Хейга с ямочками»?

— Благодарю. Я уже заказал «дайкири».

— Такие напитки меня расслабляют.

— Вы уже решили, какой вам нужен пылесос? — для приличия спросил Уормолд.

— Пылесос?

— Ну да, электропылесос. То, что я продаю.

— А-а, пылесос... Ха-ха! Плюньте на эту дрянь и выпейте со мной виски.

— Днем я никогда не пью виски.

— Ох, уж эти мне южане!

— При чем тут южане?

— Кровь у вас жидкая. От солнца, так сказать. Ведь вы родились в Ницце!

— Откуда вы знаете?

— Ну, господи, слухами земля полнится. То с одним поболтаешь, то с другим. По правде говоря, я и с вами хотел кое о чем потолковать.

— Пожалуйста.

— Да нет, я предпочел бы местечко потише. Тут все время шныряют какие-то типы — входят, выходят...

Как это было далеко от истины! Ни одна живая душа не проходила мимо дверей, освещенных жгучими лучами солнца. Полицейский мирно спал, прислонив сигару к пепельнице, — в этот час здесь не было ни единого туриста, который бы нуждался в опеке и надзоре. Уормолд сказал:

— Если насчет пылесоса, пойдемте лучше в магазин.

— Не надо. Не хочу, чтобы видели, как я там околачиваюсь. Бар в этом смысле совсем неплохое место. Встречаете земляка, хотите посидеть вдвоем, что может быть естественнее?

— Не понимаю.

— Ну вы же знаете, как это бывает.

— Не знаю.

— То есть как, вы не считаете, что это естественно?

Уормолд отчаялся что-нибудь понять. Он оставил на стойке восемьдесят сентаво и сказал:

— Мне пора в магазин.

— Зачем?

— Я не люблю оставлять надолго Лопеса одного.

— Ах, Лопеса... Вот как раз о Лопесе я и хочу с вами поговорить.

И снова Уормолд подумал, что это, вернее всего, какой-то чудаковатый инспектор из главной конторы; однако он явно перешел всякие границы чудачества, когда шепнул ему:

— Ступайте в уборную, я сейчас приду.

— В уборную? Зачем?

— Потому что я не знаю, где она.

В этом свихнувшемся мире проще всего подчиняться, не рассуждая. Уормолд провел незнакомца через заднюю дверь по короткому коридору и показал вход в уборную.

— Вон там.

— Ступайте вперед, старина.

— Да мне не нужно.

— Не валяйте дурака, — сказал незнакомец.

Он положил руку Уормолду на плечо и втолкнул его в дверь. Внутри были две раковины, стул с поломанной спинкой, обычные кабинки и Писсуары.

— Сядьте, старина, — сказал незнакомец, — а я пушу воду. — Но когда вода пошла, он и не подумал умыться. — Будет выглядеть куда естественнее, — объяснил он (слово «естественный» было, видно, его любимым эпитетом), — если кто-нибудь сюда ворвется. И, конечно, собьет с толку микрофон.

— Микрофон?

— Верно. Совершенно верно. В таком месте вряд ли может быть микрофон, но правила прежде: всего. Выигрывает последнюю схватку тот, кто действует по всем правилам. Хорошо, что здесь, в Гаване, моют руки под краном, а не в раковине. Пусть себе вода течет.

— Да объясните вы мне...

— Осторожность, надо вам сказать, не мешает даже в уборной. Один наш парень в Дании в девятьсот сороковом увидел из своего собственного окна, как германский флот идет через Каттегат.

— Какой гад?

— Каттегат. Ну, он сразу понял, что началась заваруха. Стал жечь бумаги. Пепел бросил в унитаз и дернул цепочку. Не повезло: весенние заморозки. Трубы замерзли. Пепел всплыл в ванне этажом ниже. Квартира старой девы баронессы, как, бишь, ее звали? Как раз собиралась принимать ванну. Пиковое положение у нашего парня.

— Прямо шпионаж какой-то!

— Это и есть шпионаж, старина, во всяком случае, как это называют в романах. Вот почему я и хотел поговорить о вашем Лопесе. Он человек надежный или лучше его убрать?

— Вы что, из разведки?

— Да вроде того.

— Зачем я стану выгонять Лопеса? Он у меня работает уже десять лет.

— Мы можем найти вам человека, который отлично разбирается в пылесосах. Но, естественно, последнее слово должно остаться за вами.

— Да какое я имею отношение к вашей разведке?

— Минуточку, старина, сейчас мы к этому подойдем. Мы на всякий случай проверили Лопеса — он, кажется, чист. Но вот ваш друг Гассельбахер... тут бы я поостерегся.

— Откуда вы знаете Гассельбахера?

— Я ведь тут уже пару дней и кое-что разнюхал. В таких случаях надо быть в курсе дела.

— В каких случаях?

— Где он родился, этот Гассельбахер?

— Кажется, в Берлине.

— На чьей он стороне? Восток? Запад?

— Мы никогда не говорим о политике.

— Впрочем, это роли не играет. Восток или Запад — немец есть немец. Вспомните Риббентропа. Нас второй раз на эту удочку не поймаешь.

— Гассельбахер не занимается политикой. Он старый врач, живет здесь уже тридцать лет.

— Все равно, вы себе не представляете... Но вы правы: если вы с ним порвете, это сразу бросится в глаза. Осторожно водите его за нос, вот и все. Если обходиться с ним умело, он может быть даже полезен.

— Я не собираюсь водить его за нос.

— Это нужно для дела.

— Да не желаю я участвовать в ваших делах! Что вы ко мне привязались?

— Вы — английский патриот. Живете здесь много лет. Уважаемый член Европейского коммерческого общества. А нам необходим резидент в Гаване, сами понимаете. Подводные лодки нуждаются в горючем. Диктаторы всегда находят общий язык. Большие диктаторы затачивают в свои сети маленьких.

— Атомным подводным лодкам не нужно горючее.

— Точно, старина, точно. Но война всегда немножко отстает от жизни. Надо быть готовым, что против нас используют и обычные виды вооружения. К тому же не забывайте об экономическом шпионаже: сахар, кофе, табак.

— Вы найдете все, что вам нужно, в официальных ежегодниках.

— Мы им не доверяем, старина. Ну и конечно, политическая разведка. Ваши пылесосы дают вам доступ в любое место.

— Вы хотите, чтобы я делал анализы пыли?

— Вам, старина, это может показаться смешным, но ведь основным источником сведений, которые получила французская разведка во время дела Дрейфуса, была уборщица германского посольства — она собирала обрывки из корзин для бумаг.

— Я даже не знаю, как вас зовут.

— Готорн.

— А кто вы такой?

— Ну что ж, могу вам сказать; я организую сеть в районе Карибского моря. Минуточку! Кто-то идет. Я умываюсь. А ну-ка, ступайте в клозет. Нас не должны видеть вместе.

— Но нас уже видели вместе.

— Случайная встреча. Земляки. — Он втолкнул Уормолда в кабинку так же, как раньше втолкнул его в уборную. — Правила прежде всего. Ясно?

Наступила тишина, только вода журчала в кране. Уормолд присел. Ему не оставалось ничего другого. Ноги его все равно были видны из-под перегородки, не доходившей до полу. Вода продолжала течь. Уормолд испытывал чувство безграничного удивления. Его поражало, почему он не покончил со всей этой ерундой с самого начала. Ничего удивительного, что Мэри его бросила. Он вспомнил одну из их ссор: «Почему ты что-нибудь не сделаешь, не совершишь хоть какого-нибудь поступка, все равно какого! Стоишь, как истукан...» «Ну по крайней мере на этот раз я не стою, а сижу». Да и что он мог сказать? Ему не дали возможности вставить хоть слово. Минуты шли. Какие громадные у кубинцев мочевые пузыри; руки у Готорна, наверно, уже давно чистые. Вода перестала течь. Он, видно, вытирает руки; Уормолд вспомнил, что здесь нет полотенца. Еще одна задача для Готорна, но он с ней справится. Не зря ведь он прошел специальную подготовку. Наконец чьи-то ноги прошли назад к двери. Дверь закрылась.

— Можно выйти? — спросил Уормолд.

Это прозвучало, как капитуляция. Теперь он подчинялся приказу.

Готорн на цыпочках подошел поближе.

— Дайте мне несколько минут, старина, чтобы я успел убраться. Знаете, кто это был? Тот полицейский. Подозрительно, правда?

— Он мог узнать мои ноги под дверью. Как вы думаете, не обменяться ли нам штанами?

— Будет выглядеть неестественно, — сказал Готорн, — но мозги у вас варят правильно. Я оставляю в раковине ключ от моей комнаты. «Севил-Билтмор», пятый этаж, пройдете прямо вверх. Сегодня вечером, в десять. Нужно потолковать. Деньги и прочее. Низменные материи. Портье обо мне не спрашивайте.

— А вам разве ключ не нужен?.

— У меня есть отмычка. Пока.

Уормолд поднялся и увидел, как затворилась дверь за элегантной фигурой и невыносимым жаргоном Готорна. Ключ лежал в раковине — «комната 510».

В половине десятого Уормолд зашел к Милли, чтобы пожелать ей спокойной ночи. Тут, во

владениях дуэньи, был безукоризненный порядок: перед статуэткой святой Серафины горела свеча; золотистый требник лежал возле кровати; одежда была старательно убрана, словно ее не было вовсе, и в воздухе, как фимиам, плавал легкий запах одеколona.

— Ты чем-то расстроен, — сказала Милли. — Все еще волнуешься из-за капитана Сегуры?

— Ты меня никогда не водишь за нос, а, Милли?

— Нет. А что?

— Все почему-то меня водят за нос.

— И мама тоже водила?

— По-моему, да.

— А доктор Гассельбахер?

Он вспомнил негра, который ковылял мимо бара. Он сказал:

— Может быть. Иногда.

— Но ведь это делают, когда любят, правда?

— Не всегда. Я помню в школе...

Он замолчал.

— Что ты вспомнил, папа?

— Много всякой всячины.

Детство — начало всякого недоверия. Над тобой жестоко потешаются, а потом ты начинаешь жестоко потешаться над другими. Причиняя боль, теряешь воспоминания о том, как было больно тебе. Однако он каким-то образом, но отнюдь не потому, что был чересчур уж добрым, не пошел по этому пути. Может быть, оттого, что у него просто не хватило характера. Говорят, что школа вырабатывает характер, стесывая острые углы. Углы-то ему стесали, но в результате, кажется, получился не характер, а нечто бесформенное, как один из экспонатов в музее современного искусства.

— А тебе хорошо, Милли? — спросил он.

— Конечно.

— И в школе тоже?

— Да. А что?

— Тебя никто больше не дергает за волосы?

— Конечно, нет.

— И ты никого больше не поджигашь?

— Ну, тогда мне было тринадцать, — сказала она надменно. — Чем ты расстроен, папа?

Она сидела на кровати: на ней был белый нейлоновый халат. Он любил ее и тогда, когда рядом была ее дуэнья, но еще больше — когда дуэньи не было; у него уже мало оставалось времени на то, чтобы любить, он не мог терять ни минуты. Он словно провожал ее в

путешествие, провожал недалеко, остальной путь ей придется проделать одной. Годы разлуки надвигались, как станция, когда едешь в поезде, но ей они сулили дары, ему же — одни утраты. В этот вечерний час он как-то особенно остро ощущал жизнь; не из-за Готорна — загадочного и нелепого, не из-за жестокостей, которые творились государствами и полицией, — все это казалось ему куда менее важным, чем неумелые пытки в школьном дортуаре. Маленький мальчик с мокрым полотенцем в руках, которого он только что вспомнил, — интересно, где он сейчас? Жестокие приходят и уходят, как города, королевства или властители, не оставляя за собой ничего, кроме собственных обломков. Они тленны. А вот клоун, которого в прошлом году они с Милли видели в цирке, — этот клоун вечен, потому что его трюки никогда не меняются. Вот так и надо жить: клоуна не касаются ни причуды государственных деятелей, ни великие открытия гениальных умов.

Уормолд, глядя в зеркало, стал строить гримасы.

— Господи, что ты делаешь?

— Хотел себя рассмешить.

Милли захихикала.

— А я думала, что ты грустный и чем-то озабочен.

— Поэтому мне и захотелось посмеяться. Помнишь клоуна в прошлом году?

— Он упал с лестницы прямо в ведро с известкой.

— Он падает в него каждый вечер в десять часов. Нам бы всем не мешало быть клоунами, Милли. Никогда ничему не учись на собственном опыте.

— Мать-настоятельница говорит...

— Не слушай ее. Бог ведь не учится на собственном опыте, не то как бы он мог надеяться найти в человеке что-нибудь хорошее? Вся беда в ученых — они складывают один плюс один и всегда получают два. Ньютон, открывая закон притяжения, основывался на опыте, а потом...

— А я думала — на яблоке.

— Это одно и то же. Понадобилось только время, чтобы лорд Резерфорд расщепил атом. Он тоже учился на собственном опыте, так же как и люди Хиросимы. Эх, если бы мы рождались клоунами, нам бы не грозило ничего дурного, кроме разве небольших ссадин... Да еще в известке немного перемажешься. Не учись на собственном опыте, Милли. Это губит душевный покой.

— А что ты делаешь сейчас?

— Хочу пошевелить ушами. Раньше я умел. А вот теперь не получается.

— Ты все еще скучаешь по маме?.

— Иногда.

— Ты все еще ее любишь?

— Может быть. Время от времени.

— Она, наверно, была очень красивая в молодости?

— Да она и сейчас не старая. Ей тридцать шесть.

— Ну, это уже старая.

— А ты ее совсем не помнишь?

— Плохо. Она ведь часто уезжала, правда?

— Да, часто.

— Я все-таки за нее молюсь.

— О чем ты молишься? Чтобы она вернулась?

— Конечно, нет, совсем не об этом. Мы можем обойтись и без нее. Я молюсь о том, чтобы она опять стала доброй католичкой.

— А я вот не католик.

— Ну, это совсем другое дело. Ты не ведаешь, что творишь.

— Да, пожалуй.

— Я не хочу тебя обидеть, папа. Но так говорят богословы. Ты будешь спасен, как все добрые язычники. Помнишь, как Сократ и Сетевайо.

— Какой Сетевайо?

— Король зулусов.

— О чем ты еще молишься?

— Ну, конечно, последнее время я больше налегала на лошадь...

Он поцеловал ее и пожелал спокойной ночи. Она спросила:

— Куда ты идешь?

— Мне надо кое-что уладить насчет лошади.

— Я причиняю тебе ужасно много хлопот! — сказала она не очень уверенно. Потом сладко вздохнула и укрылась простыней до самой шеи. — Как чудесно, что всегда получаешь то, о чем молишься, правда?

4

На всех углах ему предлагали: «Такси!», — словно он был приезжим, и вдоль бульвара через каждые несколько метров к нему по привычке, сам не веря в успех, приставал какой-нибудь сутенер: «Разрешите услужить вам, сэр?» — «Я знаю всех хорошеньких девочек». — «Хотите красивую женщину?» — «Открытки?» — «Угодно посмотреть возбуждающий фильм?» Они были еще совсем детьми, когда он приехал в Гавану; он, бывало, оставлял их постеречь машину и давал за это пять сентаво, и хотя они старели вместе с ним, привыкнуть к нему они так и не могли. Для них он все равно не был местным жителем, так и остался вечным туристом. Вот они и привязывались к нему: рано или поздно он, как и все остальные, захочет посмотреть «сверхчеловека», дающего сеанс в публичном доме «Сан-Франциско». Ну что ж, они по крайней мере тоже не желали учиться у жизни.

На углу Вирдудес его окликнул из «Чудо-бара» доктор Гассельбахер:

— Куда это вы так спешите, мистер Уормолд?

— У меня деловое свидание.

— Всегда есть время выпить рюмочку виски. — По тому, как он произнес слово «виски», было ясно, что у него время нашлось, и не на одну, а на много рюмок.

— Я и так опаздываю.

— В этом городе никто никуда не опаздывает, мистер Уормолд. А у меня для вас припасен подарок.

Уормолд вошел в бар. Он горько усмехнулся:

— Кому вы сочувствуете, Гассельбахер, Востоку или Западу?

— Востоку или Западу чего? Ах, вот вы о чем. А мне-то до них какое дело?

— Что вы хотите мне подарить?

— Я попросил моего пациента привезти их из Майами. — Гассельбахер вынул из кармана две маленькие бутылочки виски: одна была «Лорд Кальверт», другая — «Старый портняжка». — У вас есть? — спросил он с беспокойством.

— «Кальверт» есть, а «Портняжки» нет. Очень мило, что вы вспомнили о моей коллекции, Гассельбахер.

Уормолда всегда удивляло, что он продолжает существовать для других даже тогда, когда его нет перед глазами.

— Сколько у вас теперь?

— Сто, вместе с пшеничным и ирландским. Семьдесят шесть шотландского.

— Когда вы их выпьете?

— Может быть, тогда, когда дойду до двухсот.

— Знаете, что бы я сделал на вашем месте? — спросил Гассельбахер. — Играл ими в шашки. Бьешь шашку — выпиваешь бутылочку.

— Это идея.

— Шансы уравниваются, — сказал Гассельбахер. — В этом вся прелесть. Лучший игрок вынужден больше пить. Подумайте, как здорово. Налейте себе еще рюмку.

— Пожалуй.

— Мне нужна ваша помощь. Меня утром ужалила оса.

— Вы же врач, а не я.

— Дело совсем не в этом. Через час я поехал к больному за аэропорт и переехал курицу.

— Ничего не понимаю.

— Ах, мистер Уормолд, мистер Уормолд, что-то вы сегодня рассеяны. Спуститесь на землю. Нам надо немедленно найти лотерейный билет, успеть до розыгрыша. Оса — это двадцать семь. Курица — тридцать семь.

— Но у меня деловое свидание.

— Свидание подождет. Выпейте свое виски. Нам надо поискать на рынке билеты.

Уормолд пошел с ним к его машине. Как и Милли, доктор Гассельбахер был человек верующий. Им руководили числа, как Милли — святые.

По всему рынку были развешаны «счастливые» номера, выведенные синей и красной краской. Те номера, которые считались «несчастливыми», прятали под прилавок: их оставляли для всякой мелкой сошки и на продажу уличным торговцам. Эти номера не имели никакой ценности, в них не было цифры со значением числа, обозначающего монашку или кота, осу или курицу.

— Поглядите, вон 27483, — показал Уормолд.

— Он ничего не стоит без курицы, — сказал доктор Гассельбахер.

Они поставили машину и пошли пешком. По этому рынку не шатались сутенеры: лотерея была серьезным промыслом, не изгаженным туристами. Раз в неделю правительственное учреждение раздавало номера, и каждый политический деятель получал билеты в соответствии с тем влиянием, каким он пользовался. За билеты он платил по 18 долларов и перепродавал их оптовикам по двадцати одному. Если его доля составляла двадцать билетов, он мог рассчитывать на постоянный еженедельный доход в шестьдесят долларов. «Счастливый» номер, в котором были заведомо хорошие приметы, шел по цене до тридцати долларов. О таких доходах, конечно, не смел и мечтать мелкий уличный торговец. Имея на руках только «несчастливые» номера, за которые было заплачено не меньше, чем по двадцать три доллара, он должен был здорово попотеть, чтобы заработать себе на жизнь. Он делил билеты на сто долей, по двадцать пять центов каждая; он обходил автомобильные стоянки, разыскивая машину с номером, совпадающим с одним из его билетов (какой владелец машины мог устоять перед таким соблазном?); он отыскивал свои номера в телефонной книге, рискуя десятью сентаво на автомат: «Сеньора, я продаю лотерейный билет с таким же номером, как номер вашего телефона».

Уормолд сказал:

— Поглядите: вот 37 и 72.

— Этого еще мало, — решительно заявил доктор Гассельбахер.

Доктор Гассельбахер листал списки номеров, которые не считались достаточно счастливыми, чтобы их выставлять. Кто знает — на вкус, на цвет товарищей нет, — могли найтись и такие люди, для кого оса ничего не значила. В темноте завывала полицейская сирена, машина обогнула рынок и пронеслась мимо. На обочине сидел человек с цифрой на рубашке, словно у каторжника. Он сказал:

— Кровавый Стервятник.

— О ком это он?

— О капитане Сегуре, о ком же еще? — сказал доктор Гассельбахер. — Замкнутую жизнь вы ведете, ничего не скажешь.

— Почему его так называют?

— Он мастер пытать и калечить людей.

— Пытать?

— Нет, тут ничего не найдешь, — сказал доктор Гассельбахер. — Давайте попробуем поискать в Обиспо.

— А почему бы нам не обождать до утра?

— Сегодня канун розыгрыша. Ей-богу, можно подумать, что у вас рыба кровь, мистер Уормолд. Судьба своим перстом указывает вам путь — осу и курицу, вам надо пойти по нему, не мешкая. Человек должен заслужить свое счастье.

Они снова влезли в машину и направились к Обиспо.

— А этот самый капитан Сегура... — начал Уормолд.

— Ну?

— Ничего.

Было одиннадцать часов, когда они нашли билет, удовлетворявший доктора Гассельбахера, а так как лавка, в которой билет был выставлен, уже закрылась, им оставалось только выпить еще по рюмочке.

— Где у вас свидание?

Уормолд ответил:

— В «Севил-Билтморе».

— И там можно выпить не хуже, чем в другом месте, — сказал доктор Гассельбахер.

— А вам не кажется, что «Чудо-бар»?..

— Нисколько. Почему не попробовать новое место? Если вы не можете сменить привычный бар на другой, значит, вы постарели.

Они чуть не ошупью пробрались к стойке бара «Севил-Билтмор». В полутьме были смутно видны другие посетители, которые молча согнулись над своими бокалами, словно парашютисты, угрюмо ожидающие сигнала к прыжку. Только буйная жизнерадостность доктора Гассельбахера могла устоять против этого мрака.

— Вы ведь еще не выиграли, — прошептал Уормолд, пытаясь его утихомирить, но даже на шепот к ним с укором повернулась во тьме чья-то голова.

— Сегодня я выиграл, — произнес доктор Гассельбахер громко и твердо. — Завтра я могу проиграть, но сегодня никто не лишит меня моей победы. Сто сорок тысяч долларов, мистер Уормолд! Какая жалость, что я слишком стар для любви. Я мог бы осчастливить красивую женщину, подарив ей рубиновое ожерелье. Но я не знаю, что делать. На что мне истратить эти деньги, мистер Уормолд? Пожертвовать на больницу?

— Извините, — прошептал чей-то голос из темноты, — неужели этот тип и в самом деле выиграл сто сорок тысяч зелененьких?

— Да, сэр, я их выиграл, — решительно заявил доктор Гассельбахер, прежде чем Уормолд успел вмешаться. — Я их выиграл, и это так же верно, как то, что вы существуете, мой почти невидимый друг. Ведь вы бы не существовали, если бы я не верил в то, что вы существуете: вот так же и эти доллары. Я верю, и поэтому вы — есть.

— То есть как это я, по-вашему, не существую?

— Вы существуете только в моем сознании, милый друг. Если бы я вышел из этой комнаты...

— Да он тронутый!

— Ну тогда докажите, что вы существуете.

— То есть как это «докажите»? Конечно, я существую. У меня первоклассное дело по торговле недвижимостью, жена и двое детей в Майами; я сегодня прилетел сюда на «Дельте» и сейчас пью виски; что, верно, а? — В голосе слышались слезы.

— Бедняга, — сказал доктор Гассельбахер, — вы заслуживаете более изобретательного творца, чем я. Неужели я не мог придумать для вас ничего более интересного, чем Майами и недвижимость? Неужели не мог уделить вам немножко фантазии? Придумать вам имя, которое стоило бы запомнить.

— А чем плохое у меня имя?

«Парашютисты» у стойки замерли в немом негодовании — перед прыжком нужно беречь нервы.

— Ну, немножко поразмыслив, я сделаю его получше.

— Спросите в Майами кого угодно о Генри Моргане...

— Нет, ей-богу, я плохо сработал. Но знаете что? — спросил доктор Гассельбахер. — Я на минуточку выйду из бара и вас уничтожу. А потом вернусь с другой выдумкой, похлеще.

— То есть как это — похлеще?

— Понимаете, если бы вас придумал вот этот мой друг, мистер Уормолд, вам бы куда больше повезло. Он бы дал вам университетское образование, какое-нибудь имя, вроде Пеннифезер...

— То есть как это — Пеннифезер? Вы пьяны!

— Конечно, пьян. А пьянство губит воображение. Поэтому-то я вас так пошло придумал: Майами, земельные участки, перелет на «Дельте»... Пеннифезер прибыл бы из Европы и пил бы свой национальный напиток — розовый джин.

— Я пью шотландское виски, и меня это устраивает.

— Это вам кажется, что вы пьете виски. Или, точнее говоря, это я вообразил, будто вы пьете виски. Но мы сейчас все это переиграем, — радостно объявил доктор Гассельбахер. — Я на минутку выйду в холл и, в самом деле, придумаю что-нибудь похлеще.

— Я не позволю над собой измываться, — встревоженно заявил сосед.

Доктор Гассельбахер выпил виски, положил на стойку доллар и поднялся — пошатываясь, но сохраняя достоинство.

— Вы мне будете благодарны, — сказал он. — Ну, что бы нам придумать? Доверьтесь мне и мистеру Уормолду. Художник, поэт, а может, вы предпочитаете жизнь искателя приключений, контрабанду оружием, шпионаж? — С порога он отвесил поклон возмущенной тени. — Простите меня великодушно за торговлю недвижимостью.

Голос прозвучал нервно, в нем слышалась неуверенность и даже какой-то страх:

— Он либо пьян, либо тронутый.

Но «парашютисты» продолжали молчать.

Уормолд сказал:

— Ну, я с вами попрощаюсь, Гассельбахер. Я и так опоздал.

— Считаю своим долгом проводить вас, мистер Уормолд, и объяснить, что это я вас задержал. Не сомневаюсь, что, когда я расскажу вашему Другу, как мне повезло, он нас простит.

— Не нужно. Уверю вас, это лишнее, — сказал Уормолд.

Он знал, что Готорн сделает из этого свои выводы. Даже разумный Готорн, если бы таковой существовал в природе, был бедствием, ну а Готорн, страдающий подозрительностью... у Уормолда холодела спина от одной этой мысли.

Он направился к лифту; доктор Гассельбахер плелся за ним. Не обратив внимания на красную сигнальную лампочку и предупреждение «Осторожно! Ступеньки», доктор Гассельбахер споткнулся.

— О, господи, — сказал он, — у меня подвернулась нога!

— Идите домой, Гассельбахер, — взмолился Уормолд с отчаянием.

Он вошел в кабину лифта, но доктор Гассельбахер с неожиданной ловкостью вскочил туда вслед за ним. Он сказал:

— Деньги исцеляют любую боль. Я давно уже не проводил так хорошо вечер.

— Шестой этаж, — сказал Уормолд. — Мне надо остаться одному, Гассельбахер.

— Зачем? Извините. У меня икота.

— Я иду на свидание, Гассельбахер.

— Красивая женщина, мистер Уормолд? Я поделюсь с вами выигрышем, чтобы вам было легче совершать безумства.

— Да нет, это совсем не женщина. Деловое свидание, только и всего.

— Секретное дело?

— Я же вам говорил.

— Какие могут быть секреты у пылесосов, мистер Уормолд?

— Новое агентство, — сказал Уормолд.

Лифтер объявил:

— Шестой этаж.

Уормолд шел на корпус впереди, и голова его работала более ясно, чем у Гассельбахера. Комнаты были расположены, как тюремные камеры, по всем четырем сторонам квадратной галереи; внизу, в бельэтаже, как светящиеся знаки на мостовой, блестели две лысины. Он заковылял к тому углу галереи, куда выходила лестница. и доктор Гассельбахер заковылял вслед за ним, но Уормолд был куда более опытный хромым.

— Мистер Уормолд, — кричал ему Гассельбахер, — мистер Уормолд, я с радостью помещу сто тысяч из моего выигрыша...

Уормолд спустился уже на последнюю ступеньку, когда Гассельбахер только подошел к лестнице; пятьсот десятая комната была близко. Он повернул ключ. Маленькая настольная лампа освещала пустую гостиную. Уормолд тихонько притворил дверь — доктор Гассельбахер еще не успел спуститься. Уормолд приложил ухо к скважине и услышал, как доктор Гассельбахер подпрыгивает, припадает на одну ногу, икает и проходит мимо. Уормолд подумал: «Я чувствую себя шпионом и веду себя, как шпион. Это идиотство. Что я скажу Гассельбахеру завтра утром?»

Дверь в спальню была закрыта, и он направился было к ней. Но потом остановился. Не буди спящего пса! Если я нужен Готорну, пусть Готорн отыщет меня сам. Однако любопытство заставило его осмотреть комнату.

На письменном столе лежали две книги: два одинаковых экземпляра «Шекспира для детей» Лэма. На листке блокнота, — может быть, Готорн делал заметки для предстоящей встречи, — было написано: «1.Оклад. 2.Расходы. 3.Связь. 4.Чарльз Лэм. 5.Чернила». Он собирался открыть книгу, но чей-то голос сказал:

— Руки вверх! Arriba los manos!

— Las manos, — поправил Уормолд. Он с облегчением увидел, что это Готорн.

— Ах, это вы, — сказал Готорн.

— Я немножко запоздал. Извините. Мы гуляли с Гассельбахером.

На Готорне была лиловая шелковая пижама с монограммой на кармане. Вид у него был королевский. Он сказал:

— Я уснул, а потом услышал, что кто-то здесь ходит. — Можно было подумать, что его поймали врасплох и он забыл о своем жаргоне, не успел им прикрыться, хоть и надел пижаму. Он спросил: — Вы трогали Лэма?

Слова звучали, как укор, — он напоминал проповедника из Армии спасения.

— Извините. Я просто хотел посмотреть.

— Ничего. Это показывает, что инстинкт у вас верный.

— Вы, видно, любите эту книгу.

— Один экземпляр для вас.

— Но я ее читал, — сказал Уормолд, — много лет назад, и я не люблю Лэма.

— Она не для чтения. Неужели вы не слышали о книжном шифре?

— Сказать по правде, нет.

— Сейчас покажу вам, как это делается. Один экземпляр остается у меня. Сносясь со мной, вам надлежит только указать страницу и строку, с которой вы начинаете шифровку. Конечно, этот шифр не так трудно разгадать, как механический, но и он заставит попотеть всяких там Гассельбахеров.

— Я бы вас очень просил выкинуть доктора Гассельбахера из головы!

— Когда мы как следует организуем вашу контору и обеспечим надлежащую конспирацию — сейф с секретом, радиопередатчик, обученный персонал, — словом, приведем в порядок все ваше хозяйство, тогда мы, конечно, сможем отказаться от этого примитивного кода, однако только опытный криптолог может разгадать такой шифр, не зная названия книги и когда она издана.

— А почему вы выбрали Лэма?

— Это единственная книга, которую я нашел в двух экземплярах, не считая «Хижина дяди Тома». Я очень торопился и должен был что-нибудь купить в Кингстоне до отъезда. Да, там была еще одна книжка под названием «Зажженная лампа. Руководство для вечерней молитвы». Но мне казалось, что она будет выглядеть как-то неестественно у вас на полке, если вы человек неверующий.

— Да, я человек неверующий.

— Я привез вам и чернила. У вас есть электрический чайник?

— Да, а что?

— Понадобится, чтобы вскрывать письма. Наши люди должны быть оснащены на все случаи жизни.

— А зачем чернила? У меня дома сколько угодно чернил?

— Да, но это симпатические чернила! На случай, если вам что-нибудь придется послать обычной почтой. У вашей дочери, надеюсь, есть крючок для вязания?

— Она не вяжет.

— Тогда вам придется купить. Лучше всего из пластмассы. Стальной иногда оставляет следы.

— На чем?

— На конверте, который вы будете вскрывать.

— А зачем, прости господи, мне вскрывать конверты?

— Может возникнуть необходимость познакомиться с перепиской доктора Гассельбахера. Вам, естественно, придется обзавестись своей агентурой на почте.

— Я категорически отказываюсь...

— Не упрямитесь. Я затребовал сведения из Лондона. Когда мы его проверим, мы решим вопрос о его переписке. Полезный совет: если у вас выйдут чернила, пользуйтесь птичьим дерьмом — вы запоминаете, я не слишком быстро?

— Да ведь я еще не сказал, что согласен...

— Лондон дает сто пятьдесят долларов в месяц и еще сто пятьдесят на расходы — в этих придется отчитываться. Оплата вашей агентуры и так далее. На дополнительные расходы надо получить специальное разрешение.

— Пойдите...

— От подоходного налога вы освобождаетесь, имейте это в виду. — Готорн воровато подмигнул. Подмигивание как-то не вязалось с королевской монограммой.

— Вы должны дать мне время подумать...

— Ваш шифр 59200 дробь пять. — И он добавил с гордостью: — 59200 — это, конечно, я. Вы будете нумеровать ваших агентов 59200 дробь пять дробь один и так далее. Понятно?

— Не понимаю, чем я могу быть вам полезен.

— Вы ведь англичанин? — бодро опросил Готорн.

— Да, конечно, англичанин.

— И вы отказываетесь служить вашей родине?

— Этого я не говорю. Но пылесосы отнимают у меня уйму времени.

— Ваши пылесосы — отличная маскировка, — сказал Готорн. — Великолепно придумано. Ваша профессия выглядит очень естественно.

— Но я и в самом деле торгую пылесосами.

— А теперь, если вы не возражаете, — твердо заявил Готорн, — мы перейдем к нашему Чарльзу Лэму.

— Милли, — сказал Уормолд, — ты не ела кашу.

— Я больше не ем кашу.

— Ты положила в кофе только один кусок сахара. У а не собираешься ли ты худеть?

— Нет.

— Может, это покаянный пост?

— Нет.

— Но ты до обеда ужасно проголодаешься.

— Я об этом думала. Придется приналечь на картошку.

— Милли, что ты выдумываешь?

— Я решила экономить. Вдруг, в ночной тиши, я поняла, сколько тебе приходится на меня тратить. Мне словно послышался чей-то голос. Я чуть не спросила: «Кто ты?» — но побоялась услышать: «Твой господь бог». У меня ведь как раз подходящий возраст.

— Для чего?

— Для голосов. Я старше, чем была святая Тереса, когда она ушла в монастырь.

— Слушай, Милли, неужели ты задумала...

— Нет, что ты. Мне кажется, что капитан Сегура прав. Он сказал, что я сделана не из того теста.

— Милли, ты знаешь, как здесь зовут твоего капитана Сегуру?

— Да. Кровавый Стервятник. Он пытается заключенных.

— Он этого не отрицает?

— Ну, со мной, он, конечно, ведет тебя паинькой, но у него портсигар сделан из человеческой кожи. Он уверяет, будто это сафьян — можно подумать, что я не знаю, как выглядит сафьян.

— Милли, ты должна прекратить с ним знакомство.

— Я так и сделаю, но не сразу, сперва мне надо устроить лошадь в конюшню. Кстати, мой голос...

— А что этот голос сказал?

— Он сказал, — но посреди ночи все это было куда больше похоже на божественное откровение, — «Ты взяла себе орешек не по зубам, моя милая. А как насчет Загородного клуба?»

— А что насчет Загородного клуба?

— Это единственное место, где я могу по-настоящему ездить верхом, а мы не члены клуба. Ну что за радость, если лошадь стоит в конюшне? Капитан Сегура, конечно, член клуба, но я ведь знаю, ты не захочешь, чтобы я у него одалживалась. И вот я подумала, что если я начну меньше есть и помогу тебе сократить расходы по дому...

— Ну и что это даст?..

— Тогда ты, может, сумеешь взять семейный членский билет. Запиши меня как Серафину. Это звучит куда приличнее, чем Милли.

Уормолду казалось, что во всем этом есть здравый смысл; один только Готорн был порождением жестокого и необъяснимого детства.

ИНТЕРМЕДИЯ В ЛОНДОНЕ

На одной из дверей в подземном этаже огромного железобетонного здания недалеко от Майда-Вейл красный сигнал сменился зеленым, и Готорн переступил порог. Он оставил свое щегольство на берегах Карибского моря и надел выдавший виды серый фланелевый костюм. Дома незачем было пускать пыль в глаза — Готорн стал частицей тусклого январского Лондона.

Шеф сидел за письменным столом, на котором гигантское пресс-папье из зеленого мрамора придавило всей своей тяжестью один-единственный листок бумаги. Возле черного телефонного аппарата стояли недопитый стакан молока, флакон с какими-то серыми пилюлями и лежала пачка туалетной бумаги. Тут же стоял красный аппарат специального назначения. Черная визитка, черный галстук и черный монокль в левом глазу придавали шефу вид факельщика, а вся эта подземная комната напоминала склеп, мавзолей, могилу.

— Вы меня вызывали, сэр?

— Просто поболтать, Готорн. Просто поболтать. — Казалось, что, покончив с похоронами, заговорил, наконец, наемный плакальщик, молчавший весь день с самого утра. — Когда вы вернулись?

— Неделю назад. Обрато на Ямайку вылечу в пятницу.

— Все в порядке?

— Можно сказать, что Карибское море у нас в кармане, сэр, — сказал Готорн.

— А Мартиника?

— Там затруднений нет. Вы ведь помните, в Форт-де-Франсе мы сотрудничаем с Deuxième Bureau [7].

— Но только в определенных границах?..

— Ну да, конечно, в определенных границах. С Гаити было сложнее, но 59200 дробь два энергично взялся за дело. Сперва я был не совсем уверен насчет 59200 дробь пять.

— Дробь пять?

— Наш человек в Гаване. Выбор там небогатый, и сначала казалось, что он не хочет сотрудничать. Упрямый тип.

— Такие люди потом быстро растут на работе.

— Да, сэр. Меня немного смущали его связи. (Есть там один немец, Гассельбахер, проверка пока не дала результатов.) Однако дело, кажется, идет на лад. Как раз, когда я улетал из Кингстона, от него поступила заявка на непредвиденные расходы.

— Это всегда хороший признак.

— Да, сэр.

— Показывает, что заработало воображение.

— Да. Он захотел вступить в члены Загородного клуба. Собирище миллионеров. Наилучший источник политической и экономической информации. Вступительный взнос очень высок, раз в десять больше, чем у нас в «Уайте» [8], но я дал согласие.

— Правильно сделали. Как его донесения?

— По правде говоря, мы их еще не получали, но надо же ему дать время, чтобы наладить связи. Может быть, я слишком напирал на конспирацию.

— Конспирация — прежде всего. Незачем пускать машину, если она тут же взлетит на воздух.

— Видите ли, у него очень выгодное положение. Отличные деловые связи, в том числе с влиятельными чиновниками и даже министрами.

— Так-так! — сказал шеф. Он вынул монокль с черным стеклом и стал протирать его листком туалетной бумаги. Но и глаз, который за ним прятался, был тоже из стекла — бледно-голубой и неправдоподобный, словно у куклы, говорящей «мама». — Чем он занимается?

— Понимаете, он в общем импортирует. Оборудование и всякая такая штука.

В интересах собственной карьеры лучше вербовать агентов с солидным положением в обществе. Прозаические детали, касавшиеся магазина на улице Лампарилья хоть и занесены в особое досье, но вряд ли дойдут до этой подземной комнаты.

— Почему же он не был членом Загородного клуба до сих пор?

— Да видите ли, в последние годы он живет отшельником. Семейные неприятности, сэр.

— Надеюсь, он не бабник?

— Что вы, ничего похожего. Его бросила жена. Сбежала с американцем.

— А он, кстати, не антиамериканец? Гавана не то место, где можно позволять себе подобные чудачества. Нам с американцами надо сотрудничать, — конечно, в определенных границах.

— Нет, он совсем не такой. Человек разумный, положительный. Отнесся к разводу спокойно, воспитывает ребенка в католической школе — так хотела жена. Мне говорили, что на рождество он посылает ей поздравительные телеграммы. Уверен, что на его донесения можно будет целиком положиться.

— А знаете, Готорн, насчет ребенка это очень трогательно. Что ж, подтолкните его, тогда мы сможем судить, на что он способен. Если он и в самом деле такой, как вы говорите, подумаем, не расширить ли ему штат. Гавана может стать нашей ключевой позицией. Стоит где-нибудь начаться беспорядкам, коммунисты всегда тут как тут. Какой у него способ связи?

— Я условился, что он еженедельно будет посылать дипломатической почтой в Кингстон донесения в двух экземплярах. Один экземпляр я оставляю себе, другой пересылаю в Лондон. Для телеграмм я дал ему книжный шифр. Он сможет отправлять их через консульство.

— Они будут недовольны.

— Я сказал, что это временно.

— Если он себя хорошо проявит, я буду за радиосвязь. Надеюсь, он сможет расширить штат своей конторы?

— Ну, конечно. Хотя... Как вам сказать, это не бог весть какая большая контора. Старомодная фирма, сэр. Вы же знаете этих купцов старого закала, искателей приключений...

— Да, Готорн, я их знаю. Маленький, обшарпанный письменный стол. Несколько служащих, теснота. Допотопные арифмометры. Секретарша, которая служит фирме верой и правдой вот уже сорок лет.

Готорн вздохнул с облегчением — шеф отвечал на все свои вопросы сам. Если секретное досье и попадет к нему в руки, — все равно, то, что там написано, не дойдет до его сознания. Маленький магазин, торгующий пылесосами, безнадежно потонул в бурном море фантазии шефа. Положение агента 59200 дробь пять было упрочено.

— Все это стало его второй натурой, — объяснял шеф Готорну, словно он, а не Готорн отворял дверь на улице Лампарилья. — Это человек, который всегда считал гроши и ставил на карту тысячи. Вот почему он и не состоял членом Загородного клуба... неудачный брак тут ни при чем. Вы у нас романтик, Готорн. Женщины в его жизни приходили и уходили, но я уверен, что они никогда не играли в ней такой роли, как дело. Секрет успеха заключается в том, чтобы видеть своих людей насквозь. Этот наш человек в Гаване, так сказать, — порождение века Киплинга. «Останься прост, беседуя с царями», — как там дальше? «Останься честен, говоря с толпой», — и тому подобное. Уверен, что в его залитом чернилами столе где-нибудь спрятана затасканная грошовая записная книжка в черном клеенчатом переплете, куда он записывал свои первые расходы — четверть гросса резинок, шесть коробок перьев...

— Ну, не такой уж он древний старик, чтоб у него не было автоматической ручки.

Шеф вздохнул и вставил на место черное стеклышко. Его невинное око снова спряталось при первом же намеке на оппозицию.

— Дело не в деталях, Готорн, — сердито сказал он. — Но если вы хотите держать его в руках,

вы должны найти его старую записную книжку. Это, конечно, метафора.

— Слушаюсь, сэр.

— Ваша версия о том, что он стал отшельником, потеряв жену, основана на ложной посылке. Такой человек ведет себя совсем иначе. Он не выставляет сердца напоказ и не афиширует своих чувств. Если ваша посылка верна, — почему он не стал членом клуба еще до смерти жены?

— Но жена его бросила.

— Бросила? Вы в этом уверены?

— Совершенно уверен.

— Значит, она так и не нашла этой старой записной книжки, не поняла его. Отыщите ее, Готорн, и он будет вашим до гроба... Простите, о чем мы говорили?

— О тесноте его конторы, сэр. Ему не так-то легко будет расширить штат.

— Мы постепенно уволим старых служащих. Переведем на пенсию старуху-секретаршу...

— В сущности говоря, сэр...

— Конечно, все это только предположения. В конце концов, он может нам и не подойти. Отличная порода, эти старые негоцианты, но иногда они видят не дальше своей бухгалтерии, и разведке от них мало пользы. Поглядим, что дадут его первые донесения, а лучше все-таки заранее все предусмотреть. Потолкуйте-ка с мисс Дженкинсон, нет ли у нее в центральном секретариате кого-нибудь знающего испанский язык.

Поднимаясь в лифте и глядя на мелькающие этажи, Готорн обозревал мир словно с борта ракеты. Западная Европа осталась у него под ногами... Ближний Восток... Латинская Америка. Шкафы с картотеками обступали мисс Дженкинсон, как колонны храма окружают убеленного сединами оракула. Ее одну звали здесь по фамилии. По каким-то непонятным конспиративным соображениям всех других обитателей здания называли по именам. Когда Готорн вошел в комнату, она как раз диктовала секретарше:

— Вниманию А.О. [9]. Анжелика переведена в С-5 с повышением оклада до 8 фунтов в неделю. Прошу проследить за немедленным исполнением. Предвидя возражения, предлагаю учесть: в настоящее время жалованье Анжелики лишь приближается к заработку кондуктора автобуса.

— Да? — отрывисто спросила мисс Дженкинсон. — Слушаю вас.

— Меня послал к вам шеф.

— У меня нет свободных людей.

— Нам пока никто и не требуется. Но могут возникнуть различные варианты.

— Этель, голубушка, позвоните D-2 и скажите, что я не разрешаю задерживать моих сотрудниц на работе после 7 часов вечера. Разве что в стране будет объявлено чрезвычайное положение. Передайте, что, если начнется война или мы будем накануне войны, центральный секретариат должен быть немедленно поставлен в известность.

— Нам может понадобиться секретарь со знанием испанского языка в район Карибского моря.

— У меня нет свободных людей, — механически повторила мисс Дженкинсон.

— Гавана... Маленькая резидентура, приятный климат.

— Сколько человек в штате?

— Пока что один.

— У меня не брачная контора, — заявила мисс Дженкинсон.

— Это пожилой человек, у него шестнадцатилетняя дочь.

— Женат?

— Вроде того, — неопределенно ответил Готорн.

— На него можно положиться?

— В каком смысле?

— Он человек надежный, спокойный, невлюбчивый?

— О да, будьте уверены. Это старый негодяй, — сказал Готорн, подхватывая на лету гипотезу шефа. — Создал свое дело из ничего. На женщин не смотрит. Половой вопрос его не интересует, он выше этого.

— Никто не бывает выше этого, — сказала мисс Дженкинсон. — А я отвечаю за девушек, которых командую за границу.

— Вы же сказали, что у вас нет свободных людей.

— Ну, на определенных условиях я, может быть, и смогла бы выделить вам Беатрису.

— Беатрису, мисс Дженкинсон? — раздался возглас из-за картотеки.

— Да, Беатрису. Я, кажется, ясно сказала, Этель.

— Но, мисс Дженкинсон...

— Ей нужно набраться опыта, — вот все, чего ей не хватает. Эта должность ей подойдет. Не такая уж она молоденькая. И любит детей.

— Там требуется человек со знанием испанского, — вставил Готорн. — Любовь к детям — не самое главное.

— Беатриса наполовину француженка. Французским она владеет лучше, чем английским.

— Но нам нужен испанский.

— Это почти одно и то же. И тот и другой — романские языки.

— Нельзя ли ее повидать и поговорить с ней? Она прошла подготовку?

— Она прекрасная шифровальщица, окончила курсы микрофотографии. Стенографирует, правда, с грехом пополам, но отлично печатает на машинке. Разбирается в электродинамике.

— Это еще что такое?

— Точно не знаю, но пробки починить сумеет.

— Тогда ее не испугают и пылесосы.

— Она секретарь, а не горничная.

С шумом задвинулся ящик картотеки.

— Хотите берите, хотите нет, — сказала мисс Дженкинсон.

Готорну казалось, что она говорит о Беатрисе как о неодушевленном предмете.

— А кроме нее, вы никого не можете предложить?

— Это все, что у меня есть.

Снова с грохотом задвинулся ящик.

— Этель, — сказала мисс Дженкинсон, — если вы не научитесь выражать свои чувства менее шумно, я верну вас в D-3.

Готорн ушел от нее полный сомнений. Ему казалось, что мисс Дженкинсон с необычайной ловкостью сбывает с рук то, от чего сама рада избавиться: не то краденую драгоценность, не то беспородную шавку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Уормолд возвращался из консульства; во внутреннем кармане пиджака у него лежала телеграмма. Ее бесцеремонно сунули ему в руки, а когда он попытался завязать разговор, его оборвали.

— Нас это совершенно не касается. Временная договоренность. Чем скорее это кончится, тем лучше.

— Мистер Готорн сказал...

— Знать не знаем никакого мистера Готорна. Запомните это раз навсегда. Здесь такой не служит. Всего хорошего.

Он пошел домой. Город вытянулся вдоль берега океана; волны разбивались у самой Авенида де Масео, и брызги застилали ветровые стекла автомобилей. Розовые, серые, желтые колонны некогда аристократического квартала выветрились, как прибрежные скалы; почерневший, облезлый герб красовался над дверью убогой гостиницы, а ставни ночного кабака были ярко выкрашены, чтобы уберечь их от океанской соли и сырости. На западе стальные небоскребы нового города вздымались в светлом февральском небе выше маяков. Этот город был создан для туризма, а не для оседлой жизни, но здесь Уормолд впервые полюбил, и теперь он был прикован к Гаване, как погорелец к своему пепелищу. Время поэтизирует даже поле битвы, и, может быть, Милли напоминала цветок, распутившийся на старом редуте, где много лет назад была отбита кровопролитная атака. Мимо него шли женщины со следами золы на лбу, словно они вышли на свет божий из преисподней, — он вспомнил, что сегодня первая среда великого поста [10].

Придя домой, он не застал Милли, хотя в школе занятий не было, — может быть, она еще не вернулась с обедни, а может быть, каталась верхом в Загородном клубе. Лопес

демонстрировал «Турбо» экономке какого-то священника, которая уже забраковала «Атомный котел». Худшие опасения Уормолда оправдались: пока что ему не удалось сбыть ни одного пылесоса новой модели. Он поднялся к себе и распечатал телеграмму; она была адресована одному из отделов британского консульства; ряды цифр выглядели уродливо, словно номера нераспроданных лотерейных билетов. За цифрой 2674 следовала шеренга пятизначных: 42811 79145 72312 59200 80947 62533 10605 и так далее. Это была первая шифровка в его жизни, и он обратил внимание, что она отправлена из Лондона. Он вовсе не был уверен, что сумеет ее расшифровать (полученный им урок, казалось, отошел так далеко в прошлое), но тут он узнал цифру 59200, она имела такой решительный и укоризненный вид, словно Готорн собственной персоной поднялся к нему по лестнице. Уормолд мрачно снял с полки «Шекспира для детей» Лэма — как он всегда ненавидел Элию и его очерк о жареном поросенке! [11] Он вспомнил, что первые цифры обозначают страницу, строку и слово, с которых начинается шифровка. «Дионисию, злую жену Клеона, — прочел он, — постигла заслуженная кара». Он начал расшифровывать со слова «кара». К его удивлению, что-то и в самом деле получалось. Казалось, будто вдруг заговорил попугай, доставшийся ему по наследству. «Номер 1 от 24 января нижеследующее от 59200 начинается абзац А».

За три четверти часа сложения и вычитания он расшифровал всю депешу, кроме последнего абзаца, с которым произошла какая-то ошибка, не то у него, не то у 59200, а может быть, и у Чарльза Лэма. «Нижеследующее от 59200 начинается абзац А почти месяц как одобрено членство в Загородном клубе но никаких повторяю никаких сообщений относительно кандидатур агентов еще не поступало точка надеюсь вы не будете повторяю не будете вербовать свою агентуру не проверив ее досконально точка начинается абзац Б необходимо немедленно переслать 59200 экономический и политический доклад согласно врученному вопроснику начинается абзац В проклятый галун подлежит пересылке кингстон раньше туберкулезного сообщения конец».

Последний абзац, похожий на чье-то сердитое бормотание, встревожил Уормолда. Впервые ему пришло в голову, что на их взгляд — кто бы они там ни были — он только брал деньги и ничего не давал взамен. Это его мучило. До сих пор ему казалось, что он просто получил от какого-то чудака подарок, позволивший Милли ездить верхом в Загородном клубе, а ему самому — заказать в Англии несколько книг, о которых он давно мечтал. Остаток денег был положен в банк; он и верил и не верил, что когда-нибудь сумеет вернуть эту сумму Готорну.

Уормолд подумал: «Надо что-то сделать, назвать фамилии, чтобы они могли заняться проверкой, завербовать агента, словом, доставить им какое-то удовольствие». Он вспомнил, как Милли в детстве играла в лавку: она отдавала ему свои карманные деньги на воображаемые покупки. Он играл с ней в эту игру, но рано или поздно Милли всегда требовала деньги обратно.

Интересно, как вербуют агентов. Ему трудно было вспомнить, как его вербовал Готорн, — все произошло в уборной, но вряд ли это было самое главное. Он решил начать с того, что попроще.

— Вы меня звали, сеньор Вормель?

Выговорить фамилию «Уормолд» Лопесу было не по силам, но поскольку он не мог остановиться на какой-нибудь подходящей замене, он редко достаивал Уормолда два раза подряд одной и той же кличкой.

— Я хочу поговорить с вами, Лопес.

— Si [12], сеньор Вомель.

— Вы служите у меня вот уже много лет, — сказал Уормолд. — Мы доверяем друг Другу.

Лопес выразил полноту своего доверия, приложив руку к сердцу.

— Вы бы хотели зарабатывать каждый месяц немножко больше денег?

— Ну конечно... Я и сам собирался поговорить с вами, сеньор Оммель. Скоро у меня будет ребенок. Может быть, еще двадцать песо?

— Это не имеет отношения к фирме. Торговля идет плохо. Понимаете ли, это будет секретная работа на меня лично.

— Ну да. Личные услуги, понимаю. Можете на меня положиться. Я не болтун. Понятно, я ничего не скажу сеньорите.

— Нет. Вы меня не так поняли.

— Когда мужчина в годах, — сказал Лопес, — он больше не хочет сам искать себе женщину, он хочет передохнуть. Он хочет приказывать: «Сегодня ночью — да, завтра ночью — нет». Хочет давать распоряжения тому, кому доверяет...

— Да ничего подобного! Я просто хотел сказать... словом, это не имеет никакого отношения...

— Мы же свои люди, сеньор Вормолс. Я у вас уже много лет.

— Вы ошибаетесь, — сказал Уормолд. — У меня и в мыслях не было...

— Я понимаю, что англичанину с вашим положением такие места, как «Сан-Франциско» не подходят. И «Мамба-клуб» тоже.

Уормолд знал, что теперь, когда его приказчик оседлал своего конька, ничто уже его не остановит; человеческое тело в Гаване было не только основной статьей купли и продажи, но и *raison d'etre* [13] всей человеческой жизни. Его либо покупаешь, либо продаешь — какая разница? — но даром его не получишь никогда.

— Юноша любит разнообразие, — говорил Лопес, — но его ищет и мужчина в годах. У юноши — любопытство новичка, но пожилому необходимо возбуждать свой аппетит. Никто не услужит вам лучше меня, сеньор Венель, ведь я к вам присмотрелся. Вы не кубинец; какой у девочки задок, для вас не так важно, как деликатное обхождение...

— Вы меня совсем не поняли, — сказал Уормолд.

— Сегодня вечером сеньорита идет на концерт.

— Откуда вы знаете?

Лопес оставил этот вопрос без ответа.

— Пока ее не будет, я приведу вам одну молодую даму, вы ее посмотрите. Если она вам не понравится, приведу другую.

— Нет, нет! Мне нужны совсем не такие услуги, Лопес. Мне нужно... словом, я хочу, чтобы вы глядели в оба, не зевали и сообщали мне обо всем...

— Насчет сеньориты?.

— Боже мой, да нет!

— Так о чем же мне сообщать, сеньор Вормольд?

— Ну, о всяких таких вещах... — сказал Уормолд.

Но он понятия не имел, о каких вещах может сообщать ему Лопес. Из длинного перечня ему запомнились только несколько вопросов, и ни один из них, по-видимому, не подходил — ни «Коммунистическое проникновение в армию», ни «Точные данные об урожае кофе и табака за последний год». Правда, оставалось еще содержимое корзины для бумаг в учреждениях, где Лопес ремонтировал пылесосы, но, конечно же, Готорн шутил, говоря о деле Дрейфуса, — если только такие люди вообще могут шутить.

— О каких вещах?

Уормолд сказал:

— Я сообщу вам потом. А теперь ступайте в магазин.

Был час коктейля, и в «Чудо-баре» доктор Гассельбахер с удовольствием допивал вторую рюмку шотландского виски.

— Вы все еще нервничаете, мистер Уормолд? — спросил он.

— Да, нервничаю.

— Все из-за пылесоса... атомного пылесоса?

— Нет, не из-за пылесоса.

Уормолд допил свой «дайкири» и заказал второй.

— Сегодня вы торопитесь пить.

— Вам, наверно, никогда не были до зарезу нужны деньги, Гассельбахер. Еще бы, у вас ведь нет детей.

— Скоро у вас их тоже не будет.

— Да, наверно. — От этого утешения ему стало так же холодно, как и от «дайкири». — Но когда это время придет, я бы хотел, чтобы мы с ней были где-нибудь подальше отсюда. Не желаю, чтобы Милли сделал женщиной какой-нибудь капитан Сегура.

— Понимаю.

— Недавно мне предложили деньги.

— Да?

— За информацию.

— Какую информацию?

— Секретную.

Доктор Гассельбахер вздохнул и сказал:

— Счастливый вы человек, мистер Уормолд. Такую информацию давать легче всего.

— Почему?

— Если она очень уж секретная, о ней знаете вы один, и все, что от вас требуется, мистер Уормолд, — это капелька воображения.

— Они хотят, чтобы я вербовал агентов. Скажите, Гассельбахер, как вербуют агентов?

— Их тоже можно придумать, мистер Уормолд.

— Вы так говорите, словно у вас в этом деле огромный опыт.

— Я человек опытный только в делах медицины. Вы читали когда-нибудь объявления о секретных лечебных средствах? Средство для ращения волос, раскрытое на смертном одре вождем краснокожих... Если речь идет о секретном средстве, можно не сообщать его состав. К тому же в каждой тайне есть что-то заманчивое, люди верят... может быть, это остаток веры в колдовство. Вы читали Джеймса Фрэзера? [14]

— Вы знаете, что такое книжный шифр?

— Все-таки не рассказывайте мне лишнего, мистер Уормолд. Я ведь не торгую секретами — у меня детей нет. И, пожалуйста, не придумывайте, будто я тоже ваш агент.

— Нет, это не выйдет. Им не нравится наша дружба, Гассельбахер. Они хотят, чтобы я с вами не встречался. Они вас проверяют. Вы знаете, как они проверяют людей?

— Не знаю. Будьте осторожны, мистер Уормолд. Берите у них деньги, но не давайте им ничего взамен. Вы плохо защищены от таких, как капитан Сегура. Лгите, но не связывайте себе рук. Они не заслуживают правды.

— Кто «они»?

— Королевства, республики, словом, державы. — Он допил свою рюмку. — Мне пора, пойду посмотрю на посевы моих бактерий, мистер Уормолд.

— У вас что-нибудь получается?

— Слава богу, ничего. Пока ничего не получилось, у вас все еще впереди, правда? Какая жалость, что лотерею в конце концов всегда разыгрывают. Каждую неделю я теряю сто сорок тысяч долларов, и вот я опять бедняк.

— Вы не забудете про день рождения Милли?

— Может быть, проверка даст плохие результаты, и вы не захотите, чтобы я пришел. Главное — помните: пока вы лжете, вы не приносите вреда.

— Но я беру у них деньги.

— У них нет других денег, кроме тех, которые они отнимают у таких людей, как мы с вами.

Он толкнул дверь и вышел. Доктор Гассельбахер никогда не говорил о морали — мораль ведь не имеет отношения к медицине.

Уормолд нашел список членов Загородного клуба у Милли в комнате. Он знал, где его искать — между последним выпуском «Ежегодника любительницы верховой езды» и романом мисс Пони Трэггерс «Белая кобыла». Он вступил в Загородный клуб, чтобы найти подходящих агентов, и вот они все выстроились теперь перед ним в две колонки, занимая больше двадцати страниц. Глаз его уловил англосаксонское имя — Винсент К.Паркмен; может быть, это отец Эрла. Уормолд решил, что правильно будет сохранить с Паркменами семейные

отношения.

К тому времени, когда он сел шифровать, он выбрал еще двоих — некоего инженера Сифуэнтеса и профессора Луиса Санчеса. Профессор — каких бы там ни было наук — мог давать сведения экономического характера, инженер — техническую информацию, а мистер Паркмен — политическую. Положив перед собой «Шекспира для детей» (в качестве ключа он выбрал фразу — «Пусть все, что случится, будет радостным»), Уормолд зашифровал: «Номер 1 от 25 января абзац А начинается я завербовал моего приказчика и дал ему номер 59200/5/1 точка предполагаемый оклад пятнадцать песо в месяц точка абзац Б начинается пожалуйста проверьте следующих лиц...»

Вся эта возня с абзацами казалась Уормолду пустой тратой времени и денег, но Готорн объяснил ему, что это обычная шпионская процедура. Совсем, как Милли, которая, играя в лавку, требовала, чтобы все покупки заворачивались в бумагу — даже если то была одна-единственная стеклянная бусинка. «Абзац В начинается требуемый экономический доклад высылаю в ближайшее время дипломатической почтой».

Теперь оставалось только ждать ответа и готовить экономический доклад. Это не давало ему покоя. Лопес получил первое ответственное задание: купить все официальные справочники, какие только есть, по производству сахара и табака. Уормолд стал ежедневно часами читать местные газеты, отмечая все, что могли бы сообщить профессор или инженер; ведь вряд ли кто-нибудь в Кингстоне или Лондоне изучал гаванские газеты. На этих неряшливо отпечатанных листках ему самому открылся новый мир: раньше он, видно, чересчур доверял «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн», когда хотел представить себе, что творится на свете. В двух шагах от «Чудо-бара» зарезали девушку — «жертва любви», писал репортер. Гавана полна была жертв того или иного рода. Какой-то человек потерял за одну ночь все свое состояние в «Тропикане», он влез на эстраду, обнял темнокожую певицу, потом погнал свою машину на полной скорости в море и утопился. Другой хладнокровно удушил себя подтяжками. Случались и чудеса; святая дева заплакала солеными слезами, а свеча, зажженная перед образом святой Девы Гваделупской, неизвестно почему горела целую неделю — от пятницы до пятницы. Из этого калейдоскопа насилия, страстей и любви были исключены одни только жертвы капитана Сегуры — они страдали и умирали, не удостоиваясь внимания печати.

Составление экономического доклада оказалось утомительным делом — Уормолд печатал только двумя пальцами и не умел пользоваться табулятором. Нужно было подправлять цифры официальной статистики — на случай, если бы кому-нибудь в центре взбрело в голову сличить их с докладом, и порой Уормолд забывал, как он изменил ту или иную цифру. Он никогда не был силен в арифметике. Если ускользала какая-нибудь запятая в десятичных дробях, за ней приходилось гоняться вверх и вниз по доброму десятку колонок. Это было похоже на отчаянные попытки удержаться на ярмарочном «колесе смеха».

Через неделю его стало беспокоить, что так долго нет ответа. Неужели Готорн почувал что-то неладное? Временное облегчение доставил вызов в консульство, где угрюмый секретарь вручил ему запечатанный конверт, адресованный по какой-то непонятной причине «Мистеру Люку Пенни». Внутри этого конверта лежал другой с надписью: «Генри Лидбеттеру. Управление гражданскими научно-исследовательскими работами». На третьем конверте значилась цифра 59200/5, в нем было жалованье за три месяца и сумма на оплату непредвиденных расходов в кубинской валюте. Уормолд отнес деньги в банк.

— Положить на текущий счет фирмы, мистер Уормолд?

— Нет, на мой личный счет.

Но, пока кассир считал, его не покидало ощущение вины: ему казалось, будто он присвоил

казенные деньги.

2

Прошло десять дней, но ответа на свои вопросы Уормолд так и не получил. Он даже не мог отослать свой экономический доклад, пока мифический агент, автор этого доклада, не был проверен и утвержден. Подошел срок его поездки к розничным торговцам в Матансасе, Сьенфуэгосе, Санта-Кларе и Сантьяго. Он каждый год объезжал эти города в своем стареньком «хилмене». Перед отъездом он послал Готорну телеграмму: «Под предлогом посещения контрагентов по пылесосам собираюсь выяснить возможность вербовки порту Матансасе, промышленном городе Санта-Кларе, военно-морской базе Сьенфуэгосе и повстанческом центре Сантьяго; предполагаемые дорожные расходы пятьдесят долларов в сутки». Он поцеловал Милли, взял с нее обещание, что в его отсутствие она не будет кататься с капитаном Сегурой, и затарахтел к «Чудо-бару», чтобы выпить прощальную рюмку с доктором Гассельбахером.

Раз в год — и всегда во время своей поездки — Уормолд писал письмо младшей сестре в Нортгемптон. (Может быть, письмо к Мэри ненадолго исцеляло от тоски по Милли.) В письмо он неизменно вкладывал последние кубинские марки для племянника. Мальчик стал собирать марки в шестилетнем возрасте; время не стояло на месте, но Уормолду как-то не приходило в голову, что племяннику давно стукнуло семнадцать и он, вероятно, забросил свою коллекцию. Во всяком случае, он был уже слишком взрослым для той записки, в которую Уормолд завернул марки, — чересчур наивной даже для Милли, а племянник был несколькими годами старше.

«Дорогой Марк, — писал Уормолд, — посылаю марки для твоей коллекции. Наверно, она у тебя уже огромная. Боюсь только, что эти марки не очень интересные. Вот было бы хорошо, если бы на наших кубинских марках рисовали птиц, зверей или бабочек, как на тех красивых марках из Гватемалы, которые ты мне показывал. Твой любящий дядя.

P.S. Я сижу и гляжу на море, у нас очень жарко».

Сестре он писал обстоятельнее: «Я сижу на берегу залива в Сьенфуэгосе, сейчас больше чем девяносто градусов [15], хотя солнце уже час как зашло. В кино показывают Мэрилин Монро, а в гавани стоит судно, которое, как ни странно, называется «Хуан Бельмонте». (Помнишь ту зиму в Мадриде, когда мы ходили на бой быков?) Главный механик судна — я думаю, что это главный механик, — сидит за соседним столиком и пьет испанский коньяк. Потом ему останется только пойти в кино. Сьенфуэгос, наверно, самый тихий порт на свете. Одна-единственная розово-желтая улица, несколько кабачков, высокая труба сахарного завода, а в конце заросшей сорняком тропинки — «Хуан Бельмонте». Почему-то мне хотелось бы уплыть на нем вместе с Милли, но разве это возможно! Пылесосы покупают плохо — в эти беспокойные дни далеко не всегда есть электричество. Вчера вечером в Матансасе три раза гас свет — в первый раз, когда я сидел в ванне. Какие глупости я пишу тебе в такую даль.

Ты только не воображай, что мне здесь плохо. В здешних местах много хорошего. Иногда мне страшно подумать о возвращении домой — к магазинам Бутса, Вулворта [16], к кафетериям, мне было бы сейчас не по себе даже в «Белой Лошади» [17]. Главный механик сидит с девушкой; вероятно, у него есть девушка и в Матансасе; он льет ей коньяк прямо в глотку, как ты даешь кошке лекарство. Какое здесь удивительное освещение перед закатом: горизонт — полоса жидкого золота, а на свинцовой ряби моря темные пятна распластавших крылья птиц. Высокий белый памятник на бульваре — днем он похож на королеву Викторию — превратился сейчас в глыбу, излучающую мистическое сияние. Чистильщики сапог запрятали свои щетки под кресла, которые стоят между розовыми колоннами; когда чистишь ботинки, сидишь высоко над тротуаром, словно на библиотечной стремянке, а ноги твои покоятся на

спинах двух бронзовых морских коньков, может быть, их завез сюда какой-нибудь финикиец? Почему у меня такая тоска по родине? Наверно, потому, что я отложил немножко денег и скоро должен решиться уехать отсюда навсегда. Не знаю, сумеет ли Милли вынести секретарские курсы в каком-нибудь унылом квартале северного Лондона.

Как поживает тетя Алиса? Все еще закладывает уши воском? А дядя Эдвард? Может, он уже умер? Я дожил до возраста, когда родственники умирают незаметно».

Он заплатил по счету и на всякий случай узнал фамилию главного механика — по приезде домой полезно будет послать на проверку несколько имен, чтобы оправдать дорожные расходы.

В Санта-Кларе дряхлый «хилмен» пал под ним как загнанный мул. Что-то вконец разладилось в его внутренностях; одна только Милли догадалась бы, что именно. В ближайшем гараже ему заявили, что ремонт займет несколько дней, и Уормолд решил отправиться в Сантьяго автобусом. Так было даже быстрее и безопаснее: в провинции Орьенте, где повстанцы, как всегда, хозяйничали в горах, а правительственные войска — в городах и на дорогах, движение часто прерывалось, но автобусы задерживали реже, чем частные машины.

Он приехал в Сантьяго вечером, в безлюдную и опасную пору, когда в городе соблюдался никем не объявленный комендантский час. Лавки на площади, пристроенные к собору, были уже закрыты. Одна-единственная пара торопливо пробиралась куда-то мимо гостиницы. Вечер был влажный и душный, темная зелень ветвей тяжело свисала к земле в тусклом свете уличных фонарей, горевших вполнакала. В гостинице его встретили недоверчиво, словно были убеждены, что он чей-то шпион. Он почувствовал себя самозванцем — ведь это была гостиница для настоящих шпионов, настоящих провокаторов и настоящих повстанческих эмиссаров. В убогом баре монотонно бормотал какой-то пьяный, — совсем в манере Гертруды Стайн [18]; он твердил: «Куба есть Куба, есть Куба, есть Куба».

На ужин Уормолду подали сухой и плоский омлет в каких-то странных пятнах, с ободранными, как у старинной рукописи, краями и кислое вино. Во время еды он написал открытку доктору Гассельбахеру. Когда бы он ни уезжал из Гаваны, он неизменно посылал Милли и доктору Гассельбахеру, а иногда даже и Лопесу дешевые открытки с изображением дешевых гостиниц, отмечая крестиком окно своей комнаты, как в детективном романе отмечают место преступления. «Сломалась машина. Все в порядке. Надеюсь вернуться в четверг». Открытка с картинкой — верный признак одиночества.

В девять часов Уормолд отправился на поиски своего клиента. Он позабыл о том, как пустынно после наступления темноты улицы Сантьяго. За железными решетками запирались ставни, и, как в оккупированном городе, дома поворачивались спиной к прохожим. Немножко светлее было возле кино, но никто туда не ходил: по закону оно должно было оставаться открытым, однако после захода солнца туда отваживался забрести только какой-нибудь солдат или полицейский. В одном из переулков Уормолд наткнулся на военный патруль.

Уормолд и его клиент сидели в маленькой душной комнате. Открытая дверь выходила в патио [19], где росла пальма и стояла водопроводная колонка, но снаружи было так же жарко, как и в доме. Они сидели друг против друга в качалках, раскачиваясь вперед и назад, вперед-назад и поднимая небольшой ветерок.

В торговле застой — вперед-назад, — никто в Сантьяго не покупает электроприборов — вперед-назад, — к чему они? — вперед-назад. Тут, как нарочно, погасло электричество, и они продолжали качаться в темноте. Качнувшись не в такт, они слегка стукнулись головами.

— Простите.

— Виноват.

Вперед-назад-вперед...

Кто-то скрипнул стулом в патио.

— Это ваша жена? — спросил Уормолд.

— Нет. Там не должно быть никого. Мы одни.

Уормолд качнулся вперед, качнулся назад, снова качнулся вперед, прислушиваясь к тому, как кто-то, крадучись, ходит по двору.

— Да, конечно.

Он ведь был в Сантьяго. В любом доме здесь мог скрываться беглец. Лучше всего было ничего не слышать, ну, а ничего не видеть было совсем просто даже тогда, когда опять загорелся неверный свет и нити накала замерцали бледным желтоватым сиянием.

По дороге в гостиницу его остановили двое полицейских. Они спросили, что он делает так поздно на улице.

— Но ведь сейчас только десять часов, — заметил он.

— Что вам нужно в десять часов на улице?

— Но ведь комендантский час не объявлен.

Внезапно один из полицейских без всякого предупреждения хлестнул его по лицу. Уормолд был скорее удивлен, чем рассержен. Он принадлежал к людям, уважающим закон: полиция была для него естественной защитницей; схватившись рукой за щеку, он спросил:

— Господи, что же это вы делаете?

Второй полицейский ударил его в спину так, что он едва удержался на ногах. Шляпа его скатилась в канаву, в самую грязь.

— Отдайте мне шляпу, — сказал он, но его ударили снова.

Он начал было что-то говорить о британском консуле, и ему дали такого пинка, что он отлетел на другую сторону мостовой и чуть было не упал. Затем его втолкнули в какую-то дверь, и он очутился у стола, за которым спал полицейский, положив голову на руки. Он проснулся и заорал на Уормолда; «свинья» было самым мягким из его выражений.

Уормолд сказал:

— Я британский подданный, моя фамилия Уормолд, мой адрес в Гаване: Лампарилья, 37. Возраст — сорок пять лет, разведен с женой. Я хочу позвонить консулу...

Человек, обозвавший его свиньей и носивший на рукаве нашивки сержанта, приказал ему предъявить паспорт.

— Не могу. Он у меня в гостинице, в портфеле.

Один из тех, кто его задержал, сказал со злорадством:

— Обнаружен на улице без документов.

— Обыщите его, — сказал сержант.

Они извлекли его бумажник, открытку к доктору Гассельбахеру, которую он позабыл опустить, и маленькую бутылочку виски «Старый дед», купленную в баре гостиницы. Сержант долго изучал бутылочку и открытку.

— Зачем вы носите с собой эту бутылку? — спросил он. — Что в ней такое?

— А что в ней может быть?

— Мятежники делают из бутылок гранаты.

— Но не из таких же маленьких бутылочек!

Сержант вытащил пробку, понюхал и вылил несколько капель себе на ладонь.

— Похоже на виски, — сказал он и принялся за открытку. — Почему вы поставили крест на открытке?

— Это окно моей комнаты.

— Зачем вам понадобилось показывать окно вашей комнаты?

— А почему бы нет? Просто... ну, все так делают, когда путешествуют.

— Вы хотели, чтобы кто-то забрался к вам в окно?

— Конечно, нет.

— Кто такой доктор Гассельбахер?

— Старый друг.

— Вы ждете его в Сантьяго?

— Нет.

— Так зачем же вам надо показывать ему, где ваша комната?

Уормолд начал усваивать истину, так хорошо известную всем преступникам мира, — человеку, облеченному властью, невозможно что бы то ни было объяснить. Он дерзко заявил:

— Доктор Гассельбахер — женщина.

— Женщина-врач! — неодобрительно воскликнул сержант.

— Нет, доктор философии, очень красивая женщина.

Он описал в воздухе два полушария.

— И она приедет к вам в Сантьяго?

— Нет, нет. Но вы-то знаете женщин, сержант. Им хочется видеть, где спит их мужчина.

— Вы ее любовник? — Атмосфера начала проясняться. — А все-таки это не объяснение, зачем вы шатаетесь ночью по улицам.

— Но нету же закона...

— Закона нет, но люди осторожные сидят дома. По ночам бродят только злоумышленники.

— Мне не спалось — я мечтал об Эмме.

— О какой Эмме?

— О докторе Гассельбахер.

Сержант произнес с расстановкой:

— Тут что-то не так. У меня на это нюх. Вы говорите неправду. Если вы любите Эмму, почему вы приехали в Сантьяго?

— Ее муж нас подозревает.

— У нее есть муж? No es muy agradable [20]. Вы католик?

— Нет.

Сержант взял со стола открытку и снова принялся ее изучать.

— Крест на окне вашей спальни — это тоже не очень красиво. Как она объяснит это мужу?

Уормолд быстро сообразил:

— Ее муж слепой.

— Опять некрасиво. Совсем некрасиво.

— Стукнуть его еще разок? — спросил один из полицейских.

— Погоди. Я сначала его допрошу. Вы давно знакомы с этой женщиной, Эммой Гассельбахер?.

— Неделю.

— Неделю? Все, что вы говорите, очень некрасиво. Вы протестант и распутник. Как вы познакомились с этой женщиной?

— Нас познакомил капитан Сегура.

Рука сержанта, державшая открытку, застыла в воздухе. Уормолд услышал, как у него за спиной крякнул полицейский. Все долго молчали.

— Капитан Сегура?

— Да.

— Вы знаете капитана Сегуру?

— Это приятель моей дочери.

— А, так у вас есть дочь. Вы женаты. Это некр... — начал было он снова, но его прервал один из полицейских:

— Он знаком с капитаном Сегурой.

— Почем я знаю, что вы не врете?

- Позвоните ему и проверьте.
- Пройдет несколько часов, прежде чем я дозвонюсь до Гаваны.
- Ночью мне из Сантьяго все равно не уехать. Я подожду в гостинице.
- Или в одной из камер здесь, в участке.
- Не думаю, чтобы капитану Сегуре это очень понравилось.

Сержант задумался уже всерьез, продолжая одновременно разглядывать содержимое бумажника. Потом он приказал одному из полицейских проводить Уормолда в гостиницу и посмотреть его паспорт (сержант явно рассчитывал спасти таким путем свой престиж). Они дошли до гостиницы в неловком молчании, и только в постели Уормолд вспомнил, что открытка к доктору Гассельбахеру так и осталась на столе у сержанта. Он не придал этому никакого значения — утром пошлет другую. Как поздно человек начинает постигать все хитросплетения жизни, где иногда даже открытка может сыграть важную роль, и понимать, что нет такой мелочи, которой можно было бы пренебречь. Через три дня Уормолд сел в автобус и поехал назад в Санта-Клару; его «хилмен» был готов, и он добрался до Гаваны без всяких приключений.

3

Приехав в Гавану под вечер, он нашел пачку телеграмм. Ждала его и записка от Милли: «Что это ты выкинул? Сам знаешь кто (он этого не знал) ведет себя крайне настойчиво, хотя и вполне прилично, — ты не думай. Доктор Гассельбахер срочно хочет с тобой поговорить. Целую».

P.S. Ушла кататься верхом в Загородный клуб. Серафину снимали фотокорреспонденты. Как, по-твоему, это слава?»

Доктор Гассельбахер мог подождать. Но две телеграммы были срочные.

«Номер 2 от 5 марта начинается абзац А проверка Гассельбахера дала сомнительные результаты точка будьте крайне осторожны при встречах с ним сведите их к минимуму конец».

Винсента К.Паркмена отклоняли безоговорочно. «Контакта с ним не устанавливать повторяю не устанавливать точка есть подозрения он уже вербован американской разведкой».

Следующая телеграмма — номер 1 от 4 марта — звучала сухо: «Прошу в дальнейшем согласно инструкции в каждой телеграмме касаться только одного вопроса».

Тон телеграммы номер 1 от 5 марта был более ободряющим: «Профессор Санчес и инженер Сифуэнтес проверены точка можете вербовать точка считаем люди с таким положением в обществе потребуют только оплаты непредвиденных расходов».

Когда он прочел последнюю телеграмму, у него совсем отлегло от сердца: «Нижеследующее от А.О. вербовка 59200/5/1 утверждена но просим учесть намеченное вознаграждение ниже установленного европейского тарифа следует поднять до 25 повторяем 25 песо в месяц конец».

А в это время Лопес кричал ему снизу:

- Вас спрашивает доктор Гассельбахер.
- Скажи, что я занят. Я позвоню ему попозже.

— Он просит подойти сейчас же. И голос у него странный.

Уормолд спустился вниз, к телефону. Едва взяв трубку, он услышал взволнованный и какой-то постаревший голос. Раньше он никогда не замечал, что доктор Гассельбахер — старик.

— Прошу вас, мистер Уормолд...

— Слушаю! Что с вами?

— Очень вас прошу, придите ко мне сейчас же. У меня неприятности.

— Где вы?

— Дома.

— А что случилось, Гассельбахер?

— Не могу сказать по телефону.

— Вы заболели?.. Ушиблись?..

— Ах, если бы дело было только в этом! — сказал Гассельбахер. — Прошу вас, придите.

За все годы их знакомства Уормолд ни разу не был у Гассельбахера дома. Они встречались в «Чудо-баре», а в день рождения Милли — в каком-нибудь ресторане; лишь однажды, когда у Уормолда был сильный жар, доктор Гассельбахер заглянул к нему на улицу Лампарилья. Был еще такой случай: как-то раз на скамейке бульвара Уормолд сидел с Гассельбахером и плакал, рассказывая о том, что мать Милли сегодня утром улетела в Майами. Дружба была прочной потому, что они держались на расстоянии; неразлучная дружба быстрее приходит к концу. Сейчас ему даже пришлось спросить у Гассельбахера его адрес.

— Разве вы не знаете? — с удивлением спросил тот.

— Нет.

— Пожалуйста, приходите поскорее, — сказал Гассельбахер, — мне так тяжело одному.

Но в этот вечерний час торопиться было невозможно. В Обиспо образовалась пробка, и только через полчаса Уормолд добрался до ничем не примечательного двенадцатиэтажного дома из белесого камня, где жил Гассельбахер. Двадцать лет назад это было ультрасовременное здание, но теперь его переросли и затмили стальные небоскребы западных кварталов. Дом этот строился во времена мебели из металлических трубок, и первое, что увидел Уормолд, когда его впустил доктор Гассельбахер, был стул из металлических трубок. Ему бросилась в глаза старая литография, изображавшая какой-то замок на Рейне.

Доктор Гассельбахер постарел, как и его голос. И дело было не в цвете лица или волос. Его морщинистая красноватая кожа так же не могла измениться, как кожа черепахи, и ничто уже не в силах было побелить его волосы больше, чем это сделали годы. Выражение лица — вот что изменилось; растоптано было его отношение к жизни: доктор Гассельбахер перестал быть оптимистом.

— Как хорошо, что вы пришли, мистер Уормолд, — смиренно сказал он.

Уормолд вспомнил тот день, когда этот старик увел его с бульвара и напоил в «Чудо-баре», болтая без передышки, прижигая боль алкоголем, смехом и неистребимым оптимизмом.

Теперь Уормолд спросил:

— Что случилось?

— Войдите, — сказал Гассельбахер.

В гостиной, среди стульев из металлических трубок, царил хаос: здесь, видно, похозяйничал какой-то малолетний пакостник, взламывая одно, опрокидывая другое, коверкая или щадя, по какому-то бессмысленному капризу, третье. Фотографию группы молодых людей с пивными кружками в руках вытащили из рамки и разорвали в клочья; цветная репродукция «Смеющегося кавалера» висела над диваном нетронутой, но на самом диване одна из трех подушек была распорота. Содержимое шкафа было раскидано по полу, кругом валялись старые письма и счета, а среди них, точно выброшенная на сушу рыба, лежала прядь белокурых волос, перевязанная черной лентой.

— Но почему?.. — спросил Уормолд.

— Это еще не так страшно, — сказал Гассельбахер, — пойдёмте туда.

В маленькой комнате, где Гассельбахер устроил лабораторию, все было перевернуто вверх дном. Среди обломков еще пылала газовая горелка. Доктор Гассельбахер ее потушил. Он поднял пробирку; ее содержимое было размазано по дну раковины.

— Вам не понять, — сказал он. — Я пытался получить бактерии из... ну, все равно из чего. Я знал, что у меня ничего не выйдет. Это была только мечта.

Он тяжело опустился на высокий складной стул, — тот неожиданно подкосился под его тяжестью, и Гассельбахер грохнулся на пол. Кто-нибудь всегда бросит под ноги герою трагедии корку банана... Гассельбахер поднялся и отряхнул брюки.

— Когда это случилось?

— Мне позвонили по телефону и вызвали к больному. Я сразу почувствовал что-то неладное, но нужно было идти. Я не мог позволить себе не пойти. Когда я вернулся, я нашел то, что вы видите.

— Кто это сделал?

— Не знаю. Неделю назад ко мне заглянул какой-то человек. Я его никогда раньше не видел. Он попросил меня оказать ему одну услугу. Это не имело отношения к медицине. Я сказал: нет. Он спросил, на чьей стороне мои симпатии — Востока или Запада. Я пробовал отшутиться. Сказал, что они где-то посередине. — Гассельбахер добавил с укором: — Несколько недель назад и вы задали мне тот же вопрос.

— Я ведь шутил, Гассельбахер.

— Знаю. Простите. Хуже всего то, что они повсюду сеют подозрения. — Гассельбахер устался в раковину. — Ребяческие мечты! Все это так, я знаю. Флеминг открыл пенициллин случайно, по вдохновению. Такая случайность невозможна без вдохновения. С пожилым врачом средней руки подобных случайностей не бывает, но им-то до этого какое дело? Какое им дело до того, что мне хотелось помечтать?

— Ничего не понимаю. Что за всем этим кроется, как по-вашему? Что-нибудь политическое? Какой национальности был тот человек?

— Он говорил по-английски вроде меня, с акцентом. В наши дни во всем мире люди говорят» с каким-нибудь акцентом.

— Вы звонили в полицию?

— Откуда я знаю, что он сам не был из полиции? — сказал доктор Гассельбахер.

— Они что-нибудь взяли?

— Да. Кое-какие документы.

— Важные?

— Не надо было их хранить. Это были старые документы, тридцатилетней давности. В молодости ввязываешься в разные дела. Нет такой жизни, которая была бы совершенно безупречной, мистер Уормолд. Но я думал, что прошлое есть прошлое. Я был слишком большим оптимистом. И вы, и я не то, что здешние люди: у нас нет исповедальни, где можно похоронить дурное прошлое.

— Но что вы обо всем этом думаете?.. И что они могут сделать еще?

— Занесут меня в какую-нибудь картотеку, — сказал доктор Гассельбахер. — Им надо набить себе цену. Может быть, на карточке они присвоят мне звание ученого-атомника.

— А вы бы не смогли начать ваш опыт сначала?

— Что ж, пожалуй, мог бы. Но я никогда не верил в него по-настоящему, а теперь все это ушло в канализационную трубу. — Он отвернул кран, чтобы ополоснуть раковину. — Я не смогу отделаться от воспоминаний об этой... гадости. То была мечта, а действительность — вот она. — Что-то похожее на поганку застряло в стоке. Гассельбахер протолкнул слизь пальцем в трубу. — Спасибо, что пришли, мистер Уормолд. Вы настоящий друг.

— Разве я могу вам помочь?

— Вы дали мне выговориться. Мне уже легче. Вот только из-за документов я побаиваюсь. Может быть, они пропали случайно? А может, я просто не нашел их во всем этом хаосе.

— Давайте, я помогу вам искать.

— Нет, мистер Уормолд. Мне не хочется, чтобы вы видели то, чего я стыжусь.

Они выпили по две рюмки в разгромленной гостиной, и Уормолд ушел. Доктор Гассельбахер стоял на коленях под «Смеющимся кавалером» и выметал мусор из-под дивана. Захлопнув дверцу своей машины, Уормолд почувствовал, как раскаяние скребется в его сердце, словно мышь за стеной тюремной камеры. Но, даст бог, скоро он так выдрессирует свою совесть, что сможет кормить ее из рук. Удавалось же это другим — тем, кого до него вербовали в уборных, кто до него отпирал двери гостиц чужим ключом, получал инструкции о симпатических чернилах и новом применении «Шекспира для детей» Лама. У каждой шутки есть обратная сторона — чувства того, над кем подшутили.

Зазвонили колокола храма Санто-Кристо, голуби взмыли с крыш прямо в золотой вечер и закружили над потерейными лавчонками улицы О'Рейли и над банками Обиспо; мальчики и девочки в черно-белой форме, с черными ранцами, не отличимые друг от друга, как галчата, ручейками потекли из школы св.Младенцев. Возраст отделял их от мира взрослых — от мира 59200, — и их легковерие было совсем иного рода. Скоро придет домой Милли, с нежностью подумал он. Какое счастье, что она все еще верит в сказки: в непорочное зачатие, в образа святых, проливающих слезы или твердящих во мраке слова любви. Готорн и иже с ним были не менее легковерны, но они принимали за чистую монету кошмары, страшные вымыслы из фантастических романов.

Нет, играть — так уж играть. По крайней мере он доставит им удовольствие за их деньги, он снабдит их для картотеки чем-нибудь почище экономического доклада. Уормолд набросал черновик: «Номер 1 от 8 марта абзац А начинается во время моей поездки в Сантьяго я слышал из разных источников сообщения о крупных военных сооружениях в горах Орьенте точка эти работы настолько обширны что не могут быть предназначены для борьбы с мелкими повстанческими отрядами которые там засели точка ходят слухи о расчистке больших участков точка маскируются лесными пожарами точка крестьян ряда деревень принуждают возить камень абзац Б начинается в баре гостиницы в Сантьяго познакомился с испанцем летчиком кубинской авиакомпании в состоянии сильного опьянения точка утверждает что на пути из Гаваны в Сантьяго видел обширные бетонные площадки слишком большие для любых гражданских сооружений абзац В начинается 59200/5/3 сопровождавший меня в Сантьяго взял на себя опасное поручение и зарисовал возле военного штаба в Байамо необычного вида машины отправляемые в леса точка чертежи следуют диппочтой абзац Г начинается разрешите выплатить особое вознаграждение учитывая серьезный риск которому он подвергнулся и временно приостановить работу над экономическими докладами в связи с тревожным и важным характером сообщений из Орьенте абзац Д начинается проверьте Рауля Домингеса кубинского пилота которого предлагаю завербовать в качестве 59200/5/4».

Уормолд с жаром принялся зашифровывать свое послание. «Вот уж не думал, что я на это способен! 59200/5 знает свое дело», — не без гордости подумал он. Его веселое настроение заразило даже Чарльза Лама. Он остановил свой выбор на странице 217, строка 12: «Но я откину занавес и покажу вам картину. Разве она не хороша?»

Уормолд вызвал из магазина Лопеса. Он вручил ему двадцать пять песо и сказал:

— Вот деньги вперед за первый месяц.

Он слишком хорошо знал Лопеса, чтобы ожидать от него благодарности за лишние пять песо, но был обескуражен, когда тот заявил:

— Да, а на тридцать песо можно было бы жить.

— Вы еще недовольны? Фирма вам платит большие деньги.

— Но требует много лишней работы, — сказал Лопес.

— Что за чушь! Какой работы?

— Личных услуг.

— Каких личных услуг?

— Она, наверно, потребует много лишней работы, а иначе зачем бы вы стали платить мне двадцать пять песо?

В денежных спорах Лопес всегда брал верх.

— Принесите мне из магазина один «Атомный котел», — сказал Уормолд.

— У нас только один и есть в магазине.

— Вот и принесите его наверх.

Лопес вздохнул.

— Это что, личная услуга?

— Да.

Оставшись один, Уормолд разобрал пылесос. Потом он сел за стол и принялся тщательно снимать с него чертежи. Позже, откинувшись на спинку стула и разглядывая свои наброски пульверизатора, отсоединенного от шланга, игольчатой трубки, наконечника и патрубка, он задумался: «Уж не зашел ли я слишком далеко?» Он заметил, что позабыл проставить размеры. Проведя черту, он указал масштаб: три фута в дюйме. Потом для сравнения нарисовал рядом с наконечником человечка величиной в два дюйма. Он аккуратно одел его в темный костюм, снабдил котелком и зонтиком.

Когда Милли вернулась в этот вечер домой, он все еще был занят своим донесением, а на столе перед ним лежала большая карта Кубы.

— Что ты делаешь, папа?

— Первые шаги на новом поприще.

Она заглянула ему через плечо.

— Ты хочешь стать писателем?

— Да, сочинять фантастические романы.

— Тебе будут платить много денег?

— Прилично, если я буду очень стараться. Каждую субботу придется сочинять по рассказу.

— А ты будешь очень знаменитый?

— Вряд ли. Не в пример другим писателям, я уступлю всю славу моим невидимкам.

— Невидимкам?

— Так называют тех, кто пишет на самом деле, хотя гонорар получает знаменитость. В этом случае я буду писать на самом деле, а моя слава достанется невидимкам.

— Но деньги-то будут платить тебе?

— О, да.

— Тогда я смогу купить шпоры?

— Безусловно.

— А как ты себя чувствуешь, папа?

— Как никогда. У тебя, верно, здорово отлегло от души, когда ты подошла Томаса Эрла Паркмена младшего?

— Ну что ты ко мне с этим пристаешь? С тех пор прошло столько лет!

— Потому что я тебя за это уважаю. А ты бы смогла поджечь его еще раз?

— Конечно, нет. Я уже слишком большая. И потом, в старших классах нет мальчишек. Папка, скажи, а мне можно будет купить охотничью фляжку?

— Все, что хочешь. А впрочем, погоди, что ты будешь туда наливать?

— Лимонад.

— Будь хорошей девочкой и принеси мне чистый лист бумаги. Инженер Сифуэнтес ужасный болтун!

ИНТЕРМЕДИЯ В ЛОНДОНЕ

— Как долетели? — спросил шеф.

— Немного помотало над Азорскими островами, — ответил Готорн.

На этот раз он не успел снять свой светло-серый костюм; его срочно вызвали из Кингстона, а в лондонском аэропорту уже ждала машина. Он сел поближе к радиатору парового отопления и все же временами не мог унять озноб.

— Что это за странный цветок у вас в петлице?

Готорн совсем забыл про цветок. Он поднял руку к лацкану пиджака.

— Это, кажется, когда-то было орхидеей, — неодобрительно заметил шеф.

— Панамериканская авиалиния выдала нам это вчера вечером к ужину, — объяснил Готорн.

Он вынул из петлицы мятый лиловый лоскут и бросил его в пепельницу.

— К ужину? Странно, — сказал шеф. — Вряд ли это улучшило ваше меню. Лично я ненавижу орхидеи. Декадентские штучки. Кажется, был какой-то тип, который носил в петлице зеленые орхидеи...

— Я ее туда сунул, чтобы освободить поднос. Он был весь заставлен: горячие пирожки и шампанское, компот и томатный суп, жареная курица и мороженое.

— Кошмарная смесь! Надо было летать на самолете британской авиакомпании.

— У меня не было времени заказать билет.

— Да, тут дело срочное. Наш человек в Гаване присылает последнее время довольно тревожные донесения.

— Отличный работник, — сказал Готорн.

— Не отрицаю. Побольше бы таких. Единственное, чего я не пойму, как американцы до сих пор ничего не пронюхали.

— А мы запрашивали их, сэр?

— Конечно, нет. Я боюсь, что они разболтают.

— Может, они боятся, что разболтаем мы.

Шеф спросил:

— А эти чертежи — вы с ними ознакомились?

— Я не очень разбираюсь в таких вещах. Я сразу же их переслал.

— Ну так взгляните на них сейчас как следует.

Шеф разложил чертежи на столе. Готорн нехотя оторвался от радиатора, и его тут же охватил озноб.

— Что с вами?

— Вчера в Кингстоне было девяносто два градуса.

— Кровь у вас стала жидковата. Наши холода пойдут вам на пользу... Ну, что скажете?

Готорн принялся разглядывать чертежи. Они ему что-то ужасное напоминали... Но что?.. Он испытывал какое-то странное беспокойство.

— Вы помните сопроводительное донесение, — оказал шеф. — Источник дробь три. Кто он такой?

— По-моему, инженер Сифуэнтес.

— Понимаете, даже он был озадачен. При всей своей технической эрудиции. Эти машины транспортировались на грузовиках из армейского штаба в Байамо к границе лесов. Там их погрузили на мулов и повезли по направлению к тем загадочным бетонным площадкам.

— Что говорят в министерстве авиации?

— Они взволнованы, очень взволнованы. Ну и, конечно, весьма заинтересовались.

— А как атомники?

— Им мы еще не показывали. Вы же знаете, что это за народ. Начнут придирается к деталям, кричать, что все это не очень точно, что размеры трубы не те или что она направлена не в ту сторону. Нельзя требовать, чтобы агент восстановил по памяти все детали. Мне нужны фотографии, Готорн.

— Эта нелегкое дело, сэр.

— Надо их раздобыть во что бы то ни стало. Любой ценой. Знаете, что мне сказал Сзвэдж? У меня, доложу я вам, просто волосы встали дыбом. Он сказал, что один из чертежей напоминает ему гигантский пылесос.

— Пылесос?!

Готорн согнулся над столом и припал к чертежам, — его снова пробрал озноб.

— Прямо мурашки по коже пробегают, правда?

— Но это же невозможно, сэр! — Готорн говорил с таким жаром, точно на карту была поставлена его собственная карьера. — Не может это быть пылесосом. Что угодно, только не пылесос!

— Дьявольская игрушка, верно? — сказал шеф. — Остроумно, просто и чертовски ловко придумано. — Он вынул черный монокль, голубое младенческое око отразило свет лампы, и на стене над радиатором забегал зайчик. — Видите эту штуку? Она в шесть раз больше человеческого роста. Похожа на гигантский пульверизатор. А это — что оно вам напоминает?

— Двусторонний наконечник, — уныло сказал Готорн.

— Что такое двусторонний наконечник?

— Они бывают у пылесосов.

— Вот видите, опять пылесос. Готорн, кажется, мы напали на след такого крупного дела, рядом с которым сама водородная бомба будет выглядеть оружием обычного типа.

— А разве мы этого хотим, сэр?

— Конечно, хотим. Тогда люди перестанут столько о ней болтать.

— Что же вы предполагаете, сэр?

— Я не ученый, — сказал шеф, — но поглядите на этот громадный резервуар. Ведь он, наверно, выше деревьев. Наверху что-то вроде огромной оскаленной пасти... обратите внимание на трубопровод — он здесь намечен пунктиром. Почему нам знать, может, он тянется на много миль, от гор до самого моря. Знаете, говорят, русские работают над каким-то новым изобретением — что-то связанное с солнечной энергией и морскими испарениями. Понятия не имею, что у нас тут, но уверен — дело грандиозное. Передайте резиденту, что нужны фотографии.

— Просто ума не приложу, как ему подобраться поближе...

— Пусть наймет самолет и собьется с курса над этим районом. Не сам, конечно, — пусть пошлет дробь два или дробь три. Кто такой дробь два?

— Профессор Санчес. Но самолет непременно обстреляют. Весь этот район патрулируется военной авиацией.

— Вот как, в самом деле?

— Ищут мятежников.

— Ну, это они так говорят. Знаете, Готорн, какое у меня возникло подозрение?

— Да, сэр?

— Никаких мятежников вообще не существует. Все это миф. Правительству понадобился предлог, чтобы объявить район закрытым.

— Пожалуй, вы правы, сэр.

— Для всех нас будет лучше, если я ошибаюсь, — радостно сказал шеф. — Боюсь я этих штук, Готорн, ей-богу, боюсь. — Он снова вставил монокль, и зайчик на стене исчез. — Когда вы были здесь в прошлый раз, вы говорили с мисс Дженкинсон насчет секретаря для 59200 дробь пять?

— Да, сэр. У нее не было ничего подходящего, но она считает, что одна из ее девушек, Беатриса, пожалуй, сойдет.

— Беатриса? До чего же противно, что их называют по именам! Подготовку она прошла?

— Да.

— Пора дать резиденту в Гаване помощников. Все это не по плечу одному человеку, да еще без специальной подготовки. Пожалуй, пошлите и радиста.

— А не лучше ли мне сначала съездить самому? Я бы мог познакомиться с обстановкой, поговорить с ним о том о сем.

— А конспирация, Готорн? Мы не можем сейчас подвергать его опасности провала. Если ему дать радиопередатчик, он будет сношаться непосредственно с Лондоном. Не нравится мне эта связь через консульство, да и они тоже не в восторге.

— А как же его донесения, сэр?

— Придется ему наладить что-то вроде курьерской связи с Кингстоном. Можно использовать кого-нибудь из его коммивояжеров. Пошлите ему указания с секретаршей. Вы ее видели?

— Нет, сэр.

— Повидайте немедленно. Проверьте, подходит ли она. Может ли взять на себя всю технику? Введите ее в курс дел его фирмы. Старой секретарше придется уйти. Поговорите с А.О. насчет небольшой пенсии.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Готорн. — Можно мне взглянуть еще раз на эти чертежи?

— Вас, кажется, заинтересовал вот этот. Что вы о нем скажете?

— Похоже на быстродействующую соединительную муфту, — мрачно сказал Готорн.

Когда он был уже у двери, шеф бросил ему вдогонку:

— Знаете, Готорн, все это прежде всего ваша заслуга. Мне как-то говорили, что вы плохо разбираетесь в людях, но у меня на этот счет было свое мнение. Bravo, Готорн!

— Спасибо, сэр.

Он уже взялся за ручку дверь.

— Готорн!

— Да, сэр?

— А вы не нашли той старой записной книжки?

— Нет, сэр.

— Может, ее найдет Беатриса.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Уормолду никогда не забыть этой ночи. Милли исполнилось семнадцать лет, и он решил повести ее в «Тропикану». Хотя в кабаре и нужно проходить через игорные залы, «Тропикана» все же безобиднее, чем «Насьональ». Эстрада и площадка для танцев находятся под открытым небом. На огромных пальмах, в двадцати футах над землей, раскачивались девушки, а розовые и лиловые лучи прожекторов скользили по полу. Певец в ярко-голубом фраке пел по-англо-американски о прелестях Парижа. Потом рояль задвинули в кусты, и девушки спустились с ветвей, как пугливые птицы.

— Как это похоже на Арденнский лес, — с восторгом сказала Милли.

Дуэньи с ней не было: она исчезла после первого же бокала шампанского.

— Не думаю, чтобы в Арденнском лесу были пальмы. Или танцовщицы.

— Ты все понимаешь буквально, папа.

— Вы любите Шекспира? — осведомился у Милли доктор Гассельбахер.

— Нет, не люблю, — слишком уж он поэтичен. Помните, как это у него... Входит гонец.

«Направо двинулся с войсками герцог мой». — «Тогда мы с радостью пойдём за ним на бой».

— Да какой же это Шекспир?!

— Очень похоже на Шекспира.

— Милли, не болтай глупостей!

— По-моему, Арденнский лес тоже из Шекспира, — сказал доктор Гассельбахер.

— Да, но я читаю только «Шекспира для детей» Лэма. Он выбросил всех гонцов, кое-каких герцогов и почти всю поэзию.

— Вы проходите Лэма в школе?

— Нет, я нашла книгу у папы.

— Вы читаете «Шекспира для детей», мистер Уормолд? — спросил с некоторым удивлением доктор Гассельбахер.

— Нет, нет, что вы. Разумеется, нет. Я купил эту книгу для Милли.

— Почему же ты так рассердился, когда я ее взяла?

— Я не рассердился. Просто не люблю, когда ты роешься в моих вещах... в вещах, которые тебя не касаются.

— Можно подумать, что я за тобой шпионю, — сказала Милли.

— Милли, детка, пожалуйста, не будем ссориться в день твоего рождения. Ты совсем не обращаешь внимания на доктора Гассельбахера.

— Отчего вы сегодня такой молчаливый, доктор Гассельбахер? — спросила Милли, наливая себе второй бокал шампанского.

— Дайте мне как-нибудь вашего Лэма, Милли. Мне тоже трудно читать настоящего Шекспира.

Какой-то очень маленький человек в очень узком мундире помахал им рукой.

— Вы чем-то расстроены, доктор Гассельбахер?

— Чем я могу быть расстроен в день вашего рождения, дорогая Милли? Разве только тем, что прошло так много лет.

— А семнадцать — это очень много лет?

— Для меня они прошли слишком быстро.

Человек в узком мундире подошел к их столику и отвесил поклон. Лицо его было изрыто оспой и напоминало разъеденные солью колонны на приморском бульваре. Он держал в руках стул, который был чуть пониже его самого.

— Папа, это капитан Сегура.

— Разрешите присесть?

Не дожидаясь ответа Уормолда, он расположился между Милли и доктором Гассельбахером.

— Я очень рад познакомиться с отцом Милли, — сказал он. Сегура был наглецом, но таким непринужденным и стремительным, что не успевали вы на него обидеться, как он уже давал новый повод для возмущения. — Представьте меня вашему приятелю, Милли.

— Это доктор Гассельбахер.

Капитан Сегура не обратил на доктора Гассельбахера никакого внимания и наполнил бокал Милли. Он подозвал лакея.

— Еще бутылку.

— Мы уже собираемся уходить, капитан Сегура, — сказал Уормолд.

— Ерунда. Вы мои гости. Сейчас только начало первого.

Уормолд задел рукавом бокал. Он упал и разбился вдребезги, как и надежда повеселиться сегодня вечером.

— Человек, другой бокал!

Склонившись к Милли и повернувшись спиной к доктору Гассельбахеру, Сегура стал напевать вполголоса «Я сорвал в саду розочку».

— Вы очень плохо себя ведете, — сказала Милли.

— Плохо? По отношению к вам?

— По отношению ко всем нам. Папа сегодня празднует мой день рождения, мне уже семнадцать. И мы его гости, а не ваши.

— Ваш день рождения? Тогда вы, безусловно, мои гости. Я приглашу к нашему столику танцовщиц.

— Нам не нужно никаких танцовщиц, — сказала Милли.

— Я попал в немилость?

— Да.

— А, — сказал он с видимым удовольствием, — это потому, что я сегодня не ждал около школы, чтобы вас подвезти. Но иногда я вынужден вспоминать и о службе в полиции. Человек, скажите дирижеру, чтобы сыграли туш «С днем рождения поздравляю».

— Не смейте, — сказала Милли. — Как вы можете быть таким... таким пошляком!

— Я? Пошляк? — Капитан Сегура расхохотался от души. — Какая она у вас шалунья, — оказал он Уормолду. — Я тоже люблю пошалить. Вот почему нам с ней так весело.

— Она мне рассказывала, что у вас есть портсигар из человеческой кожи.

— Если бы вы знали, как она всегда меня этим дразнит. А я ей говорю, что из ее кожи получится прелестный...

Доктор Гассельбахер резко поднялся.

— Пойду погляжу на рулетку, — сказал он.

— Я ему не понравился? — спросил капитан Сегура. — Может быть, он ваш старый

поклонник, Милли? Очень старый поклонник, ха-ха-ха!

— Он наш старый друг, — сказал Уормолд.

— Но мы-то с вами, мистер Уормолд, знаем, что дружбы между мужчиной и женщиной не бывает.

— Милли еще не женщина.

— Вы судите как отец, мистер Уормолд. Ни один отец не знает своей дочери.

Уормолд смерил взглядом расстояние от бутылки шампанского до головы капитана Сегуры. У него появилось мучительное желание соединить эти два предмета друг с другом. За столиком позади капитана совершенно незнакомая Уормолду молодая женщина серьезно и одобрительно кивнула ему головой. Он взялся за бутылку шампанского, и она кивнула снова. Уормолд подумал, что она, наверно, так же умна, как и хороша, если безошибочно читает его мысли. Он позавидовал ее спутникам — двум летчикам и стюардессе голландской авиакомпании.

— Пойдемте потанцуем, Милли, — сказал капитан Сегура, — сделайте вид, что вы меня простили.

— Я не хочу танцевать.

— Клянусь, завтра я буду ждать вас у монастырских ворот.

Уормолд беспомощно махнул рукой, словно хотел сказать: «У меня духа не хватит. Помогите». Молодая женщина внимательно за ним следила: ему казалось, что она обдумывает создавшуюся ситуацию и всякое ее решение будет окончательным, потребует немедленных действий. Она выпустила из сифона немного содовой воды в свой бокал с виски.

— Ну пойдемте же, Милли. Не надо портить мой праздник.

— Это не ваш праздник. А папин.

— Какая вы злопамятная. Неужели, детка, вы не понимаете, что работа иногда бывает важнее даже вас?

Молодая женщина за спиной капитана Сегуры повернула носик сифона в его сторону.

— Не надо, — невольно сказал Уормолд. — Не надо.

Носик сифона был направлен вверх, прямо в шею капитана Сегуры. Палец она держала наготове. Уормолду стало обидно, что такая хорошенькая женщина смотрит на него с презрением. Он сказал:

— Да. Пожалуйста. Да.

И она нажала на рычажок. Струя содовой воды с шипением ударила капитана Сегуру в затылок и потекла ему за воротник. Откуда-то из-за столиков послышался голос доктора Гассельбахера: «Браво». Капитан Сегура выругался.

— Извините, — сказала молодая женщина. — Я хотела налить себе в виски.

— Себе в виски?

— В «Хейга с ямочками», — сказала она.

Милли захихикала.

Капитан Сегура сухо поклонился. Глядя на его маленькую фигурку, трудно было догадаться, как он опасен, — ведь только выпив, понимаешь, как крепок напиток.

Доктор Гассельбахер сказал:

— Мадам, у вас пустой сифон, позвольте принести вам другой.

Голландцы за ее столиком переговаривались смущенным шепотом.

— Пожалуй, мне опасно доверять такую вещь, как сифон, — сказала молодая женщина.

Капитан Сегура выдавил на своем лице улыбку. Казалось, она появилась не на том месте, где надо, — так случается с зубной пастой, когда лопнет тюбик.

— В первый раз в жизни мне выстрелили в спину, — сказал он. — Я рад, что стреляла женщина. — Он отлично вышел из положения; вода все еще капала у него с волос, а воротничок превратился в тряпку. — В другое время я захотел бы взять реванш, — добавил он, — но мне давно пора в казармы. Надеюсь, мы еще увидимся.

— Я не собираюсь уезжать, — сказала молодая женщина.

— Вы приехали отдохнуть?

— Нет. Работать.

— Если у вас будут затруднения с визой, — многозначительно сказал он, — приходите ко мне... До свидания, Милли. До свидания, мистер Уормолд. Я скажу лакею, что вы мои гости. Заказывайте все, что хотите.

— Такой уход делает ему честь, — заметила молодая женщина.

— Ваша меткость делает честь вам.

— Ударить его бутылкой шампанского было бы, пожалуй, слишком. Кто он такой?

— Его зовут Кровавым Стервятником.

— Он пытается заключенных, — сказала Милли.

— Кажется, я с ним подружилась.

— На вашем месте я бы на это не очень рассчитывал, — сказал доктор Гассельбахер.

Они сдвинули столики. Оба летчика поклонились и назвали трудно произносимые фамилии. Доктор Гассельбахер сказал голландцам с нескрываемым ужасом:

— Вы пьете кока-колу!

— Ничего не поделаешь. В три тридцать мы вылетаем в Монреаль.

Уормолд заметил:

— Раз платить будет капитан Сегура, давайте закажем еще шампанского. И еще кока-колы.

— Кажется, я уже больше не могу пить кока-колу, а ты, Ганс?

— Я бы выпил стаканчик «болса» [21], — сказал тот, который был помоложе.

— Не раньше Амстердама, — твердо заявила стюардесса.

Молодой пилот шепнул Уормолду:

— Я хочу на ней жениться.

— На ком?

— На мисс Пфунк.

— А она?

— Она не хочет.

Старший голландец сказал:

— У меня жена и трое детей. — Он расстегнул верхний карман. — Вот.

Он протянул Уормолду цветную фотографию, на которой девушка в туго облегающем желтом свитере и купальных трусиках пристегивала коньки. На свитере было написано «Мамба-клуб», а ниже Уормолд прочел: «Гарантируем массу удовольствий. Пятьдесят красавиц. Вы не останетесь в одиночестве».

— Кажется, вы ошиблись, это не тот снимок, — сказал Уормолд.

Молодая женщина — у нее были каштановые волосы и, насколько можно было разглядеть при неверном освещении, карие глаза — сказала:

— Давайте потанцуем.

— Я неважно танцую.

— Не беда.

Он прошел с ней круг.

— Да, вы были правы, — сказала она. — То, что они играют, называется румба. Это ваша дочь?

— Да.

— Какая хорошенькая!

— Вы только что приехали?

— Да. Команда самолета решила кутнуть, а я пошла с ними. Я здесь никого не знаю.

Ее голова доходила ему до подбородка, и он чувствовал запах ее волос; иногда они касались его губ. Он почему-то огорчился, заметив у нее на пальце обручальное кольцо. Она сказала:

— Моя фамилия Северн. Беатриса Северн.

— Моя — Уормолд.

— Значит, я ваш секретарь, — сказала она.

— То есть как? У меня нет никакого секретаря.

— Нет есть. Разве они вам не сообщили о моем приезде?

— Нет.

Ему не нужно было спрашивать, кто «они».

— Но я сама отправляла телеграмму.

— Я действительно получил какую-то телеграмму на прошлой неделе, но ничего в ней не понял.

— А какое у вас издание «Шекспира для детей»?

— «Эвримен».

— Черт! Они мне дали не то издание. Понятно, что в телеграмме было все перепутано. Но я рада, что вас нашла.

— И я рад. Хотя немного удивлен. Где вы остановились?

— В «Инглатерре», но завтра я перееду.

— Куда?

— Ну, конечно, к вам, в контору. Мне все равно, где спать. Устроюсь в одном из кабинетов.

— Там нет никаких кабинетов. У меня очень маленькая контора.

— Но есть же комната для секретаря.

— У меня никогда не было секретаря, миссис Северн.

— Зовите меня Беатрисой. Они считают, что этого требует конспирация.

— Конспирация?

— Что же мы будем делать, если у вас даже нет комнаты для секретаря? Давайте сядем.

Какой-то человек во фраке, — в этих тропических зарослях он напоминал английского колониального чиновника, который и в джунглях переодевается к обеду, — вышел вперед и запел:

Почтенные люди живут вокруг.

Они все осмыслят, отмерят, взвесят.

— Они твердят, что круг — это круг,

И мое безрассудство их просто бесит.

Они твердят, что пень — это пень.

Что на небе луна, на дереве листья.

А я говорю, что ночь — это день,

И нету во мне никакой корысти.

Ты не верь им, прошу тебя...

[22]

Они сели за пустой столик в глубине игорного зала. До них доносилось постукивание шариков рулетки.

Она снова напустила на себя серьезность, через которую проглядывало смущение девушки, впервые надевшей бальное платье.

— Если бы я знала, что я ваш секретарь, — сказала она, — я бы ни за что не окатила из сифона полицейского... без вашего разрешения.

— Не огорчайтесь.

— Меня ведь послали сюда, чтобы вам стало легче. А не наоборот.

— Капитан Сегура нам не опасен.

— Я получила отличную подготовку. Знаю шифровальное дело и микрофотографию. Я могу взять на себя связь с вашей агентурой.

— А-а...

— Вы так хорошо себя проявили, им будет обидно, если вы сорветесь. Пускай лучше это произойдет со мной.

— А мне было бы обидно, если бы сорвали...

— Не понимаю...

— Простите, я думал о другом...

— Да, — сказала она, — раз телеграмма была искажена, вы ничего не знаете и о радисте.

— Не знаю.

— Он тоже остановился в «Инглатерре». Его укачало. Придется найти жилье и ему.

— Если его укачивает, то может быть...

— Возьмите его счетоводом. Он изучал бухгалтерию.

— Но мне не нужен счетовод. У меня даже бухгалтера нет.

— Не ломайте себе голову. Завтра утром я все устрою. Для того меня сюда и послали.

— В вас что-то есть. Вы мне напоминаете мою дочь, — сказал Уормолд. — А вам помогают новены?

— Какие новены?

— Не знаете? Слава богу хоть за это.

Человек во фраке как раз кончал свою песню:

А я говорю, что зима — это май,

И нету во мне никакой корысти!

Голубые лучи прожекторов превратились в розовые, и танцовщицы снова взобрались на свои пальмы. За столами для игры в кости раздавался неумолчный стук, а Милли и доктор Гассельбахер, счастливые, как дети, пробирались на площадку для танцев. Судя по всему,

Сегуре так и не удалось разбить их надежду повеселиться.

2

Уормолд проснулся чуть свет. Ему было слегка не по себе после шампанского, а фантастические происшествия вчерашней ночи уже вторгались в его деловое утро. Беатриса сказала, что он хорошо себя проявил — ее устами говорили Готорн и все эти люди. Он огорчился, подумав, что она, как и Готорн, принадлежит к тому же выдуманному миру, что и его агенты. Его агенты!..

Он сел за свою картотеку. Нужно было, чтобы к ее приходу карточки выглядели как можно достовернее. Теперь ему казалось, что некоторые из его агентов уж слишком неправдоподобны. Профессор Санчес и инженер Сифуэнтес безнадежно запутались в его сетях, и он не мог от них избавиться: оба уже вытянули по 200 песо на текущие расходы. Лопес тоже прочно занял свое место. Пьяный летчик кубинской авиалинии получил приличное вознаграждение — 500 песо — за сведения о строительстве в горах, но, пожалуй, его еще можно было ликвидировать, как человека не вполне благонадежного. Был тут и главный механик с «Хуана Бельмонте», который пил испанский коньяк в Сьенфуэгосе, — эта личность казалась вполне реальной, к тому же он получал всего семьдесят пять песо в месяц. Но были и другие, которые, как он опасался, могли не выдержать серьезной проверки; например, Родригес, который значился у него на карточке королем ночных притонов, или Тереса, танцовщица из «Шанхая», зарегистрированная как любовница министра обороны и одновременно директора почт и телеграфа (неудивительно, что ни о Родригесе, ни о Тересе Лондон ничего предосудительного сказать не мог). Пожалуй, лучше ликвидировать Родригеса — ведь каждый, кто хоть немножко знает Гавану, рано или поздно усомнится в его существовании. Но расстаться с Тересой просто душа не позволяла. Она была его единственной шпионкой, его Мата Хари [23]. Трудно было себе представить, что новый секретарь когда-нибудь попадет в «Шанхай», где каждый вечер в перерывах между выступлениями голых танцовщиц показывают три порнографических фильма.

Рядом с ним села Милли.

— Что это за карточки? — спросила она.

— Клиентура.

— Кто эта вчерашняя девушка?

— Она будет моим секретарем.

— Очень уж ты стал важный.

— Она тебе нравится?

— Еще не знаю. Ты же не дал мне с ней поговорить. Вы были так заняты вашими танцами и флиртом.

— Я с ней не флиртовал.

— Она хочет за тебя выйти замуж?

— Господи, с чего ты взяла!

— А ты хочешь на ней жениться?

— Милли, не говори глупостей. Я только вчера с ней познакомился.

— Мари — одна француженка, она учится у нас в монастыре — говорит, что всякая настоящая любовь это *сoup de foudre* [24].

— Так вот о чем вы разговариваете в монастыре!

— Конечно. Надо же думать о будущем? Прошлого-то у нас нет, о чем нам еще разговаривать? А вот у сестры Агнесы есть прошлое.

— У какой сестры Агнесы?

— Я тебе о ней рассказывала. Она такая грустная и красивая. Мари говорит, что в молодости у нее была несчастная *сoup de foudre*.

— Это она сама рассказала Мари?

— Конечно, нет. Но Мари знает. У нее самой было уже две несчастных *сoup de foudre*. Они поразили ее сразу, как гром среди ясного неба.

— Я уже стар, мне такие вещи не угрожают.

— Не зарекайся. Один старик — ему было почти пятьдесят — познакомился с матерью Мари, и с ним случилась *сoup de foudre*. И он был тоже женатый, как ты.

— Моя секретарша замужем, так что все будет в порядке.

— Она на самом деле замужем или соломенная вдова?

— Не знаю. Не спрашивал. А, по-твоему, она красивая?

— Довольно красивая. В своем роде.

Снизу крикнул Лопес:

— Пришла дама. Говорит, что вы ее ждете.

— Скажите, чтобы она поднялась вверх.

— Имей в виду, я останусь, — пригрозила ему Милли.

— Здравствуйте, Беатриса! Вот Милли.

Глаза ее были того же цвета, что и ночью, и волосы тоже; в конце концов, все это не было наваждением; шампанское и пальмы тут были ни при чем. Нет, подумал он, она настоящая.

— Доброе утро. Надеюсь, вы хорошо спали, — произнесла Милли голосом своей дуэньи.

— Нет, мне снились всякие ужасы. — Беатриса перевела взгляд с Уормолда на картотеку, потом на Милли. — А вчера я веселилась от души, — добавила она.

— С сифоном у вас получилось здорово, — великодушно сказала Милли, — мисс...

— Миссис Северн. Но, пожалуйста, зовите меня Беатрисой.

— Вы замужем? — спросила Милли с наигранным любопытством.

— Была замужем.

— Он умер?

— Понятия не имею. Он испарился.

— Да ну!

— С такими людьми, как он, это бывает.

— А какой он был?

— Милли, тебе пора идти. И неприлично задавать такие вопросы миссис Северн... Беатрисе.

— В моем возрасте, — заявила Милли, — нужно учиться на опыте старших.

— Вы совершенно правы. Таких, как он, обычно называют людьми возвышенными, тонкой натурой. Мне он казался очень красивым; у него было лицо, как у птенца, который выглядывает из гнездышка, — знаете, в одном из этих научно-популярных фильмов. Даже вокруг кадыка у него рос пушок — кстати, у него был довольно большой кадык. Беда была в том, что ему уже стукнуло сорок, а он все еще выглядел птенцом. Женщины были от него без ума. Он то и дело ездил на всякие конференции ЮНЕСКО — в Венецию, Вену и тому подобное. У вас есть сейф, мистер Уормолд?

— Нет.

— А потом? — спросила Милли.

— Я просто стала видеть его насквозь. В буквальном смысле слова. Он был такой тощий, что казалось, будто он просвечивает; я так и видела у него во внутренностях зал заседаний, со всеми делегатами, а докладчик встает и кричит: «Дайте нам свободу творчества!» За завтраком это было очень неприятно.

— И вы даже не знаете, жив он или умер?

— В прошлом году был еще жив — я читала в газетах, что он делал доклад в Таормине на тему «Интеллигенция и водородная бомба». Вам необходимо иметь сейф, мистер Уормолд.

— Зачем?

— Нельзя, чтобы все валялось на столе. Кроме того, старому негодянту так уж полагается.

— Кто сказал, что я старый негодянт?

— У них в Лондоне создалось о вас такое представление. Я сейчас же пойду и достану вам сейф.

— Мне пора, — сказала Милли. — Ты будешь вести себя хорошо, папа?. Ты понимаешь, о чем я говорю?

День выдался на редкость утомительный. Сперва Беатриса приобрела огромный сейф с секретом — для его доставки потребовались шесть человек и грузовик. Когда сейф втаскивали по лестнице, сломали перила и сорвали со стены картину. На улице собралась толпа: там было несколько мальчишек из соседней школы, две красивые негритянки и полицейский. Уормолд посетовал, что такая суматоха привлекает внимание, но Беатриса возразила, что самый верный способ избежать подозрений — это не прятаться.

— Вот, например, вчерашняя история с сифоном, — сказала она. — Теперь все меня запомнят, — как же, та самая женщина, которая окатила полицейского содовой! Никто больше не станет интересоваться, кто я такая. Уже все ясно.

Пока возились с сейфом, подъехало такси, из него вышел молодой человек и выгрузил самый большой чемодан, какой Уормолду когда-либо приходилось видеть.

— Это Руди, — сказала Беатриса.

— Какой Руди?

— Ваш счетовод. Я же вам вчера говорила.

— Слава богу, — сказал Уормолд, — кажется, я запомнил не все, что было вчера.

— Пойди сюда, Руди, передохни.

— Какой толк звать его сюда, — сказал Уормолд. — Куда сюда? Он здесь не поместится.

— Он может спать в конторе, — сказала Беатриса.

— Там не хватит места для кровати, сейфа и моего письменного стола.

— Я достану вам стол поменьше. Больше не мутит, Руди? Это мистер Уормолд, наш хозяин.

Руди был очень молод и очень бледен; пальцы его пожелтели не то от никотина, не то от кислот. Он сообщил:

— Ночью меня рвало два раза. Рентгеновская трубка сломалась.

— Ничего не поделаешь. Прежде всего надо устроиться. Ступай купи складную кровать.

— Слушаюсь, — сказал Руди и исчез.

Одна из негритянок протиснулась к Беатрисе и заявила:

— Я британская подданная.

— Я тоже, — откликнулась Беатриса. — Рада с вами познакомиться.

— Вы та самая девочка, которая облила водой капитана Сегуру?

— Почти что так. Я на него брызнула из сифона.

Негритянка повернулась и объяснила это толпе по-испански. Несколько человек принялись аплодировать. Полицейский смущенно удалился. Негритянка сказала:

— Вы очень красивая девочка, мисс.

— Вы тоже красивая, — откликнулась Беатриса. — Помогите-ка мне с этим чемоданом.

Они взялись за чемодан Руди, — одна стала его тащить, другая подталкивала сзади.

— Простите, — говорил какой-то человек, с трудом пробиваясь через толпу, — виноват, простите!

— Что вам нужно? — спросила Беатриса. — Разве вы не видите, что мы заняты. Приходите в другой раз.

— Но мне хотелось купить пылесос.

— Ах, пылесос!.. Тогда заходите. Сможете перелезть через чемодан?

Уормолд крикнул Лопесу:

— Займитесь им. И, ради всего святого, постарайтесь сбыть ему «Атомный котел». Мы еще не продали ни одного.

— Вы будете здесь жить? — спросила негритянка.

— Я буду здесь работать. Спасибо за помощь.

— Нам, британцам, надо стоять друг за друга, — сказала негритянка.

Грузчики, которые устанавливали сейф, спускались по лестнице, они плевали себе на ладони и вытирали их о штаны, чтобы показать, как тяжело было тащить эту громаду. Уормолд дал им на чай. Поднявшись наверх, он грустно оглядел свой кабинет. Беда была в том, что в комнате как раз оставалось место для складной кровати, — это мешало ему избавиться от Руди.

— Руди негде будет держать свои вещи, — сказал он.

— Он привык к походной жизни. Но, на худой конец, тут есть ваш письменный стол. Переложите в сейф бумаги из ящиков, а Руди положит туда свои вещи.

— Я никогда не открывал сейфа с секретом.

— Это так просто. Надо только выбрать три числа, которые вы сможете запомнить. Какой у вас номер почтового отделения?

— Не знаю.

— Ну, номер телефона... нет, это ненадежно. Всякий взломщик сразу догадается. Ваш год рождения?

— Тысяча девятьсот четырнадцатый.

— А число?

— 6 декабря.

— Вот и пусть будет 19 — 6 — 14.

— Ну, этого я не запомню.

— Вам так кажется. Не можете же вы забыть, когда вы родились? Теперь следите за мной. Вы поворачиваете ручку четыре раза против часовой стрелки, потом ставите ее на девятнадцать, поворачиваете три раза по часовой стрелке, потом ставите на шесть, потом два раза против часовой стрелки, потом на четырнадцать, потом кругом — и сейф заперт. Теперь вы открываете его точно так же — девятнадцать — шесть — четырнадцать... и вот, пожалуйста, — открыт.

В сейфе лежаладохлаямышь.

— Товар с гнильцой, — сказала Беатриса, — надо было мне потребовать скидку.

Она стала распаковывать чемодан Руди, вытаскивая из него части рации, батареи, фотопринадлежности, какие-то таинственные трубки, засунутые в мужские носки.

— Как вы ухитрились все это протащить через таможню?

— А мы и не протаскивали. Вещи привез нам из Кингстона 59200 дробь четыре дробь пять.

— Кто он такой?

— Контрабандист, креол. Занимается контрабандой кокаина, опиума и марихуаны. Разумеется, таможенники с ним заодно. Они и на этот раз полагали, что он провозит обычный груз.

— Сколько нужно наркотиков, чтобы набить такой чемодан!

— Да, нам пришлось-таки раскошелиться.

Переложив в сейф содержимое стола, она проворно убрала в ящики пожитки Руди.

— Рубашки немного помнутся, — заметила она, — что поделаешь.

— Ну и пусть мнутся.

— А это что такое? — спросила она, беря карточки, которые он утром с таким пристрастием рассматривал.

— Моя агентура.

— Вы оставляете карточки на столе?

— Ну, на ночь я их запираю.

— У вас довольно туманное представление о конспирации. — Она взглянула на одну из карточек. — Кто такая Тереса?

— Танцовщица, она танцует голая.

— Совсем голая?

— Да.

— Вам повезло... Лондон хочет, чтобы связь с агентами я взяла на себя. Вы меня как-нибудь познакомите с Тересой, когда она будет не совсем голая?

Уормолд сказал:

— Не думаю, чтобы она захотела работать на женщину. Вы же их знаете...

— Нет, не знаю. Это вы их знаете. А, вот инженер Сифуэнтес. Лондон о нем очень высокого мнения. Что ж, и он, по-вашему, не захочет работать на женщину?

— Он не говорит по-английски.

— А что, если мне брать у него уроки испанского? Это была бы неплохая маскировка. Он такой же красивый, как Тереса?

— У него на редкость ревнивая жена.

— Ну, с женой-то я, наверно, справлюсь.

— Конечно, глупо ревновать человека в таком возрасте.

— А сколько ему лет?

— Шестьдесят пять. К тому же у него брюшко, так что ни одна женщина на него и смотреть не станет. Если хотите, я спрошу у него насчет уроков.

— Это не к спеху. Можно и подождать. Начну, пожалуй, с другого. Профессор Санчес. Когда я была замужем, мне приходилось иметь дело с интеллигентами.

— Он тоже не говорит по-английски.

— Ну, он-то наверно знает французский. А моя мать была француженка. Я свободно говорю на двух языках.

— Не знаю, как у него обстоит дело с французским. Я выясню.

— Послушайте, вам не следовало бы заносить все эти имена на карточки en clair [25]. Представьте себе, что вами заинтересуется капитан Сегура. Мне бы не хотелось, чтобы с брюшка инженера Сифуэнтеса содрали кожу для портсигара. Просто запишите какие-нибудь приметы под их номерами, чтобы легче было запомнить: 59200 дробь пять дробь три — ревнивая жена и брюшко. Я перепишу все карточки, а старые сожгу. Черт? Где у нас целлулоид?

— Целлулоид?

— Ну да, чтобы побыстрее жечь бумаги. Ах, должно быть, Руди засунул его в рубашки.

— Сколько вы возите с собой всякой дряни.

— Теперь нам надо оборудовать темную комнату.

— У меня нет темной комнаты.

— В наше время их нет ни у кого. Я была к этому готова. Вот шторы и красный фонарь. Ну, и, конечно, микроскоп.

— Зачем нам микроскоп?

— Для микрофотографии. Видите ли, если случится что-нибудь действительно срочное, о чем нельзя будет сообщить в телеграмме, а Лондон ждет от нас непосредственных донесений, минуя Кингстон, — это сэкономит время. Микрофотографию можно послать обыкновенным письмом. Вы приклеиваете ее вместо точки, а там письмо держат в воде, пока точка не отклеится. Вы ведь, наверно, пишете домой? Деловые письма посылаете?

— Деловые письма я посылаю в Нью-Йорк.

— А друзьям или родственникам?

— За последние десять лет я как-то ото всех оторвался. Кроме сестры. Впрочем, к рождеству я посылаю поздравительные открытки.

— А если нам некогда будет ждать рождества?

— Иногда я посылаю марки маленькому племяннику.

— Вот-вот, как раз то, что надо! Можно наклеить микрофотографию на обратную сторону одной из марок.

Руди поднимался по лестнице, сгибаясь под тяжестью складной кровати, и картина на этот раз была добыта окончательно. Беатриса и Уормолд вышли в соседнюю комнату, чтобы освободить ему место; они уселись на кровать Уормолда. Послышался стук и лязг, потом

что-то разбилось.

— Руди у нас такой неуклюжий, — сказала Беатриса. Окинув взглядом комнату, она добавила: — Ни одной фотографии. Никаких следов личной жизни.

— Да, мне в этом смысле нечем похвастать. У меня вот только Милли. И доктор Гассельбахер.

— Лондон не одобряет доктора Гассельбахера.

— А ну его к черту, ваш Лондон, — отозвался Уормолд. Ему вдруг захотелось рассказать ей о разгроме, учиненном в квартире доктора Гассельбахера, и о конце его бесплодных опытов. Он сказал: — Такие люди, как ваши дружки в Лондоне... Простите. Вы ведь одна из них.

— И вы тоже.

— Да, конечно. И я тоже.

Руди крикнул из соседней комнаты:

— Готово!

— Мне бы хотелось, чтобы вы не были одной из них, — сказал Уормолд.

— Жить-то ведь надо.

— Это не настоящая жизнь. Все это шпионство... Шпионить за кем? Тайные агенты раскрывают то, что и так знают все на свете...

— Или просто все выдумывают, — сказала она.

Он запнулся, а она продолжала невозмутимо:

— Мало ли у кого жизнь не настоящая. Изобретать новую мыльницу из пластмассы, сочинять тупые шутки для эстрады, писать стишки для рекламы, быть членом парламента, ораторствовать на конференциях ЮНЕСКО... Но деньги за все это платят настоящие. И то, что бывает после работы, тоже настоящее. Вот, например, ваша дочь и ее день рождения — они настоящие.

— А что вы делаете после работы?

— Сейчас ничего особенного, но когда была влюблена... Мы ходили в кино, пили кофе в кафе, летом по вечерам гуляли в парке.

— Но почему все это кончилось?

— Сберечь в жизни что-то настоящее можно только тогда, когда этого хотят оба. А он все время играл роль, воображал себя великим любовником. Иногда мне даже хотелось, чтобы он хоть ненадолго стал импотентом, — это сбило бы с него спесь. Нельзя любить и быть таким самоуверенным! Если любишь, всегда боишься потерять то, что любишь, правда? — Она вдруг спохватилась. — А, черт, зачем я вам все это говорю? Пойдемте лучше делать микроснимки и писать шифровки. — Она заглянула в дверь. — Руди уже лег. Наверно, его опять тошнит. Неужели человека может тошнить так долго? А нет у вас комнаты, где бы не было кровати? Кровать всегда располагает к откровенности. — Она заглянула в другую дверь. — Стол накрыт. Холодное мясо и салат. Два прибора. Кто здесь хозяйничает? Какая-нибудь фея?

— По утрам приходит часа на два прислуга.

— А что в той комнате?

— Это комната Милли. Но там тоже есть кровать.

3

Положение было пиковое, как на него ни посмотри. Уормолд теперь уже привык выписывать деньги на непредвиденные расходы для инженера Сифуэнтеса и для профессора, жалованье себе, главному механику с «Хуана Бельмонте» и голой танцовщице Тересе. С пьяницей-летчиком обычно расплачивались ящиками виски. Деньги Уормолд откладывал на свой текущий счет — когда-нибудь Милли понадобится приданое. Чтобы оправдать все эти расходы, ему, понятно, приходилось регулярно сочинять донесения. С помощью большой карты и очередного номера «Тайм», уделявшего немалое место Кубе в своем отделе стран Западного полушария, с помощью различных правительственных изданий по экономическим вопросам, а главное, с помощью своей фантазии он умудрялся сочинять одно донесение в неделю; до приезда Беатрисы он посвящал этим сочинениям субботние вечера. Профессор был его экономическим экспертом, а инженер Сифуэнтес занимался таинственными сооружениями в горах Орьенте (его сообщения иногда подтверждались, а иногда и опровергались кубинским летчиком — опровержения придавали тому, что писал Уормолд, оттенок достоверности). Главный механик сообщал об условиях труда в Сантьяго, Матансасе и Сьенфуэгосе и осведомлял о беспорядках на военных кораблях. Что касается голой танцовщицы, то она поставляла пикантные подробности частной жизни и половых изысков министра обороны и директора почт и телеграфа. Ее сведения были как две капли воды похожи на сплетни из жизни кинозвезд, которые печатались в журнале «Конфиденшл», поскольку воображение Уормолда в этой области было бедновато.

Теперь, когда приехала Беатриса, у Уормолда, помимо субботних литературных упражнений, появилось много новых хлопот. Дело не ограничивалось кратким курсом микрофотографии, который он проходил с Беатрисой по ее настоянию, — надо было выдумывать телеграммы, чтобы как-нибудь занять Руди, а чем больше телеграмм посылал Уормолд, тем больше он их получал в ответ. Не проходило недели, чтобы Лондон не докучал ему запросами о сооружениях в Орьенте, и с каждой неделей Беатриса все настойчивее добивалась передачи ей агентурных связей. По ее словам, резиденту категорически воспрещалось самому встречаться со своими «источниками». Однажды он пригласил ее пообедать в Загородный клуб и, как назло, кто-то вдруг громко вызвал инженера Сифуэнтеса. Из-за соседнего столика поднялся очень высокий, худой человек. На глазу у него было бельмо.

— Это и есть Сифуэнтес? — резко спросила она.

— Да.

— Но вы же мне сказали, что ему шестьдесят пять лет.

— Он очень молодо выглядит.

— И вы говорили, что у него брюшко.

— Вы меня просто не поняли. Я сказал, что у него брошка. Здесь так называют бельмо.

Он чуть было не попался.

Затем она стала интересоваться более возвышенным порождением фантазии Уормолда — кубинским летчиком. Она с увлечением принялась дополнять записи о нем в картотеке и требовала все новых и новых подробностей. Рауля Домингеса, без сомнения, окружал ореол романтики. Жена его погибла во время гражданской войны в Испании, а теперь он разочаровался и в политике и в своих бывших коммунистических друзьях. Чем чаще Беатриса

расспрашивала о нем Уормолда, чем больше обогащался характер Рауля, тем сильнее ей хотелось с ним познакомиться. Иногда Уормолд чувствовал укол ревности и пытался очернить летчика в ее глазах.

— Этот пьянчуга выдувает целую бутылку виски в день, — говорил Уормолд.

— Наверно, ищет забвения от одиночества и тоски, — отвечала Беатриса. — А вам разве никогда не хочется забыться?

— Должно быть, иногда нам всем этого хочется.

— Я-то знаю, что такое одиночество, — сказала она с сочувствием. — Он пьет с утра до ночи?

— Нет. Роковое время для него — два часа ночи. Если он к этому времени проспит, его начинают донимать мрачные мысли, и тогда он снова принимается пить.

Уормолда самого удивляло, как быстро он находит ответ на любой вопрос о своих героях; казалось, они живут где-то на пороге его сознания: стоит ему только повернуть выключатель и зажечь свет — они уже тут как тут, и сами начинают действовать. Вскоре после приезда Беатрисы Рауль праздновал день рождения, в она предложила подарить ему ящик шампанского.

— Он к нему и не притронется, — сам не зная почему, возразил Уормолд. — У него повышенная кислотность. Как только он выпьет шампанского, у него появляется сыпь. А вот профессор, наоборот, тот не пьет ничего другого.

— Аристократический вкус.

— Дурной вкус, — не задумываясь, откликнулся Уормолд. — Он предпочитает шампанское испанских марок.

Иногда его даже пугало, как эти люди, без его ведома, вырастали из мрака небытия. Что там делает Тереса у него за спиной? Он боялся об этом подумать. Порой его возмущали ее бесстыдные откровения, когда она рассказывала о своей жизни с двумя любовниками. Но самого неотступного внимания требовал Рауль. Бывали такие минуты, когда Уормолду казалось, что куда проще было бы иметь дело с настоящими агентами.

Мысль его лучше всего работала в ванне. Однажды утром, когда он был погружен в свои размышления, до него донесся какой-то шум — возмущенные возгласы, стук кулаком в дверь, сердитый топот на лестнице, — но захваченный творческим порывом, он был равнодушен к миру, который скрывало от него облако пара... Кубинская авиакомпания уволила Рауля за пьянство. Он был в отчаянии: работы нет, у него произошло неприятное объяснение с капитаном Сегурой, тот ему угрожал...

— С вами ничего не случилось? — донесся снаружи голос Беатрисы. — Вы не утонули? Может быть, взломать дверь?

Он задрапировался полотенцем и вышел в спальню, которая служила ему теперь и кабинетом.

— Милли ушла в бешенстве, — сообщила Беатриса. — Ей так и не удалось принять ванну.

— Настал исторический момент, — сказал Уормолд. — Где Руди?

— Вы же сами отпустили его на субботу и воскресенье.

— Ничего. Пошлем телеграмму через консульство. Достаньте шифровальную книгу.

— Она в сейфе. Напомните, мне секрет. Когда ваш день рождения? Ведь, кажется, мы остановились на дне рождения? 6 декабря?

— Я все переменял.

— Свой день рождения?

— Да нет же. Я говорю о секрете. — Он добавил назидательно: — Чем меньше людей его знают, тем лучше для всех нас. Достаточно, если его знаем Руди и я. Самое важное — это действовать по всем правилам. — Он пошел в комнату Руди и принялся крутить ручку — четыре раза налево, три раза направо. Полотенце упрямо сползло с бедер. — Кроме того, каждый может узнать мой день рождения, он ведь указан в бланке для прописки. Крайне опасно! Это как раз та цифра, о которой они подумают прежде всего.

— Еще один поворот, — сказала Беатриса.

— Этот секрет не разгадает никто. Надежнее быть не может.

— Ну как, готово?

— Я, кажется, ошибся. Придется начать сначала.

— Да, секрет и в самом деле разгадать трудно.

— Пожалуйста, не смотрите и не говорите мне под руку. Меня это нервирует.

Беатриса отошла и повернулась лицом к стене.

— Скажите, когда можно будет смотреть, — попросила она.

— Странная история. Должно быть, эта проклятая штука сломалась. Позвоните Руди по телефону.

— Не могу. Куда я ему позвоню? Он уехал на пляж Варадеро.

— Ах, черт!

— Может быть, вы мне скажете, как вы придумали эту цифру, если только вы можете вспомнить...

— Это телефон сестры моей бабушки.

— Вы помните ее адрес?

— Оксфорд, Вудсток-роуд, 96.

— Но почему именно сестры вашей бабушки?

— А почему бы и нет?

— Пожалуй, можно запросить справочную Оксфорда.

— Сомневаюсь, чтобы она нам помогла.

— А как ее фамилия?

— Фамилию я тоже забыл.

— Да, нечего сказать, секрет надежный.

— Мы всегда звали ее просто бабушка Кэт... Между прочим, она уже пятнадцать лет как умерла. А номер телефона мог измениться.

— Непонятно, зачем вы взяли именно ее телефон.

— Разве с вами не бывает, что какой-нибудь номер телефона запоминается вам на всю жизнь?

— Кажется, этот номер запомнился вам не слишком твердо.

— Сию минуту припомню. Там что-то вроде семерки, еще семерки, пятерки, тройки и девятки.

— О, господи! Неужели в этом проклятом Оксфорде пятизначные номера!

— Мы можем попробовать все сочетания цифр семь, семь, пять, три и девять.

— А вы знаете, сколько их? Что-то около шестисот. Надеюсь, у вас не очень спешная телеграмма.

— Я уверен во всех цифрах, кроме семерки.

— Превосходно. Которой семерки? Кажется, теперь нам придется испробовать что-то около шести тысяч сочетаний. Точно не скажу — я не математик.

— Руди, вероятно, где-нибудь записал этот номер.

— Надеюсь, на непромокаемой бумаге, чтобы она не размокла во время купания... Что и говорить, хозяйство у нас образцовое.

— А если нам воспользоваться старым кодом?

— Это небезопасно. Но что поделаешь...

После долгих поисков они нашли «Шекспира для детей» у кровати Милли. Судя по загнутой странице, она дошла до половины «Двух веронцев».

— Пишите телеграмму, — начал Уормолд. — Пропустите число. ... марта.

— Неужели вы даже не помните сегодняшнего числа?

— Нижеследующее от 59200 дробь пять абзац А начинается 59200 дробь пять дробь четыре уволен за пьянство при исполнении служебных обязанностей опасается высылки в Испанию где его жизнь будет в опасности точка.

— Бедняга Рауль...

— Абзац Б начинается 59200 дробь пять дробь четыре...

— А нельзя ли просто; он?

— Ладно. Он. Он может при создавшихся условиях согласиться пролететь на частном самолете над секретными сооружениями и сфотографировать их за соответствующее вознаграждение и право убежища на Ямайке точка абзац В начинается ему придется вылететь из Сантьяго и сесть в Кингстоне если 59200 обеспечит посадку.

— Наконец-то мы, кажется, взялись за дело, — заметила Беатриса.

— Абзац Г начинается прошу утвердить пятьсот долларов за прокат самолета для 59200 дробь пять дробь четыре точка еще двести долларов для подкупа аэродромного персонала в Гаване точка абзац Д начинается вынужден дать 59200 дробь пять дробь четыре приличное вознаграждение в связи с серьезным риском перехвата самолетами патрулирующими над горами Орьенте точка предлагаю тысячу долларов точка.

— Какая аппетитная, круглая сумма, — сказала Беатриса.

— Конец. Принимайтесь за дело. Что вы копаетесь?

— Хочу найти подходящую фразу. Я не очень люблю «Шекспира для детей», а вы?

— Тысяча семьсот долларов, — мечтательно произнес Уормолд.

— Надо было довести ее до двух тысяч: А.О. любит круглые цифры.

— Боюсь показаться слишком расточительным, — сказал Уормолд.

Тысячи семисот долларов наверняка хватит на то, чтобы Милли могла пробыть год в одной из школ для благородных девиц в Швейцарии.

— У вас такой самодовольный вид, — сказала Беатриса. — А вам не приходит в голову, что вы посылаете человека на верную смерть?

«Вот-вот, этого-то как раз я и хочу», — подумал Уормолд.

— Передайте им в консульстве, — сказал он, — что телеграмма должна пойти вне всякой очереди.

— Телеграмма длинная, — сказала Беатриса. — Как вы думаете, такая фраза подойдет: «Он представил королю Полидора и Кадвала и объявил ему, что это два его пропавших сына — Гвидерий и Арвираг». Не правда ли, Шекспир бывает скучноват?

Через неделю он пригласил Беатрису поужинать в ресторане возле порта, где подавались только рыбные блюда. Запрошенную сумму утвердили, урезав ее на двести долларов, так что пристрастие А.О. к круглым цифрам все же сказалось. Уормолд представлял себе, как Рауль едет на аэродром: впереди — опасный полет. Но финал еще неизвестен. Как и в подлинной жизни, всякое может случиться. Герой начнет своевольничать: его схватят еще до того, как он сядет в самолет, задержит полицейская машина... Он исчезнет в застенках капитана Сегуры. В печати об этом не появится ни строчки. Уормолд предупредит Лондон, что прекращает радиосвязь, так как Рауля могут вынудить их выдать. Отправив последнее сообщение, они разберут передатчик и спрячут части; целлулоид будет наготове, чтобы предать все огню... А может быть, Рауль вылетит благополучно и они так никогда и не узнают, что же стряслось с ним над горами Орьенте. Во всей этой истории ясно было одно: Рауль не прилетит на Ямайку и не доставит никаких снимков.

— О чем вы задумались? — спросила Беатриса.

Он еще не притронулся к фаршированному омару.

— Я думал о Рауле.

С просторов Атлантики задул свежий ветер. Замок Морро по ту сторону бухты высился как

океанское судно, прибитое к берегу штормом.

— Вы за него беспокоитесь?

— Конечно, беспокоюсь.

Если Рауль вылетит в полночь, он сядет в Сантьяго для заправки как раз перед рассветом; там у него свои ребята: ведь в провинции Оренте каждый — мятежник в душе. Потом, как только рассветет и можно будет снимать — но еще до появления в воздухе патрульных самолетов, — он полетит в разведку над горами и лесами.

— А у него сейчас нет запоя?

— Обещал, что пить не будет. Впрочем, кто его знает.

— Бедняга Рауль.

— Бедняга Рауль.

— Жизнь его не баловала. Вам следовало познакомить его с Тересой.

Он кинул на нее испытующий взгляд, но, судя по всему, она была занята омаром.

— Хороша конспирация!

— А ну ее к черту, вашу конспирацию!

После ужина они пошли домой по Авенида де Масео, держась подальше от моря. В эту дождливую, ветреную ночь здесь было мало прохожих и еще меньше автомобилей. Валы набегали и разбивались о дамбу. Брызги перелетали через широкую дорогу, где днем в четыре ряда шли машины, и падали дождем у подножия изрытых солью и ветром колонн. Тучи неслись с востока; Уормолд подумал, что и его, как эти камни Гаваны, разъедает ветер времени. Пятнадцать лет — немалый срок.

— Может быть, один из огоньков вон там, наверху, — это он, — произнес Уормолд. — Как ему, должно быть, одиноко.

— Ну, это литература, — сказала она.

Он остановился как вкопанный под одной из колонн и бросил на нее тревожный взгляд.

— Что вы сказали?

— Да ничего. Иногда мне кажется, что вы смотрите на ваших агентов как на марионеток или героев романа. Но ведь там наверху живой человек, верно?

— Вы плохо обо мне думаете.

— Простите. Я не хотела вас обидеть. Расскажите о ком-нибудь, кто вам по-настоящему дорог. О вашей жене. Расскажите о ней.

— Она была красивая.

— Вы по ней скучаете?

— Конечно. Когда ее вспоминаю.

— А я не скучаю по Питеру.

— Кто это?

— Мой муж. Человек из ЮНЕСКО.

— Значит, вам повезло. Вы свободны. — Он взглянул на часы, на небо. — Сейчас он должен быть над Матансасом. Если все благополучно.

— Это вы ему дали маршрут?

— Что вы, он сам выбирает свой путь.

— А свою смерть?

Его снова что-то испугало в ее тоне — какая-то враждебность. Неужели она его подозревает? Он ускорил шаг. Они миновали бар «Кармен» и «Ча-ча-клуб» с крикливыми вывесками, намалеванными на ветхих ставнях старинного фасада. Из полумрака выглядывали красивые лица — карие глаза и темные волосы испанок, желтая кожа метисок; они стояли, лениво прислонясь к решетке, тщетно поджидая, не появится ли на залитой солеными брызгами улице хоть одна живая душа. Жить в Гаване — это жить на огромной фабрике, где непрерывным потоком выпускают женскую красоту. Но Уормолд не хотел никакой красоты. Он дошел до фонаря, остановился и прямо посмотрел в ее правдивые, ясные глаза. Он хотел правды.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Разве вы не знаете? Разве все не решено заранее, так же как полет Рауля?

— Я просто гуляю.

— А вам не хочется посидеть у рации? Руди дежурит.

— Ничего нового не будет до самого рассвета.

— А что, ночное сообщение о гибели самолета над Сантьяго у вас не предусмотрено?

Губы его пересохли от соли и тревоги. Она обо всем догадалась. Значит, она донесет Готорну. Что сделают тогда «они»? У них не было законных способов расправиться с ним, но они могли помешать ему вернуться в Англию. Он подумал: теперь она улетит следующим самолетом, все войдет в прежнюю колею, и так будет даже лучше; ведь жизнь его принадлежит Милли.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — пробормотал он.

Большая волна разбилась о дамбу и выросла над набережной, как рождественская елка, покрытая пластмассовым инеем. Потом она исчезла, и другая елка выросла возле «Насьоналя».

— Вы сегодня весь вечер какая-то странная, — сказал он. Незачем тянуть: если игра все равно подходит к концу, лучше положить карты на стол. — На что вы намекаете?

— Значит, не будет аварии на аэродроме... или в пути?

— Как я могу это знать?

— А у вас весь вечер такой тон, будто вам все известно заранее. Вы говорите о нем не так, как говорят о живом человеке. Вы сочиняли ему эпитафию, как плохой писатель, выдумывающий эффектную развязку.

Ветер с силой толкнул их друг к другу. Она сказала:

— Неужели вам не надоело подвергать людей опасности? Ради чего? Ради игры в духе «Бойз оун пейпер»? [26]

— Вы ведь тоже играете в эту игру.

— Я не верю в нее, как верит Готорн. — Она добавила с яростью. — Лучше быть последним жуликом, чем дураком или желторотым птенцом. Зачем вам все это нужно? Разве вас не кормят ваши пылесосы?

— Нет. У меня есть Милли.

— А что бы с вами было, если бы не появился Готорн?

Он сделал слабую попытку отшутиться:

— Пришлось бы, наверно, жениться на богатой.

— А вы могли бы еще раз жениться? — Она твердо решила продолжать серьезный разговор.

— Право не знаю, — сказал он. — Ведь Милли не считала бы второй брак законным. А я не могу рисковать уважением дочери. А что, если нам пойти домой и посидеть у рации?

— Но вы же сами сказали, что не ждете никаких сообщений.

— Не раньше, чем через три часа, — уклончиво ответил он. — Вероятно, он будет радировать перед посадкой.

Как ни странно, ему и самому все это начинало действовать на нервы. Словно он и вправду ждал какой-то вести от взбудораженного ветром неба.

Она сказала:

— Вы даете мне слово, что ничего не подстроили?

Он промолчал, и они повернули назад к темному дворцу президента, где со времени последнего покушения президент уже больше не ночевал; навстречу им, опустив голову, чтобы спрятать лицо от брызг, шел доктор Гассельбахер. Он, видно, побывал в «Чудо-баре» и теперь брел домой.

— Доктор Гассельбахер! — окликнул его Уормолд.

Старик посмотрел на него. На миг Уормолду показалось, что он сейчас от них убежит.

— Что случилось, Гассельбахер?

— Ах, это вы, мистер Уормолд. А я как раз о вас думал. Легок черт на помине... — он пробовал шутить, но Уормолд готов был поклясться, что доктору и в самом деле померещилась нечистая сила.

— Вы знакомы с моим секретарем, миссис Северн?

— Как же, как же. День рождения Милли, сифон... Что это вы делаете тут так поздно, мистер Уормолд?

— Мы ходили ужинать... гуляли... А вы?

— Я тоже.

Из необъятного, беспокойного неба донесся судорожный рокот мотора; он усиливался, замирал, потом слился с шумом ветра и моря.

— Самолет из Сантьяго, — заметил Гассельбахер. — Но почему так поздно? В Орьенте, наверно, плохая погода.

— К вам кто-нибудь должен прийти? — спросил Уормолд.

— Нет. Нет. Надеюсь, никто не придет. А вы не заглянете ко мне с миссис Северн выпить по рюмке?

...Насилие похозяйничало в этих комнатах, но теперь картины висели на прежних местах, стулья из металлических трубок чопорно выстроились по стенам, как стеснительные гости. Квартира была обряжена, будто покойник в ожидании похорон. Доктор Гассельбахер разлил виски.

— Как хорошо, что мистер Уормолд завел себе секретаря, — сказал он. — А ведь помнится, еще недавно вы места себе не находили от беспокойства. Дела у вас шли неважно. Эта новая модель пылесоса...

— Все меняется.

Впервые он заметил фотографию молодого доктора Гассельбахера в офицерской форме времен первой мировой войны; может быть, эту карточку сорвали со стены громилы.

— Я не знал, что вы служили в армии, Гассельбахер.

— Когда началась война, я бросил свои занятия медициной. Показалось очень уж глупым лечить людей, чтобы их поскорее убили. Надо лечить, чтобы люди жили подольше.

— Когда вы уехали из Германии, доктор Гассельбахер? — спросила Беатриса.

— В тысяча девятьсот тридцать четвертом. Нет, я не повинен, в том, в чем вы меня подозреваете, моя юная дама.

— А я не это имела в виду.

— Тогда простите. Мистер Уормолд вам скажет: было время, когда я не знал, что такое подозрительность. Хотите послушать музыку?

Он поставил пластинку из «Тристана и Изольды». Уормолд подумал о жене, она теперь казалась ему еще менее реальной, чем испанский летчик. И не вызывала мыслей ни о любви, ни о смерти — только о «Вуменс хоум джорнэл» [27], обручальном кольце с бриллиантом и обезболивании родов. Он посмотрел в другой угол комнаты на Беатрису Северн, — а вот эта принадлежала к тому же миру, что и роковое любовное зелье, безотрадный путь из Ирландии, разлука в лесу. Вдруг доктор Гассельбахер поднялся и выдернул вилку из штепселя.

— Простите, — сказал он. — Я жду звонка. А музыка звучит слишком громко.

— Вызов к больному?

— Не совсем.

Он снова разлил виски.

— Вы возобновили ваши опыты, Гассельбахер?

— Нет. — Он безнадежно оглядел комнату. — Извините. У меня больше нет содовой воды.

— Я не разбавляю, — сказала Беатриса. Она подошла к книжным полкам. — Вы читаете что-нибудь, кроме медицинских книг, доктор Гассельбахер?

— Очень мало: Гейне, Гете. Все только немцев. А вы читаете по-немецки, миссис Северн?

— Нет. Но у вас есть и английские книги.

— Я получил их от одного пациента вместо гонорара. Но, кажется, даже не открывал. Вот ваш бокал, миссис Северн.

Она отошла от полок и взяла бокал.

— Это ваша родина, доктор Гассельбахер? — она разглядывала цветную литографию конца прошлого века, висевшую рядом с портретом молодого капитана Гассельбахера.

— Там я родился. Да. Это крошечный городок — старые крепостные стены, развалины замка...

— Я была в этом городе, — сказала Беатриса, — перед самой войной. С отцом. Ведь это рядом с Лейпцигом?

— Да, миссис Северн, — сказал Гассельбахер, уныло наблюдая за ней. — Это рядом с Лейпцигом.

— Надеюсь, русские его не тронули?

В передней раздался телефонный звонок. Доктор Гассельбахер неохотно поднялся.

— Извините, миссис Северн, — сказал он.

Выйдя в переднюю, он закрыл за собой дверь.

— В гостях хорошо, а дома лучше, — сказала Беатриса.

— Вы, может, хотите сообщить в Лондон? Но я его знаю пятнадцать лет, а здесь он живет уже больше двадцати. Это старый добряк, мой лучший друг...

Открылась дверь, и вернулся доктор Гассельбахер.

— Простите, — сказал он. — Я что-то неважно себя чувствую. Может быть, вы зайдете послушать музыку в другой раз.

Он тяжело опустился на стул, взял бокал и снова поставил его на место. На лбу его блестели капельки пота, но ведь и ночь была сегодня сырая.

— Неприятные новости? — спросил Уормолд.

— Да.

— Я чем-нибудь могу помочь?

— Вы!.. — сказал доктор Гассельбахер. — Нет. Вы мне помочь не можете. Ни вы, ни миссис Северн.

— Это больной?

Доктор Гассельбахер покачал головой. Он вынул носовой платок и вытер лоб.

— Кто же из нас теперь не больной? — сказал он.

— Мы, пожалуй, пойдём.

— Да, ступайте. Я был прав. Людей надо лечить, чтобы они жили подольше.

— Не понимаю.

— Неужели никогда люди не жили мирно? — спросил доктор Гассельбахер. — Простите меня. Говорят, что доктора привыкают к смерти. Но я, видно, плохой доктор.

— Кто-то умер?

— Несчастный случай. Обыкновенный несчастный случай. Всего-навсего несчастный случай. По дороге на аэродром разбилась машина. Один молодой человек... — И он вдруг закричал в бешенстве: — Ведь всегда происходят несчастные случаи. Повсюду. Вот и это, наверно, тоже несчастный случай. Он слишком любил выпить.

— А его случайно не звали Рауль? — спросила Беатриса.

— Да, — ответил доктор Гассельбахер. — Его звали Рауль.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Уормолд отпер дверь. Уличный фонарь напротив неясно освещал пылесосы, стоявшие вокруг, как могильные памятники. Он двинулся к лестнице. Беатриса прошептала:

— Стойте, стойте... Мне кажется, я слышу...

Это были первые слова, произнесенные после того, как они закрыли за собой дверь квартиры доктора Гассельбахера.

— В чем дело?

Она протянула руку и схватила с прилавка какой-то металлический предмет; держа его, как дубинку, она сказала:

— Я боюсь.

«Наверно, куда меньше, чем я», — подумал он. Оказывается, можно написать о человеке, а он вдруг возьмет и оживет. И как он будет жить? Интересно, узнал Шекспир о смерти Дункана где-нибудь в таверне или сначала кончил «Макбета», а потом услышал стук в дверь своей спальни?.. Уормолд стоял посреди магазина и тихонько напевал, чтобы себя подбодрить:

Они твердят, что круг — это круг,

И мое безрассудство их просто бесит...

— Тише, — сказала Беатриса. — Наверху кто-то ходит.

Ему казалось, что он боится только своих вымышленных героев, а не живого человека, у которого скрипят под ногами половицы. Он взбежал наверх, но дорогу ему преградила

какая-то тень. Ему хотелось закричать и покончить со всеми своими выдуманными агентами разом — и с Тересой, и с механиком, и с профессором, и с инженером.

— Почему ты так поздно? — послышался голос Милли. Это была всего-навсего Милли; она стояла в коридоре, между своей комнатой и уборной.

— Мы гуляли.

— Ты опять ее привел? — спросила Милли. — Зачем?

Беатриса, крадучись, поднялась по лестнице, держа импровизированную дубинку наготове.

— Руди спит?

— По-моему, нет.

Беатриса сказала:

— Если есть какие-нибудь новости, он вас ждет.

Ну, раз выдуманные люди были настолько живыми, что могли умереть, их уж во всяком случае хватит на то, чтобы послать радиogramму! Он открыл дверь в кабинет. Руди зашевелился.

— Есть новости, Руди?

— Нет.

Милли сказала:

— Вы прозевали самое интересное.

— Интересное?

— Полиция носилась, как оглашенная. Вы бы послушали, как редела сирена. Я думала, что это революция, и позвонила капитану Сегуре.

— Ну и что он сказал?

— Кто-то хотел кого-то убить, когда тот выходил из министерства внутренних дел. Наверно, думал, что это министр, но это был совсем не министр. Выстрелил из окна машины и был таков.

— А кто это был?

— Его еще не поймали.

— Да нет, кто был тот... в кого стреляли?

— Какой-то тип. Но он похож на министра. Где ты ужинал?

— В «Виктории».

— Фаршированного омара ел?

— Да.

— Я ужасно рада, что ты не похож на президента. Капитан Сегура говорит, что бедный господин Сифуэнтес так перепугался, что намочил в штаны, а потом напился в Загородном

клубе.

— Сифуэнтес?

— Да ты его знаешь — инженер.

— В него стреляли?

— Ну да, по ошибке.

— Давайте сядем, — сказала Беатриса. Она говорила за них обоих.

Он предложил:

— В столовой?..

— Я не хочу сидеть на жестком стуле. Мне надо что-нибудь мягкое. Может, мне захочется поплакать.

— Ну что ж, если вас не смущает, что это спальня... — предложил он неуверенно, поглядывая на Милли.

— Вы знакомы с господином Сифуэнтесом? — сочувственно спросила Милли у Беатрисы.

— Нет. Я только знаю, что у него брошка.

— Брошка? Какая брошка?

— Ваш отец говорил, что здесь так называют бельмо на глазу.

— Это он вам сказал? Бедный папа. Он всегда все путает.

— Послушай, Милли, а не лечь ли тебе спать?. Нам с Беатрисой надо еще поработать.

— Поработать?

— Ну да, поработать.

— Но сейчас уже поздно работать.

— Он платит мне сверхурочные, — сказала Беатриса.

— А что вы делаете? Учите все насчет пылесосов? — спросила Милли. — То, что вы держите в руке, называется пульверизатором.

— Да? Я схватила его на тот случай, если бы мне пришлось кого-нибудь стукнуть.

— Не подойдет, — сказала Милли. — У него выдвижная труба.

— Ну и что из этого?.

— Она может выдвинуться не туда, куда надо.

— Прощу тебя, Милли... — сказал Уормолд. — Уже скоро два.

— Не волнуйся. Я иду. И помолюсь за господина Сифуэнтеса. Это совсем не шутка, когда в тебя стреляют. Пуля пробила насквозь кирпичную стену. Подумай, что она могла бы сделать с бедным господином Сифуэнтесом!

— Помолитесь, пожалуйста, и о человеке по имени Рауль, — сказала Беатриса. — В него они попали.

Уормолд лег плашмя на кровать и закрыл глаза.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Ровно ничего. Это случайное совпадение. Иначе не может быть.

— Они показывают когти — эти... кто бы там они ни были.

— Но почему?

— Шпионаж — опасная профессия.

— Но ведь на самом деле Сифуэнтес не был... я хочу сказать, что он не такая уж важная птица.

— Зато им очень важно строительство в Орьенте. У ваших агентов провалы просто входят в привычку. Интересно, почему. Не предупредить ли вам, пока не поздно, профессора Санчеса и эту девушку.

— Какую девушку?

— Голую танцовщицу.

— Но как это сделать? — Не мог же он ей объяснить, что у него нет агентов, что он ни разу не видел ни Сифуэнтеса, ни профессора Санчеса, что ни Тересы, ни Рауля никогда не существовало на свете; Рауль ожил только для того, чтобы его убили.

— Как Милли назвала эту штуку?

— Пульверизатор.

— Где-то я видела что-то похожее.

— Наверняка. Они есть у большинства пылесосов. — Он взял пульверизатор у нее из рук. Он не мог припомнить, был ли пульверизатор на тех чертежах, которые он послал Готорну.

— Что мне теперь делать, Беатриса?

— По-моему, вашим людям лучше на время притаиться. Не здесь, конечно. У нас и так слишком тесно, да и небезопасно. А ваш главный механик — он не мог бы как-нибудь тайком взять их к себе на борт?

— Он в море, на пути в Сьенфуэгос.

— Впрочем, он, наверно, тоже провалился, — сказала она задумчиво. — Не понимаю, почему они дали нам вернуться домой.

— То есть как это «дали»?

— Им ничего не стоило застрелить нас на улице. А может, нас оставили как приманку. Но если рыба не клюет, приманку выбрасывают.

— В вас есть что-то зловещее.

— Ничуть. Мы с вами просто живем в мире, устроенном по «Бойз оун пейпер». И можете считать, что вам повезло.

— Почему?

— Могло ведь быть и по «Санди миррор» [28]. Современный мир подражает образцам, взятым из газет и журналов. Мой муж целиком вышел из «Энкаунтера» [29]. Нам надо решить, какую газету взяли за образец они.

— Они?

— Давайте предположим, что они сделаны по модели из все того же «Бойз оун пейпер». Чья это агентура: русская, немецкая, американская или чья-нибудь еще? Очень возможно, что кубинская. Ведь эти бетонные площадки строит правительство, правда? Бедный Рауль. Надеюсь, он умер сразу.

Ему хотелось ей все рассказать, но что «все»? Он уже и сам не знал. Рауля убили. Так сказал Гассельбахер.

— Начнем с «Шанхая», — сказала она. — Он открыт?

— Второе представление еще не кончилось.

— Если только полиция нас не опередила. Они не прибегали к помощи полиции, чтобы разделаться с Сифуэнтесом. Ну да, он слишком заметная фигура. Когда убиваешь, надо избегать скандала.

— Забавная мысль!

Беатриса погасила ночник и подошла к окну. Она спросила:

— У вас нет черного хода?

— Нет.

— Придется устроить, — сказала она небрежно, словно сама была архитектором. — А вы знаете негра, который хромает?

— Это, наверно, Джо.

— Что-то он слишком уж медленно ковыляет.

— Джо продает порнографические открытки. Идет домой, вот и все.

— Да, хромого не послали бы за вами следить. Но он может быть их связным. Все равно, придется рискнуть. Сегодня ночью они явно устраивают облаву. Ну, женщин и детей спасают в первую очередь, профессор может обождать.

— Но я ни разу не видел Тересу в театре. Она там, наверно, под каким-нибудь другим именем.

— Вы же ее узнаете, даже раздетую? Хотя раздетыми, пожалуй, нас так же трудно различать, как японцев.

— По-моему, вам не стоит туда ходить.

— Придется. Если одного из нас задержат, другой попытается улизнуть.

— Я не о том, меня смущает «Шанхай»... Это ведь не совсем похоже на «Бойз оун пейпер».

— И брак тоже на это не похож. Даже, если у вас муж из ЮНЕСКО.

«Шанхай» помещался в узеньком переулке, который выходил на улицу Занха, и был отгорожен барьером, выступавшим далеко на мостовую. Большой плакат рекламировал «Posiciones» [30], а билет неизвестно почему продавали снаружи, на тротуаре. Может быть, потому, что внутри не было места для кассы, так как фойе занимал порнографический книжный киоск для тех, кто жаждал развлечений и во время антракта. Сутенеры на улице с удивлением их разглядывали. Европейские женщины были здесь редкостью.

— Вот где тебя одолевает тоска по родине, — сказала Беатриса.

Все билеты стоили одинаково — одно песо двадцать пять сентаво, — и в большом зале оставалось не много пустых мест. Билетер, который проводил их на место, предложил Уормолду пачку порнографических открыток за одно песо. Когда Уормолд отказался, он вынул из кармана другой набор открыток.

— Купите, ведь вам хочется, — сказала Беатриса. — Если я вас смущаю, я отвернусь и буду смотреть на сцену.

— Там почти то же самое, что на открытках. Никакой разницы, — сказал Уормолд.

Служитель спросил, не желает ли дама сигарету с марихуаной.

— Nein, danke [31], — ответила Беатриса, забыв, на каком языке здесь надо разговаривать.

По обе стороны сцены висели объявления, в них рекламировались соседние притоны с красивыми девушками. Объявление, написанное по-испански и не очень грамотно по-английски, запрещало зрителям слишком ретиво приставать к танцовщицам.

— Которая из них Тереса? — спросила Беатриса.

— По-моему, та толстая, в маске, — наугад сказал Уормолд.

Толстуха как раз уходила со сцены, колыхнув своими крупными голыми ягодицами, а зрители хлопали и свистели. Потом потушили свет и опустили экран. Начали показывать фильм, поначалу довольно приличный. Там были велосипедист, какой-то лесистый пейзаж, лопнувшая шина, случайная встреча, господин, приподнимающий соломенное канотье; пленка рябила белыми искрами и была мутной.

Беатриса молчала. Глядя вдвоем на эту грубую схему любви, они вдруг почувствовали странную близость. Такие же движения означали когда-то для них обоих самое главное в жизни. Похоть и любовь проявляются одинаково; страсть не терпит подделки — не то, что чувство.

Зажгли свет. Они сидели молча.

— У меня во рту пересохло, — сказал Уормолд.

— И у меня совсем слюны не осталось. А нельзя сразу пойти за кулисы и поговорить с Тересой?

— После этого должен быть еще фильм, а потом снова выступят танцовщицы.

— Меня, пожалуй, не хватит еще на один фильм, — сказала Беатриса.

— Нас не пустят за кулисы, пока не кончится представление.

— Но мы ведь можем подождать на улице? По крайней мере узнаем, ходят ли за нами шпики.

Они вышли, как только начали показывать второй фильм. Кроме них, никто не поднялся с места, поэтому, если за ними и была слежка, шпик ждал их на улице; но среди сутенеров и шоферов такси не было никого чересчур подозрительного. Какой-то человек спал, прислонившись к фонарю; на шее у него висел сбившийся набок лотерейный номер. Уормолд вспомнил ночь, проведенную с доктором Гассельбахером. Ту ночь, когда он нашел новое применение «Шекспиру для детей» Лэма. Бедный Гассельбахер был тогда очень пьян. Уормолд вспомнил, как доктор, сгорбившись, сидел в вестибюле, когда он спустился из комнаты Готорна. Он спросил Беатрису:

— Скажите, легко разгадать книжный шифр, если вы знаете книгу?

— Специалисту не трудно, — сказала она. — Для этого нужно только терпение. — Она перешла улицу и поправила номер у продавца лотерейных билетов. Он не проснулся. — Неудобно читать наискось, — сказала она.

Где у него был тогда Лэм — под мышкой, в кармане или в портфеле? И куда он положил книгу, когда помогал доктору Гассельбахеру подняться? Он ничего не помнил, и это были недостойные подозрения.

— Какое странное совпадение! — сказала Беатриса. — Доктор Гассельбахер читает «Шекспира для детей» в том же самом издании.

Можно было подумать, что в ее специальную подготовку входило чтение мыслей.

— Вы видели книгу у него дома?

— Да.

— Но он бы ее спрятал, — заспорил Уормолд, — если бы это что-нибудь означало.

— А может, он хотел вас предостеречь. Помните, ведь это он нас привел к себе. Он нам сказал о Рауле.

— Он не мог знать, что нас встретит.

— Откуда вам это известно?

Ему хотелось возразить, что это какое-то безумие, что Рауль не существовал и Тереса не существовала, но он тут же представил себе, как она соберет вещи и уедет и все станет похоже на рассказ без развязки.

— Публика начинает выходить, — сказала Беатриса.

Они отыскивали боковой вход в большую артистическую уборную. Коридор был освещен лампочкой без колпачка, которая явно горела слишком много дней и ночей. Они с трудом протиснулись мимо мусорных ящиков и негра со щеткой, подметавшего куски ваты, перепачканные пудрой, помадой и еще чем-то весьма сомнительным; в воздухе пахло леденцами. Может быть, тут в конце концов и не окажется никакой Тересы — он жалел, что выбрал такую популярную святую. Он толкнул дверь, и перед ними открылось что-то похожее на средневековое изображение ада, полное дыма и голых женщин.

Он сказал Беатрисе:

— А не пойти ли вам лучше домой?.

— Это вам тут опасно, а не мне.

Никто не обратил на них никакого внимания. У толстухи с одного уха свисала маска, она пила вино, положив ногу на стул. Тощая девушка, у которой ребра торчали, как фортепьянные клавиши, натягивала чулки. Колыхались груди, сгибались спины, недокуренные сигареты дымили, в пепельницах; в воздухе висел густой запах жженой бумаги. На стремянке стоял мужчина с отверткой и что-то чинил.

— Она здесь? — спросила Беатриса.

— Кажется, нет. Может, больна или ушла с любовником.

Их обдало теплой струей воздуха: кто-то из женщин надевал платье. Пылинки пудры оседали, как пепел после пожара.

— Попробуйте окликнуть ее по имени.

Он нехотя позвал:

— Тереса!

Никто не отозвался. Он крикнул снова, и сверху на него поглядел человек с отверткой.

— Pasa algo? [32] — спросил он.

Уормолд сказал по-испански, что ищет девушку по имени Тереса. Человек высказал предположение, что Мария будет ничуть не хуже. Он ткнул отверткой в сторону толстухи.

— Что он говорит?

— Он, видно, не знает Тересы.

Человек с отверткой уселся на верхнюю ступеньку и стал произносить речь. Он заявил, что Мария — лучшая женщина в Гаване. Она весит сто килограммов в натуральном виде.

— Тересы здесь явно нет, — с облегчением сказал Уормолд.

— Тереса, Тереса... Что вам нужно от Тересы?

— Ну да, что вам от меня нужно? — спросила худенькая девушка, выступая вперед и вытягивая руку, в которой она все еще держала чулок. Ее маленькие груди были похожи на груши.

— Кто вы такая?.

— Soy Teresa [33].

Беатриса спросила:

— Это Тереса? Но вы сказали, что она толстая... такая, как та, с маской.

— Да нет же, — сказал Уормолд. — Это не Тереса. Это сестра Тересы. «Soy» — значит «сестра». Я предупрежу сестру.

Он взял худую девушку за руку, отошел с ней в сторонку и попытался объяснить ей по-испански, что ей надо соблюдать осторожность.

— Кто вы такой? Я ничего не понимаю.

— Произошла ошибка. Сейчас слишком долго рассказывать. Есть люди, которые могут вас

обидеть. Прошу вас, побудьте несколько дней дома. Не ходите в театр.

— Но я не могу. Я здесь встречаюсь с моими клиентами.

Уормолд вытащил пачку денег. Он сказал:

— У вас есть родные?

— У меня есть мать.

— Пойдите к ней.

— Но она живет в Сьенфуэгосе.

— Тут хватит денег на дорогу в Сьенфуэгос. — Теперь уже все прислушивались к их разговору. Женщины окружили их плотным кольцом. Человек с отверткой слез со стремянки. Уормолд увидел Беатрису; она старалась протиснуться поближе и разобрать, о чем идет разговор.

Человек с отверткой сказал:

— Это девушка Педро. Какое право вы имеете ее уводить? Надо сперва договориться с Педро.

— Я не хочу ехать в Сьенфуэгос, — сказала девушка.

— Там вы будете в безопасности.

Она взмолилась, повернувшись к человеку с отверткой.

— Он меня запугивает. Не пойму, чего он от меня хочет. — Она показала ему пачку песо: — Тут слишком много денег. — Она призвала в свидетели женщин: — Я девушка честная.

— Золото железо режет, — торжественно заявила толстуха.

— Где твой Педро? — спросил человек с отверткой.

— Он болен. За что этот тип дал мне столько денег? Я честная девушка. Вы знаете, моя цена — пятнадцать песо. Я не какая-нибудь мошенница.

— Хороша курочка перьями, а мясом еще лучше, — сказала толстуха. У нее, видно, на все случаи жизни были припасены пословицы.

— В чем дело? — спросила Беатриса.

Кто-то прошипел:

— Тс-с! Т-с-с-с! — Это был негр, подметавший коридор. Он сказал: — Policia [34].

— Ах ты, дьявол, — сказал Уормолд. — Все пропало... Надо хотя бы вас вызволить.

Никто, казалось, не был встревожен. Толстуха допила свое вино и надела трусики; девушка, которую звали Тересой, натянула второй чулок.

— Обо мне не беспокойтесь, — сказала Беатриса. — Попытайтесь ее как-нибудь отсюда сплавить.

— А что нужно полиции? — спросил Уормолд у человека на стремянке.

— Девочки, — сказал тот цинично.

— Я хочу увести вот эту, — сказал Уормолд. — Есть тут какой-нибудь черный ход?

— Когда речь идет о полиции, черный ход всегда найдется.

— Где?

— А пятьдесят песо не пожалеете?

— Нет.

— Дайте вон тому. Эй, Мигель! — подозвал он негра. — Скажи им, чтобы минутки на три они ослепли. Ну, кто желает угоститься свободой?

— Я предпочитаю полицейский участок, — заявила толстуха. — Но для этого надо одеться поприличнее.

Она натянула лифчик.

— Пойдемте со мной, — сказал Уормолд Тересе.

— С чего это я с вами пойду?

— Вы не понимаете — они ведь пришли за вами.

— Сомневаюсь, — сказал человек с отверткой. — Она чересчур худая. Но вы поторопитесь. Пятьдесят песо надолго не хватит.

— Натэ, возьмите мое пальто, — сказала Беатриса. Она накинула его на плечи девушке, на которой, правда, теперь уже было два чулка, но больше ничего.

Девушка сказала:

— Но я хочу остаться.

Мужчина шлепнул ее по заду и подтолкнул к двери.

— Ты же взяла деньги, — сказал он. — Ступай с ним.

Он выпроводил их в тесный, вонючий клозет, а оттуда через окно на улицу. Полицейский, стоявший на страже возле театра, демонстративно смотрел в другую сторону. Один из сутенеров свистнул и ткнул пальцем в машину Уормолда. Девушка сказала снова:

— Я хочу остаться, — но Беатриса толкнула ее на заднее сиденье и села рядом с ней. — Я буду кричать, — предупредила девушка и высунулась в окно.

— Не будьте душой, — сказала Беатриса, втаскивая ее обратно в машину.

Уормолд включил мотор.

Девушка крикнула, но больше из чувства долга. Полицейский отвернулся. Пятьдесят песо, видно, еще действовали. Они свернули направо и поехали по набережной. Ни одна машина их не преследовала. Все прошло очень гладко. Теперь, когда судьба ее была решена, девушка из скромности запахнула пальто и удобно откинулась на подушки. Она сказала:

— *Нау mucha corriente* [35].

— Что она говорит?

— Жалуется на сквозняк, — сказал Уормолд.

— Не очень-то благодарная девица. А где ее сестра?

— Уехала с директором почт и телеграфа в Сьенфуэгос. Я, конечно, мог бы ее отвезти и туда. К завтраку мы бы добрались. Но как быть с Милли?

— И не только с Милли. Вы забыли о профессоре Санчесе.

— Ей-богу, этот ваш профессор никуда не денется.

— Кто бы они ни были, но они не зевают.

— А почему я знаю, где живет профессор.

— Я знаю. Я нашла его адрес в списках Загородного клуба.

— Отвезите эту девушку и ждите меня дома.

Они выехали на Приморский бульвар.

— Сверните отсюда налево, — сказала Беатриса.

— Я завезу вас домой.

— Лучше всем держаться вместе.

— А Милли...

— Ее-то ведь нечего впутывать в это дело!

Уормолд нехотя свернул налево.

— Куда теперь?

— В Ведадо, — сказала Беатриса.

Впереди небоскребы нового города блестели в лунном свете, как сосульки. В небе было отпечатано «Г.Г.» — словно монограмма на карманах пижамы Готорна; но и эта монограмма не была королевской: она рекламировала мистера Гилтона. Ветер покачивал машину, морские брызги перелетали через дорогу и оседали на стекле автомобиля. У знойной ночи был соленый привкус. Уормолд свернул с набережной. Девушка сказала:

— *Nase demasiado calor* [36].

— А что она теперь говорит?

— Что ей слишком жарко.

— Капризная девица, — сказала Беатриса. — Пожалуй, опустите опять стекло.

— А если она заорет?

— Дайте ей по физиономии.

Они ехали по новому кварталу Ведадо, мимо белоснежных домов богачей. Чем богаче человек, тем меньше в доме этажей. Только миллионер мог построить себе одноэтажную

виллу на участке, где уместился бы небоскреб. Когда Беатриса опустила стекло, донесся запах цветов. Она остановила его возле калитки в высокой белой стене. Она сказала:

— Я вижу свет в патио. Пока все спокойно. Идите, я постерегу ваш драгоценный кусочек плоти.

— Этот Санчес, кажется, слишком богат для профессора.

— Ну, не слишком, если все-таки берет у вас деньги, как вы пишете в ваших отчетах.

Уормолд сказал:

— Обождите несколько минут. Не уезжайте.

— За кого вы меня принимаете? Но вы все-таки поторапливайтесь. Пока что они выбили только одного из трех, если не считать, конечно, прямого попадания.

Он толкнул кованую решетчатую калитку. Она не была заперта. Идиотское положение! Как он объяснит свой приход?

«Вы — мой агент, хотя этого и не подозреваете. Вам грозит опасность. Вы должны спрятаться». Он ведь даже не знал, какие науки преподает этот профессор.

Он прошел между двумя пальмами ко второй решетке, за ней виднелся небольшой патио, где горел свет. Тихонько играл патефон, и две высокие фигуры молча вертелись, прижавшись щекой к щеке. Когда он, прихрамывая, шел по дорожке, зазвенел звонок. Танцоры замерли, один из них двинулся к нему навстречу.

— Кто там?

— Профессор Санчес?

— Да.

Они встретились в той части патио, которая была освещена. На профессоре был белый фрак, волосы тоже были белые, небритый подбородок оброс белой щетиной, а в руке он держал пистолет, направленный прямо на Уормолда. Уормолд заметил, что женщина за его спиной очень молоденькая и очень хорошенькая. Она нагнулась и остановила патефон.

— Извините, что я беспокою вас в такой час, — сказал Уормолд.

Он понятия не имел, с чего начать, и чувствовал себя неуютно под наведенным на него дулом пистолета. Профессорам незачем носить оружие.

— Простите, но я что-то не припомню вашего лица.

Профессор разговаривал вежливо и целился Уормолду прямо в живот.

— Вы и не можете его помнить. Если у вас нет пылесоса.

— Пылесоса? Наверно, есть. А что? Это может знать только моя жена.

Молодая женщина подошла к ним, она была в чулках. Ее туфли стояли возле патефона, как две мышеловки.

— Что ему нужно? — спросила она неприветливо.

— Простите, что побеспокоил вас, сеньора Санчес.

— Объясни ему, что я вовсе не сеньора Санчес, — сказала молодая женщина.

— Он говорит, что имеет какое-то отношение к пылесосам, — сказал профессор. — Как ты думаешь, Мария перед отъездом могла...

— Но почему он пришел сюда ночью?

— Прошу извинить, — сказал профессор, слегка смутившись, — но это и в самом деле не совсем обычное время. — Он чуть-чуть отвел пистолет в сторону. — Ночью, как правило, не ждешь посетителей...

— Однако вы их как будто ждали.

— Ах, это... Ну, осторожность никогда не мешает. У меня несколько первоклассных картин Ренуара.

— Очень ему нужны твои картины. Его послала Мария. Вы шпион? — с яростью накинулась на Уормолда женщина.

— В известном смысле да.

Молодая женщина принялась стонать и бить себя кулаками по узким, стройным бедрам. Ее браслеты звенели и поблескивали в полутьме.

— Ну не надо, детка, умоляю тебя, не надо! Сейчас все разъяснится.

— Она завидует нашему счастью, — сказала молодая женщина. — Сначала подслала к нам кардинала, а теперь вот этого... Вы священник? — спросила она.

— Детка, ну какой же он священник! Посмотри, как он одет.

— Ты, может, и профессор сравнительной педагогики, — сказала молодая женщина, — но тебя обведет вокруг пальца кто хочет. Вы — священник? — повторила она.

— Нет.

— А кто же вы?

— Если говорить точно, я продаю пылесосы.

— Но вы сами сказали, что вы шпион!

— Ну да, конечно, в известном смысле...

— Зачем вы сюда пришли?

— Предупредить об опасности.

Из горла молодой женщины вырвался какой-то странный, протяжный вой.

— Видишь, — сказала она профессору, — она нам угрожает. Сперва прислала кардинала, а теперь этого...

— Кардинал старался выполнить свой христианский долг. Ведь он все-таки двоюродный брат Марии.

— Ты его боишься. Ты хочешь меня бросить.

— Детка, ты же знаешь, что это неправда. — Он спросил Уормолда: — А где Мария сейчас?

— Не знаю.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Но я ее никогда не видел!

— Ей-богу, вы как-то странно себе противоречите.

— Лживый пес! — сказала молодая женщина.

— Это еще не доказано, детка. Он, по-видимому, служит в каком-то агентстве. Нам лучше сесть и спокойно его выслушать. Кто сердится — тот всегда не прав. Он честно выполняет свой долг, чего нельзя сказать о нас с тобой.

Профессор повел их обоих в патио. Пистолет он спрятал в карман. Молодая женщина пропустила Уормолда вперед и замыкала шествие, как сторожевая собака. Уормолду казалось, что она вот-вот вцепится ему в лодыжку. Он подумал: «Надо сейчас же им все объяснить, потом у меня уже ничего не выйдет».

— Садитесь, — сказал профессор. «А что такое сравнительная педагогика?» — подумал Уормолд. — Хотите чего-нибудь выпить?

— Пожалуйста, не беспокойтесь.

— Вы не пьете при исполнении служебных обязанностей?

— Хорошенькая служба! — воскликнула молодая женщина. — Ты разговариваешь с ним так, будто он — человек. Кому он служит? Своим презренным хозяевам!

— Я пришел предупредить вас, что полиция...

— Бросьте, бросьте, адюльтер не карается законом, — сказал профессор. — Насколько мне известно, его почти нигде не квалифицируют как преступление, если не считать американских колоний в семнадцатом веке... И, конечно, Моисеева закона...

— При чем тут адюльтер? — сказала молодая женщина. — Она не возражала, когда ты со мной спал. Она не хочет, чтобы ты со мной жил.

— Ну, одно редко бывает без другого, если, конечно, не ссылаться на Новый завет, — сказал профессор. — На прелюбодеяние в помыслах.

— Выгони этого негодяя, бесчувственное ты существо! Сидим тут и разговариваем, будто давным-давно женаты. Если тебе нравится всю ночь сидеть и разговаривать, почему ты не остался с Марией?

— Детка, ведь это тебе захотелось потанцевать перед сном.

— И ты воображаешь, что это танцы?

— Но я тебе обещал, что буду брать уроки.

— Ну да, чтобы там, в школе, встречаться с девками!

Уормолду казалось, что разговор уводит их в сторону. Он сказал с отчаянием:

— Они стреляли в инженера Сифуэнтеса. Вам грозит такая же опасность.

— Если бы мне нужны были девушки, их сколько угодно в университете. Они ходят на все

мои лекции. Ты-то хорошо это знаешь, сама ходила.

— Ага, теперь ты меня попрекаешь!

— Мы отвлекаемся от темы, детка. А нам надо обсудить, что затеяла Мария.

— Зная тебя, ей надо было отказаться от мучной пищи еще два года назад, — позволила себе недостойный выпад молодая женщина. — Тебя ведь интересует только тело. стыдно в твои годы!

— Если ты не хочешь моей любви...

— Любовь! Любовь! — Молодая женщина зашагала по патио. Она рубила воздух рукой, словно четвертовала любовь.

Уормолд сказал:

— Но вам опасна вовсе не Мария!

— Ах ты, лживый пес! — завопила она. — Ты ведь уверял, что никогда ее не видел.

— Не видел.

— Тогда почему ты зовешь ее Марией? — закричала она и принялась выделять победные антраша с воображаемым партнером.

— Вы, кажется, упомянули господина Сифуэнтеса, молодой человек?

— В него сегодня стреляли.

— Кто?

— Точно не могу вам сказать, но все это часть одной и той же операции. Мне довольно трудно объяснить, но вам на самом деле грозит опасность, профессор Санчес. Это, конечно, ошибка. Но полиция устроила налет и на «Шанхай».

— А какое я имею отношение к «Шанхаю»?

— Ну да, какое? — мелодраматически взвизгнула молодая женщина. — О мужчины! Мужчины! Бедная Мария! Она думала, что ей довольно убрать с дороги одну женщину. Нет, ей придется устроить настоящий погром.

— Я никогда не ходил в «Шанхай».

— Марии лучше знать. Может, ты — лунатик и ходишь туда во сне.

— Ты же слышала, это ошибка. В конце концов стреляли ведь в Сифуэнтеса. Мария тут ни при чем.

— В Сифуэнтеса? Он сказал, в Сифуэнтеса? Ах ты, испанская дубина! Он только раз со мной заговорил, когда ты принимал душ, а ты нанимаешь убийц, чтобы с ним расправиться?

— Прошу тебя, детка, подумай, что ты говоришь. Я ведь услышал об этом только сейчас, когда этот господин...

— Какой он господин? Он лживый пес. — Круг беседы снова замкнулся.

— Если он лжет, нам нечего обращать на него внимание. Я уверен, что он клеветает и на

Марию.

— А-а, ты ее защищаешь!

Уормолд сказал с отчаянием — это была его последняя попытка:

— Все это не имеет никакого отношения к Марии, я хочу сказать — к сеньоре Санчес.

— Позвольте! А при чем тут еще и сеньора Санчес? — спросил профессор.

— Я думал... что вы думали... что Мария...

— Молодой человек, вы хотите меня уверить, что Мария затевает что-то и против моей супруги, а не только против... этой моей приятельницы? Какая чепуха!

До сих пор Уормолду казалось, что ошибку легко разъяснить. Но теперь он словно потянул за болтавшуюся ниточку — и пошло распускаться все вязание. Неужели это и есть сравнительная педагогика? Он сказал:

— Я думал оказать вам услугу, хотел вас предупредить, но, кажется, смерть будет для вас самым лучшим выходом.

— Вы любите загадывать загадки, молодой человек.

— Я — не молодой человек. А вот вы, профессор, по-видимому, слишком молоды. — Он так волновался, что подумал вслух: — Эх, если бы здесь была Беатриса!

Профессор поспешно заметил:

— Даю тебе честное слово, детка, что я не знаю никакой Беатрисы. Ну честное слово!

Молодая женщина захохотала с яростью тигрицы.

— Вы пришли сюда явно для того, чтобы нас поссорить, — сказал профессор. Это была первая высказанная им претензия, и, если говорить объективно, довольно скромная. — Не понимаю, чего вы добиваетесь, — сказал он, вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

— Он — чудовище! — воскликнула женщина. — Чудовище! Изверг! Сатир!

— Вы не понимаете...

— Знаю, знаю эту пошлость: «Понять — значит простить». Ну в данном случае это не подойдет. — Казалось, теперь она относилась к Уормолду менее враждебно. — Мария, я, Беатриса — я уж не говорю о его бедной жене... Я ничего не имею против его жены. У вас есть пистолет?

— Конечно, нет. Я ведь пришел сюда для того, чтобы вас спасти.

— Пусть стреляют. Пусть стреляют ему в живот, — сказала молодая женщина. — И пониже.

И она тоже с самым решительным видом вошла в дом.

Уормолду оставалось только уйти. Звонок снова тревожно зазвонил, когда он подходил к калитке, но в белом домике было тихо. «Я сделал все, что мог, — подумал Уормолд. — Профессор хорошо защищен от всякой опасности, а приход полиции, может, будет для него даже кстати. С полицией легче справиться, чем с этой молодой женщиной».

Возвращаясь назад сквозь аромат ночных цветов, Уормолд испытывал только одно желание — открыться во всем Беатрисе, рассказать, что он не шпион, а обманщик, что все эти люди не его агенты и он сам не понимает, что тут творится. «Я запутался. Я боюсь. Она-то уж найдет какой-нибудь выход: в конце концов она прошла специальную подготовку». Но Уормолд знал, что не сможет попросить ее о помощи. Ведь это значит отказаться от приданого для Милли. Пусть лучше его убьют, как Рауля. Интересно, выплачивают на этой работе пенсию детям? Но кто такой Рауль?

Не успел он дойти до второй калитки, как его окликнула Беатриса:

— Джим! Берегитесь! Не ходите сюда!

Даже в эту тревожную минуту он успел подумать: «Меня зовут Уормолд, мистер Уормолд, сеньор Вомель, никто не зовет меня Джимом». А потом побежал, подскакивая и припадая на одну ногу, туда, откуда слышался ее голос, вышел на улицу, прямо к машине с рупором, к трем полицейским и еще одному пистолету, нацеленному ему в живот. Беатриса стояла на тротуаре, девушка была с ней рядом и старалась запахнуть на себе пальто, фасон которого не был для этого приспособлен.

— Что случилось?

— Не понимаю ни слова.

Один из полицейских приказал ему сесть к ним в автомобиль.

— А что будет с моей машиной?

— Ее пригонят в полицию.

Они ощупали его карманы, нет ли у него оружия. Он сказал Беатрисе:

— Не знаю, в чем дело, но, кажется, моя звезда закатилась. — Офицер заговорил снова. — Он хочет, чтобы вы тоже сели с нами.

— Скажите, что я останусь с сестрой Тересы. Я им не доверяю.

Обе машины бесшумно катились между маленькими домиками миллионеров, стараясь никого не тревожить, словно кругом были больницы: богатым нужен покой. Ехать было недалеко: какой-то двор, захлопнулись ворота, и сразу запах полицейского участка — аммиачный запах всех зверинцев на свете. С выбеленных мелом стен коридора смотрели лица разыскиваемых преступников, похожие на подделки картин старых бородатых мастеров. В конце коридора была комната, где сидел капитан Сегура и играл в шашки.

— Уф! — сказал капитан и взял две шашки. Потом он поднял голову. — Мистер Уормолд! — воскликнул он с удивлением, но, заметив Беатрису, вскочил со стула, как маленькая, туго обтянутая зеленой кожей змея. Он бросил взгляд на стоявшую позади нее Тересу; пальто опять распахнулось, может быть, намеренно. Он сказал: — Кто это, господи прости?.. — а потом бросил полицейскому, с которым играл в шашки: — Anda! [37]

— Что все это значит, капитан Сегура?

— Вы спрашиваете меня, мистер Уормолд?

— Да.

— Я хочу, чтобы вы мне это объяснили. Вот уж не ожидал увидеть здесь вас — отца Милли. Мистер Уормолд, нам позвонил некто профессор Санчес и пожаловался, что какой-то

неизвестный вломился к нему в дом и ему угрожает. Профессор решил, что этот человек пришел за его картинами — у него очень ценная коллекция. Я сразу же послал полицейскую машину, и они почему-то схватили вас, вот эту сеньориту (мы с ней уже встречались) и голую проститутку. — И он добавил, совсем как тот полицейский сержант в Сантьяго: — Ай, как некрасиво, мистер Уормолд!

— Мы были в «Шанхае»...

— И это не очень красиво.

— Мне надоело выслушивать от полиции, что я поступаю некрасиво.

— Зачем вы ходили к профессору Санчесу?

— Да тут вышла одна дурацкая история.

— Как у вас в машине очутилась голая проститутка?

— Мы хотели ее подвезти.

— Она не имеет права разгуливать по улицам голая. — Полицейский перегнулся к нему через стол и что-то шепнул. — А-а, — сказал Сегура. — Теперь понятно. Сегодня в «Шанхае» была облава. Девушка, наверно, забыла свое удостоверение и не хотела сидеть до утра в участке. Она попросила вас...

— Нет, все это было не так.

— Лучше, если все будет так, мистер Уормолд. — Он сказал девушке по-испански: — Где твои бумаги? У тебя нет бумаг?

Она с негодованием запротестовала.

— Si, yo tengo [38].

Нагнувшись, она вытащила из чулка какие-то мятые бумажки. Капитан Сегура взял их и посмотрел. Он тяжело вздохнул:

— Ах, мистер Уормолд, мистер Уормолд, ее бумаги в полном порядке. Почему вы ездите по городу с голой девушкой? Почему вы врываетесь в дом профессора Санчеса, разговариваете с ним о его жене и угрожаете ему? Что вам до его жены? — Девушке он резко приказал: — Ступай!

Она призадумалась и стала снимать пальто.

— Лучше пусть она его оставит себе, — сказала Беатриса.

Капитан Сегура устало опустил на стул перед шашечницей.

— Мистер Уормолд, говорю вам для вашего же блага: не связывайтесь с женой профессора Санчеса. Это не такая женщина, с которой можно шутить.

— Да я с нею и не связывался...

— Вы играете в шашки, мистер Уормолд?

— Да. Но, к сожалению, не очень хорошо.

— И все же лучше, чем эти скоты, не сомневаюсь. Надо будет нам с вами как-нибудь

сразиться. Но игра в шашки требует осторожности, как и жена профессора Санчеса. — Он, не глядя, передвинул шашку и сказал: — Сегодня вечером вы были у доктора Гассельбахера.

— Да.

— Ну разве это разумно, мистер Уормолд? — Не поднимая головы, он передвигал по доске шашки, играя сам с собой.

— Разумно?

— Доктор Гассельбахер попал в странную компанию.

— Я ничего об этом не знаю.

— Почему вы послали ему из Сантьяго открытку, где было помечено крестом окно вашей комнаты?

— Сколько всякой ерунды вам докладывают, капитан Сегура!

— Я не зря интересуюсь вами, мистер Уормолд. Я не хочу, чтобы вы попали в грязную историю. Что вам сегодня рассказал доктор Гассельбахер? Имейте в виду, его телефон подключен.

— Он хотел сыграть нам пластинку из «Тристана».

— А может, рассказать вам об этом? — Капитан Сегура перевернул лицом вверх лежавшую у него на столе фотографию: ярко, как всегда на моментальных снимках, белели лица людей, толпившихся вокруг кучи истерзанного металла, бывшего когда-то автомобилем. — Или об этом? — Лицо молодого человека, не дрогнувшее даже от ослепительной вспышки магния; пустая коробка от папирос, смятая, как его жизнь; мужские ноги у самого его плеча.

— Вы знаете этого человека?

— Нет.

Капитан Сегура нажал на рычажок, и чей-то голос заговорил по-английски из ящика, стоявшего у него на столе:

— Алло! Алло! Говорит Гассельбахер.

— У вас кто-нибудь есть, Г-гассельбахер?

— Да, друзья.

— Какие друзья?

— Если вам необходимо это знать, у меня мистер Уормолд.

— Скажите ему, что Рауль погиб.

— Погиб? Но вы обещали...

— Не всегда можно предотвратить несчастный случай, Г-гассельбахер.

Голос чуть-чуть заикался на гортанных звуках.

— Но вы дали мне слово.

— Машина перевернулась лишний раз.

— Вы сказали, что только припугнете его.

— Вот мы его и припугнули. Ступайте и скажите ему, что Рауль погиб.

Шипение пленки продолжалось еще секунду; потом хлопнула дверь.

— И вы все еще утверждаете, что ничего не знали о Рауле? — спросил Сегура.

Уормолд поглядел на Беатрису. Она едва заметно помотала головой. Уормолд сказал:

— Даю вам честное слово, Сегура, что до сегодняшнего вечера я даже не знал, что он существует.

Сегура переставил шашку.

— Честное слово?

— Да, честное слово.

— Вы — отец Милли, приходится вам верить. Но держитесь подальше от голых женщин и жены профессора Санчеса. Покойной ночи, мистер Уормолд.

— Покойной ночи.

Они почти дошли до двери, когда Сегура сказал им вдогонку:

— А мы все-таки сыграем с вами в шашки, мистер Уормолд. Не забудьте.

Старый «хилмен» ждал их на улице. Уормолд сказал:

— Я отвезу вас к Милли.

— А сами вы не поедете домой?

— Сейчас уже поздно ложиться спать.

— Куда вы едете? Я не могу поехать с вами?

— Мне хочется, чтобы вы побыли с Милли, на всякий случай. Вы видели фотографии?

— Нет.

Они молчали до самой улицы Лампарилья. Там Беатриса сказала:

— Напрасно вы все-таки дали честное слово. Можно было без этого обойтись.

— Вы думаете?

— Ну, конечно, вы вели себя профессионально. Простите. Я сказала глупость. Но вы оказались куда профессиональнее, чем я думала.

Он отворил входную дверь и посмотрел ей вслед: она шла мимо пылесосов, как по кладбищу, словно только что кого-то похоронила.

2

У подъезда дома, в котором жил доктор Гассельбахер, он нажал звонок чьей-то квартиры на втором этаже, где горел свет. Послышалось гудение, и дверь открылась. Лифт стоял внизу, и Уормолд поднялся на тот этаж, где жил доктор. В эту ночь Гассельбахер, верно, тоже не мог

заснуть. В щели под дверью был виден свет. Интересно, он один или советуется с голосом, записанным на пленке?

Уормолд быстро усваивал правила конспирации и приемы своего неправдоподобного ремесла. На площадке было высокое окно, которое выходило на слишком узкий, никому не нужный балкончик. Оттуда Уормолду был виден свет в окнах доктора и без труда можно было перемахнуть на соседний балкон. Он перелез, стараясь не глядеть вниз, на мостовую. Шторы были неплотно задернуты. Он заглянул в просвет между ними.

Доктор Гассельбахер сидел к нему лицом; на нем были старая Pickelhaube [39], нагрудник, высокие сапоги и белые перчатки — старинная форма улана. Глаза у него были закрыты, казалось, он спал. На боку висела сабля, и он был похож на статиста, наряженного для киносъёмки. Уормолд постучал в окно. Доктор Гассельбахер открыл глаза и уставился прямо на него.

— Гассельбахер!

Доктор чуть-чуть пошевелился, может быть, от ужаса. Он хотел было скинуть с головы каску, но ремень под подбородком ему помешал.

— Это я, Уормолд.

Доктор опасливо подошел к окну. Лосины были ему слишком тесны. Их шили на молодого человека.

— Что вы тут делаете, мистер Уормолд?

— Что вы тут делаете, доктор Гассельбахер?

Доктор открыл окно и впустил Уормолда. Он очутился в спальне. Дверцы большого гардероба были распахнуты, там белели два костюма — точно последние зубы во рту старика. Гассельбахер принялся стягивать с рук перчатки.

— Вы были на маскараде, Гассельбахер?

Доктор Гассельбахер пристыженно пробормотал:

— Вы все равно не поймете. — Он начал постепенно разоблачаться: сначала снял перчатки, потом каску, потом нагрудник, в котором Уормолд и вся комната отражались и вытягивались, как в кривом зеркале. — Почему вы вернулись? Почему не позвонили, чтобы я вам открыл?

— Я хочу знать, кто был Рауль?

— Вы знаете.

— Понятия не имею.

Доктор Гассельбахер сел и начал стягивать сапоги.

— Вы поклонник «Шекспира для детей», доктор Гассельбахер?

— Мне дала книжку Милли. Разве вы не помните, как она мне о ней рассказывала?.. — У него был очень несчастный вид в обтягивающих брюшко лосинах. Уормолд заметил, что они лопнули по шву, чтобы вместить теперешнего Гассельбахера. Да, теперь он припомнил тот вечер в «Тропикане».

— Эта форма, — сказал Гассельбахер, — видно, нуждается в объяснении.

— Многое нуждается в объяснении.

— Я был офицером уланского полка — давно, сорок пять лет назад.

— Я помню вашу фотографию в той комнате. На ней вы одеты по-другому. Вид у вас там не такой... бутафорский.

— Это было уже после начала войны. Посмотрите вот тут, возле туалетного стола, — 1913 год, июньские маневры. Кайзер делал нам смотр. — На коричневом снимке, с клеймом фотографа, выбитом в углу, были изображены длинные шеренги кавалерии с обнаженными саблями и маленькая фигурка сухорукого императора, объезжающего строй на белом коне.

— Ах, как все было мирно в те дни, — сказал Гассельбахер.

— Мирно?

— Да, пока не началась война.

— Но вы ведь были врачом!

— Я вас обманул. Врачом я стал позже. Когда война кончилась. После того как я убил человека. Вы убиваете человека, — сказал доктор Гассельбахер, — и, оказывается, это очень просто; не нужно никакого умения. И вам ясно, что вы сделали, — ведь смерть установить легко; а вот спасти человека — для этого нужно потратить больше шести лет на учение, и в конце концов никогда не знаешь, ты его спас или нет. Бациллы пожирают друг друга. Человек возьмет да и выздоровеет. Не было ни одного больного, о котором я мог бы с уверенностью сказать, что спас его я, но что я убил человека, — это я знаю точно. Он был русский и очень худой. Кость хрустнула, как только я воткнул клинок. У меня даже зубы свело. Кругом было болото, одно болото, оно называлось Танненберг. Я ненавижу войну, мистер Уормолд.

— Тогда зачем же вы нарядились в солдатскую форму?

— Я не был таким нарядным, когда убивал человека. Этот мундир — мирный. Я его люблю. — Он прикоснулся к нагруднику, лежавшему рядом на кровати. — А там мы все были покрыты болотной грязью. — Он сказал: — Вам никогда не хотелось, мистер Уормолд, чтобы вернулась мирная жизнь? Ах да, забыл, вы же молодой человек, вы ее никогда не знали. Мирная жизнь кончилась для нас навсегда. Лосины больше не налезают.

— А почему вам сегодня захотелось... нарядиться в этот костюм, Гассельбахер?

— Умер человек.

— Рауль?

— Да.

— Вы его знали?

— Да.

— Расскажите мне о нем.

— Не хочется.

— Будет лучше, если вы расскажете.

— Мы оба виноваты в его смерти, вы и я; — сказал Гассельбахер. — Не знаю, кто вас втянул в это дело и как, но если бы я отказался им помогать, меня бы выслали. А что бы я теперь

стал делать в другом месте? Ведь я вам говорил, что у меня пропали бумаги.

— Какие бумаги?

— Неважно, какие. У кого из нас нет в прошлом чего-то такого, что не дает нам спать? Теперь я знаю, почему они вломились в мою квартиру. Потому, что я ваш друг. Прошу вас, уйдите, мистер Уормолд. Мало ли чего они от меня потребуют, если узнают, что вы здесь?

— А кто они такие?

— Вы знаете это лучше меня, мистер Уормолд. Они не говорят, как их зовут.

В соседней комнате послышался шорох.

— Это всего-навсего мышка, мистер Уормолд, На ночь я оставляю ей кусочек сыру.

— Значит, это Милли дала вам «Шекспира для детей»?

— Я рад, что вы изменили свой шифр, — сказал доктор Гассельбахер. — Может быть, теперь они оставят меня в покое. Больше я не смогу им помогать. Дело начинается с акrostихов, кроссвордов и математических загадок, а не успеешь опомниться, как тебя уже завербовали. В наши дни надо быть осторожным даже в забавах.

— Но Рауль... ведь его никогда не было на свете! Вы посоветовали мне лгать, и я лгал. Ведь все это было только выдумкой, Гассельбахер.

— А Сифуэнтес? Может, вы скажете, что и его нет на свете?

— Сифуэнтес — другое дело. А Рауля я выдумал.

— Тогда вы слишком хорошо его выдумали, мистер Уормолд. На него заведено целое дело.

— Он был таким же вымыслом, как герой из романа.

— Разве роман — это только вымысел? Я не знаю, как работает писатель, мистер Уормолд. До вас я не знал ни одного писателя.

— У кубинской авиакомпания не было летчика-пьяницы.

— Эту подробность вы придумали сами. Не знаю только, зачем.

— Если вы расшифровывали мои депеши, вы должны были видеть, что в них нет ни капли правды, вы же знаете этот город. И летчик, уволенный за пьянство, и приятель со своим собственным самолетом — все это выдумка.

— Не знаю, каковы были ваши мотивы, мистер Уормолд. Может быть, вы хотели скрыть личность этого человека на тот случай, если бы ваш шифр разгадали. Может быть, ваши друзья не должны были знать, что у него есть средства и собственный самолет, не то они не стали бы ему так много платить. Интересно, сколько из этих денег получил он, а сколько взяли себе вы?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы же читаете газеты, мистер Уормолд. Вы знаете, что у него отняли летные права еще месяц назад, когда в пьяном виде он приземлился на детской площадке.

— Я не читаю местных газет.

— И никогда их не читали?.. Конечно, он отрицал, что работает на вас. Они предлагали ему много денег за то, чтобы он вместо этого работал на них. Им тоже нужны фотографии тех площадок, которые вы обнаружили в горах Орьенте, мистер Уормолд.

— Там нет никаких площадок.

— Не злоупотребляйте моей доверчивостью, мистер Уормолд. В одной из ваших телеграмм вы говорили о чертежах, посланных в Лондон. Но этим тоже понадобились фотографии.

— Но вы не можете не знать, кто они такие.

— Cui bono? [40]

— И каковы их намерения на мой счет?

— Сначала они мне пообещали, что вас не тронут. Вы были им полезны. Они знали о вас с первого дня, мистер Уормолд, но не принимали вас всерьез. Они даже подозревали, что в ваших донесениях вы все выдумываете. Но потом вы изменили шифр и расширили штат. Английскую разведку не так-то легко надуть, не правда ли? — Какая-то лояльность по отношению к Готорну заставила Уормолда промолчать. — Ах, мистер Уормолд, мистер Уормолд, зачем вы впутались в это дело!

— Вы же знаете, зачем. Мне нужны были деньги. — Он почувствовал, что хватается за правду, как за соломинку.

— Я бы одолжил вам денег. Я вам предлагал.

— Мне было мало того, что вы могли мне предложить.

— Для Милли?

— Да.

— Берегите ее, мистер Уормолд. Вы занимаетесь таким ремеслом, что вам опасно любить кого или что бы то ни было. Они вас ударят по самому больному месту. Вы помните бактерии, которых я разводил?

— Да.

— Может, если бы они не отняли у меня вкуса к жизни, они бы меня так быстро не уговорили.

— Вы на самом деле думаете...

— Я только прошу вас быть поосторожнее.

— Можно от вас позвонить?

— Да.

Уормолд позвонил домой. Он не знал, почудилось ли ему или он и в самом деле услышал сухой щелчок, который означал, что телефон подключен. Подошла Беатриса. Он спросил:

— Все спокойно?

— Да.

— Не уходите, я скоро приду. С Милли все в порядке?

— Она давно спит.

— Я еду домой.

Доктор Гассельбахер сказал:

— Берегитесь, ваш голос вас выдает — они поймут, что вы любите. Мало ли кто мог это услышать? — Он медленно пошел к двери, тесные лосины мешали ему двигаться. — Спокойной ночи, мистер Уормолд. Вот вам «Шекспир для детей».

— Мне он больше не понадобится.

— Милли может о нем вспомнить. Сделайте одолжение, не говорите никому об этом... об этом... костюме. Я знаю, как это глупо, но мне было тогда хорошо. Как-то раз со мной разговаривал кайзер.

— Что он сказал?

— Он сказал: «Я вас помню. Вы — капитан Мюллер».

ИНТЕРМЕДИЯ В ЛОНДОНЕ

Когда у шефа бывали гости, он кормил их обедом дома и готовил его сам, ибо ни один ресторан не мог угодить его изысканному и романтическому вкусу. Рассказывали, что однажды, когда шеф заболел и не хотел подвести старого приятеля, которого пригласил на обед, он готовил его, лежа в постели, по телефону. Поставив часы на ночной столик, он прерывал беседу, чтобы в нужный момент приказать слуге:

— Алло, алло, Брюер, алло, выньте-ка цыпленка и полейте его еще раз жиром.

Поговаривали, что однажды, когда его допоздна задержали на службе и он захотел приготовить обед оттуда, вся еда была испорчена: шеф по ошибке воспользовался аппаратом особого назначения, и его слуга слышал только странные звуки, похожие на быстрое бормотание по-японски.

Обед, которым он угощал постоянного заместителя министра, был простой, но крайне изысканный: жаркое, чуть-чуть сдобренное чесночком. На буфете стоял уэнслидейлский сыр, а вокруг, в Олбэни, царила такая тишина, словно дом занесло снегом. От кухонных занятий и сам шеф пахивал подливкой.

— Отличное жаркое. Просто отличное.

— Старинный норфолкский рецепт — «Ипсвичское жаркое бабушки Браун».

— А мясо какое... Просто тает во рту...

— Я научил Брюера покупать продукты, но повар из него никогда не выйдет. За ним нужен глаз да глаз.

Они некоторое время ели в благоговейной тишине, которую только раз прервал стук женских каблучков на Роуп-уок.

— Хорошее вино, — произнес в конце концов постоянный заместитель министра.

— Пятьдесят пятого года, по-моему, в самый раз. А не слишком молодое?

— Не сказал бы.

За сыром шеф заговорил снова:

— Как насчет ноты русских, что думает министерство иностранных дел?

— Нас немножко озадачило упоминание о военно-морских базах в районе Карибского моря.

— Оба с хрустом жевали бисквиты. — Вряд ли речь идет о Багамских островах. Острова эти стоят не больше того, что янки нам за них заплатили, — несколько старых эсминцев. Мы-то всегда предполагали, что это строительство на Кубе дело рук коммунистов. Вы не думаете, что его все-таки затеяли американцы?

— Разве нам не сообщили бы об атом?

— Увы, поручиться не могу. После того самого дела Фукса. Они нас упрекают, что и мы кое о чем умалчиваем. А что говорит ваш человек в Гаване?

— Я потребую у него подробной оценки создавшегося положения. Как сыр?

— Грандиозный сыр.

— Налейте себе портвейна.

— «Кокбэрн» тридцать пятого года, верно?

— Двадцать седьмого.

— Вы верите, что они рано или поздно собираются воевать? — спросил шеф.

— И я, и вы можем только гадать об этом.

— Те, другие, что-то стали активны на Кубе, — по-видимому, не без помощи полиции. Нашему человеку в Гаване пришлось довольно туго. Как вы знаете, его лучший агент был убит; чистая случайность — он как раз ехал снимать секретные сооружения с воздуха... Большая потеря для нас. Но за эти фотографии я бы отдал куда больше, чем жизнь одного человека. Мы и заплатили за них тысячу пятьсот долларов. В другого нашего агента стреляли на улице, и теперь он страшно перепуган. Третий ушел в подполье. Есть там женщина, ее тоже допрашивали, хотя она любовница директора почт и телеграфа. Нашего резидента пока не трогают, может быть, для того, чтобы за ним следить. Ну, он-то ловкая бестия.

— А вам не кажется, что он допустил неосторожность, растеряв всю свою агентуру?

— Вначале без потерь не обойдешься. Они раскрыли его шифр. Я всегда относился с опаской к этим книжным шифрам. Там есть немец, по-видимому, самый крупный их агент и специалист по криптографии. Готорн предупреждал на его счет нашего человека, но вы ведь знаете, что за народ эти старые коммерсанты: они упрямы и, если уж кому-нибудь доверяют, их не разубедишь. Пожалуй, стоило потерять несколько человек, чтобы открыть ему глаза. Хотите сигару?

— Спасибо. А он сможет начать заново после этого провала?

— Он придумал трюк похитрее. Нащупал самое сердце в обороне противника. Завербовал двойника в управлении полиции.

— А вам не кажется, что эти двойники — вещь рискованная? Никогда не знаешь, кому достаются верхки, а кому — корешки.

— Я верю, что наш резидент сумеет фукнуть его, как надо, — сказал шеф. — Я говорю «фукнуть» потому, что оба они большие мастера играть в шашки. Игру там называют

«дамками». Кстати, это отличный предлог, чтобы встречаться.

— Вы и представить себе не можете, как нас тревожат их сооружения. Ах, если бы вам удалось заполучить фотографии до того, как ваш агент был убит. Премьер-министр требует, чтобы мы связались с янки и попросили их о помощи.

— Ни в коем случае! Как же можно полагаться на этих янки?

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

— Я у вас ее беру, — сказал капитан Сегура. Они встретились в Гаванском клубе. В Гаванском клубе, который вовсе не был клубом и принадлежал конкуренту «Баккарди» [41]; все коктейли с ромом подавались бесплатно, и это давало Уормолду возможность увеличить свои сбережения, ибо он, конечно, продолжал показывать в отчетах расходы на выпивку. (Что напитки подаются бесплатно, объяснить Лондону было бы невозможно или, во всяком случае, трудно.) Бар помещался в первом этаже дома семнадцатого века, и окна его глядели на собор, где когда-то лежало тело Христофора Колумба. Перед собором стояла серая каменная статуя Колумба, и вид у нее был такой, будто она столетия откладывалась под водой, как коралловый риф.

— А знаете, — сказал капитан Сегура, — было время, когда мне казалось, что вы меня недолюбливаете.

— С человеком играешь в шашки не только потому, что он тебе нравится.

— Да, не только, — сказал капитан Сегура. — Смотрите! Я прохожу в дамки.

— А я беру у вас три шашки.

— Вы, наверное, думаете, что я зевнул, но сейчас убедитесь, что ваш ход мне выгоден. Вот, смотрите, я бью вашу единственную дамку. Зачем вы ездили в Сантьяго, Санта-Клару и Сьенфуэгос две недели назад?.

— Я всегда туда езжу в это время года по своим торговым делам.

— Да, вид это имело такой, будто вы и в самом деле ездили по торговым делам. В Сьенфуэгосе вы остановились в новой гостинице, пообедали один в ресторане у моря. Сходили в кино и вернулись домой. На следующее утро...

— Неужели вы действительно думаете, что я — секретный агент?

— Начинаю в этом сомневаться. Наши друзья, видно, ошиблись.

— А кто они, эти «друзья»?

— Ну, скажем, друзья доктора Гассельбахера.

— Кто же они такие?

— Я по должности обязан знать, что творится в Гаване, — сказал капитан Сегура, — но отнюдь не обязан давать сведения и принимать чью-то сторону.

Его дамка разгуливала по всей доске.

— А разве на Кубе есть чем интересоваться иностранной разведке?

— Конечно, мы страна маленькая, но лежим очень близко от американского континента. И можем угрожать вашей базе на Ямайке. Если какую-нибудь страну окружают со всех сторон, как Россию, она старается пробить брешь.

— Но какую роль могу играть я... или доктор Гассельбахер... в мировой стратегии? Человек, который продает пылесосы. Или доктор, ушедший на покой.

— В каждой игре бывают не только дамки, но и простые шашки, — сказал капитан Сегура. — Вот, например, эта. Я ее бью, а вы отдаете без всякого огорчения. Ну, а доктор Гассельбахер все-таки хорошо решает кроссворды.

— При чем тут кроссворды?

— Из такого человека получается превосходный криптограф. Мне однажды показали вашу телеграмму с расшифровкой; вернее, дали возможность ее найти. Может быть, надеялись, что я вышлю вас с Кубы. — Он засмеялся. — Отца Милли! Как бы не так!

— Что это была за телеграмма?

— Вы там утверждали, будто вам удалось завербовать инженера Сифуэнтеса. Какая чушь! Я его хорошо знаю. Может, они для того и стреляли, чтобы телеграмма звучала правдоподобнее. А может, и состряпали телеграмму для того, чтобы от вас избавиться. А может, они просто люди куда более доверчивые, чем я.

— Какая странная история! — Уормолд передвинул шашку. — А почему вы так уверены, что Сифуэнтес не мой агент?

— Я вижу, как вы играете в шашки, мистер Уормолд, а кроме того, я допросил Сифуэнтеса.

— Вы его пытали?

Капитан Сегура расхохотался.

— Нет. Он не принадлежит к тому классу, который пытаются.

— Я не знал, что и в пытках есть классовые различия.

— Дорогой мой мистер Уормолд, вы же знаете, что есть люди, которые сами понимают, что их могут пытать, и люди, которые были бы глубоко возмущены, если б такая мысль кому-нибудь пришла в голову. Пытают всегда по молчаливому соглашению сторон.

— Но пытки пыткам рознь. Когда они разгромили лабораторию доктора Гассельбахера, это ведь тоже было пыткой...

— Мало ли что могут натворить дилетанты! Полиция тут ни при чем. Доктор Гассельбахер не принадлежит к классу пытаемых.

— А кто к нему принадлежит?

— Бедняки моей и любой латиноамериканской страны. Бедняки Центральной Европы и азиатского Востока. В ваших благополучных странах бедняков нет, и поэтому вы не подлежите пыткам. На Кубе полиция может измываться, как хочет, над эмигрантами из Латинской Америки и прибалтийских стран, но и пальцем не тронет приезжих из вашей страны или из Скандинавии. Такие вещи без слов понимают обе стороны. Католиков легче пытать, чем протестантов, да среди них и преступников больше. Вот видите, я был прав, что

вышел в дамки; теперь я бью вас в последний раз.

— Вы, по-моему, всегда выигрываете. А теория у вас любопытная.

Они оба выпили еще по одному бесплатному «дайкири», замороженному так сильно, что его приходилось пить по капельке.

— А как поживает Милли? — спросил капитан Сегура.

— Хорошо.

— Я очень люблю эту девочку. Она правильно воспитана.

— Рад, что вы так думаете.

— Вот поэтому мне бы и не хотелось, чтобы у вас были неприятности, мистер Уормолд. Нехорошо, если вас лишат вида на жительство. Гавана много потеряет, если расстанется с вашей дочерью.

— Вряд ли вы мне поверите, капитан, но Сифуэнтес не был моим агентом.

— Нет, почему же, я вам верю. Я думаю, что вами хотели воспользоваться для отвода глаз или же как манком — знаете, такая деревянная уточка, на которую приманивают диких уток.

— Он допил свой «дайкири». — Это мне на руку. Я сам люблю подстерегать диких уток, откуда бы они ни прилетали. Они презирают бедных туземных стрелков, но в один прекрасный день, когда они спокойно рассядутся, вот тогда я поохочусь вволю.

— Как все сложно в этом мире. Куда проще, по-моему, продавать пылесосы.

— Дела идут, надеюсь, хорошо?

— О да, спасибо.

— Я обратил внимание на то, что вы увеличили свой штат. У вас прелестный секретарь — та дама с сифоном, ее пальто никак не желало запахиваться, помните? И молодой человек.

— Мне нужен счетовод. На Лопеса положиться нельзя.

— Ах да, Лопес... Еще один ваш агент. — Капитан Сегура засмеялся. — Так, во всяком случае, мне было доложено.

— Ну да, он снабжает меня секретными сведениями о нашей полиции.

— Осторожнее, мистер Уормолд! Лопес принадлежит к тем, кого можно пытаться. — Оба они посмеялись, допивая свои «дайкири». В солнечный день легко смеяться над пытками. — Мне пора идти, мистер Уормолд.

— У вас, наверно, все камеры полны моих шпионов.

— Место еще для одного всегда найдется; на худой конец можно кое-кого пустить в расход.

— Я все же, капитан, как-нибудь обыграю вас в шашки.

— Сомневаюсь, мистер Уормолд.

Он видел в окно, как Сегура прошел мимо серой статуи Колумба, будто вырезанной из пемзы, и направился к себе в управление. Тогда Уормолд заказал еще одно даровое «дайкири». Гаванский клуб и капитан Сегура заменили «Чудо-бар» и доктора Гассельбахера — это была

перемена, с которой приходилось мириться. Назад ничего не вернешь. Доктора Гассельбахера унизили в его глазах, а дружба не терпит унижения. Он больше не видел доктора Гассельбахера. В этом клубе, как и в «Чудо-баре», он чувствовал себя гражданином Гаваны. Элегантный молодой человек, который подавал «дайкири», и не пытался всучить ему, словно какому-нибудь туристу, бутылку рома из тех, что стояли на стойке. Человек с седой бородой, как всегда в этот час, читал утреннюю газету; забежал почтальон, чтобы на пути проглотить бесплатную рюмку спиртного, — все они, как и он, были гражданами Гаваны. Четверо туристов весело вышли из бара с плетеными корзинками, в которых лежали бутылки рома; они покраснелись и тешили себя иллюзией, что напились даром. Он подумал: «Они иностранцы, их-то, конечно, не пытаются».

Уормолд слишком быстро выпил свой «дайкири», так что у него даже глаза заслезились; он вышел из клуба. Туристы, перегнувшись, заглядывали в колодец семнадцатого века; они побросали туда столько монет, что могли дважды заплатить за свои коктейли; зато они наворожили себе, что еще раз побывают в этих благословенных местах. Его окликнул женский голос и он увидел Беатрису, которая стояла между колоннами аркады, возле антикварной лавки, среди трещоток, бутылей из тыквы и негритянских божков.

— Что вы здесь делаете?

Она объяснила:

— Я всегда волнуюсь, когда вы встречаетесь с Сегурой. На этот раз мне хотелось удостовериться...

— В чем?

Может быть, она, наконец, стала подозревать, что у него нет никаких агентов? Может быть, она получила инструкции следить за ним — из Лондона или от 59200 из Кингстона? Они пошли домой пешком.

— В том, что это не ловушка и что вас не подстерегает полиция. С агентом-двойником не так-то легко иметь дело.

— Зря вы беспокоитесь.

— Вы слишком неопытны. Вспомните, что произошло с Раулем и Сифуэнтесом.

— Сифуэнтеса допрашивала полиция. — Уормолд добавил с облегчением: — Он провалился, теперь он нам больше не нужен.

— А как же вы тогда не провалились?

— Он ничего не выдал. Вопросы задавал капитан Сегура, а Сегура — один из наших. Мне кажется, что пора выплатить ему награды. Он сейчас составляет для нас полный список иностранных агентов в Гаване — и американских, и русских. «Дикие утки», как он их называет.

— Ну, это большое дело. А сооружения?

— С ними придется повременить. Я не могу заставить его действовать против своей страны.

Проходя мимо собора, он, как всегда, бросил монету слепому нищему, сидевшему на ступеньках. Беатриса сказала:

— На таком солнце жалеешь, что ты и сам не слепой.

В Уормолде проснулось вдохновение. Он сказал:

— Вы знаете, а он ведь на самом деле не слепой. Он все отлично видит.

— Ну, тогда он очень хороший актер. Я наблюдала за ним все время, пока вы были с Сегурой.

— А он следил за вами. Откровенно говоря, он — один из лучших моих осведомителей. Я всегда сажаю его здесь, когда иду на свидание с Сегурой. Простейшая предосторожность. Я совсем не так беззаботен, как вы думаете.

— Вы ничего не сообщали об этом в Лондон?

— Зачем? Вряд ли у них заведено досье на слепого нищего, а я не пользуюсь им для получения секретных сведений. Но если бы меня арестовали, вы узнали бы об этом через десять минут. Что бы вы стали делать?

— Сожгла бы все бумаги и отвезла Милли в посольство.

— А как насчет Руди?

— Велела бы ему радировать в Лондон, что мы сматываем удочки, а потом уйти в подполье.

— А как уходят в подполье? — Он и не пытался получить ответ. Он говорил медленно, давая волю своей фантазии. — Слепого зовут Мигель. Он служит мне из чувства благодарности. Видите ли, я когда-то спас ему жизнь.

— Каким образом?

— Да так, ерунда! Несчастный случаи на пароме. Просто оказалось, что я умею плавать, а он нет.

— Вам дали медаль?

Он быстро взглянул на нее, но прочел на ее лице только невинное любопытство.

— Нет. Славы я не сподобился. Если говорить по правде, меня даже оштрафовали за то, что вытащил его на берег в запрещенной зоне.

— Какая романтическая история! Ну, а теперь он, конечно, готов отдать за вас жизнь.

— Ну, это слишком...

— Скажите, есть у вас где-нибудь маленькая грошовая книжка в черном клеенчатом переплете для записи расходов?

— По-моему, нет. А что?

— Где вы когда-то записывали, сколько истрачено на перышки и резинки?

— Господи, зачем мне перышки?

— Да нет, я просто так спрашиваю.

— Записную книжку так дешево не купишь. А перышки — у кого же теперь нет автоматической ручки?

— Ладно, не будем об этом говорить. Это мне как-то рассказывал Генри. Ошибка.

— Какой Генри?

— 59200, — сказала она.

Уормолд почувствовал какую-то странную ревность, несмотря на правила конспирации, она только раз назвала его Джимом.

Когда они вошли, дома, как всегда, было пусто; он понял, что больше не скучает по Милли, и с грустью вздохнул: хотя бы одна любовь больше не причиняла ему боли.

— Руди ушел, — сказала Беатриса. — Наверно, покупает сладости. Он ест слишком много сладкого. Но, по-видимому, затрачивает уйму энергии, потому что совсем не толстеет. Но на что он ее тратит?

— Давайте поработаем. Надо послать телеграмму. Сегура сообщил мне ценные сведения относительно просачивания коммунистов в полицейские кадры. Вы даже не поверите...

— Я готова верить во что угодно. Смотрите. Я обнаружила в шифровальной книге очень забавную вещь. Вы знали, что есть специальное обозначение для слова «евнух»? Неужели оно так уж часто встречается в телеграммах?

— Наверно, нужно для Стамбульского отделения.

— Жаль, что оно нам ни к чему, правда?

— Вы когда-нибудь выйдете еще раз замуж?

— Ваши ассоциации иногда бывают слишком явными. Как вы думаете, у Руди есть по секрету от нас личная жизнь? Он не может тратить всю свою энергию в конторе.

— А существуют правила для личной жизни? Если вам хочется завести личную жизнь, надо спрашивать разрешения у Лондона?

— Что ж, конечно, лучше проверить досье, прежде чем зайдешь слишком далеко. Лондон не одобряет половых связей своих работников с посторонними.

2

— Видно, я становлюсь важной персоной, — сказал Уормолд. — Меня просят произнести речь.

— Где? — вежливо спросила Милли, отрываясь от «Ежегодника любительницы верховой езды».

Вечерело, рабочий день кончился, последние лучи золотили крыши, волосы Милли цвета меди и виски у него в стакане.

— На ежегодном обеде Европейского коммерческого общества. Меня просил выступить наш президент, доктор Браун, ведь я — старейший член общества. Почетным гостем у нас будет американский генеральный консул, — добавил он не без гордости.

Казалось, он совсем недавно поселился в Гаване и познакомился с девушкой, которая стала матерью Милли, — это было во «Флоридита-баре», она пришла туда со своими родителями. А теперь он был здесь самым старым коммерсантом. Многие ушли на покой; кое-кто уехал на родину, чтобы принять участие в последней войне, — англичане, немцы, французы; а его не взяли в армию из-за хромоты. Из тех, что уехали, никто уж не вернулся на Кубу.

— О чем ты будешь говорить?

— Ни о чем, — грустно ответил он. — Я не знаю, что сказать.

— Держу пари, что твоя речь была бы самая лучшая.

— Ну, что ты. Если я самый старый член общества, то и самый незаметный тоже. Экспортеры рома и сигар — вот они действительно важные птицы.

— Да, но ты — это ты.

— Жаль, что ты не выбрала себе отца поумнее.

— Капитан Сегура говорит, что ты неплохо играешь в шашки.

— Но не так хорошо, как он.

— Пожалуйста, согласись, папа, — сказала она. — Я бы так тобой гордилась!

— Я буду выглядеть там ужасно глупо.

— Ничего подобного. Ну, ради меня.

— Ради тебя я готов хоть на голове стоять. Ладно. Я скажу речь.

В дверь постучал Руди. В этот час он заканчивал прием радиogramм — в Лондоне была полночь. Он сказал:

— Срочное сообщение из Кингстона. Сходить за Беатрисой?

— Нет, я справлюсь сам. Она собиралась в кино.

— Кажется, дела идут бойко, — заметила Милли.

— Да.

— Но я не вижу, чтобы ты вообще продавал теперь пылесосы.

— У нас сделки по долгосрочным обязательствам, — сказал Уормолд.

Он пошел в спальню и расшифровал радиogramму. Она была от Готорна. Уормолду предлагалось первым же самолетом вылететь в Кингстон для доклада. Он подумал: наконец-то они все узнали.

Свидание было назначено в гостинице «Миртл-Бэнк». Уормолд много лет не был на Ямайке, и теперь его привели в ужас здешние грязь и жара. Чем объяснить убожество британских владений? Испанцы, французы, португальцы строили города, чтобы в них жить, англичане же предоставляли городам расти как попало. Самый нищий закоулок Гаваны был полон благородства по сравнению с барачным существованием Кингстона, его лачугами, сложенными из старых бидонов из-под горючего и крытыми кусками железа с кладбища автомобилей.

Готорн сидел в шезлонге на веранде «Миртл-Бэнка», потягивая через соломинку пунш. Одет он был так же безукоризненно, как и в тот раз, когда Уормолд увидел его впервые; единственным признаком того, что и он страдает от жары, был комочек пудры, засохшей под левым ухом. Он сказал:

— Садитесь за те же деньги.

Готорн не расстался со своим жаргоном.

— Спасибо.

— Как долетели?

— Спасибо, хорошо.

— Наверно, рады, что попали домой.

— Домой?

— Я хотел сказать — сюда; сможете отдохнуть от своих черномазых. Снова на британской земле.

Уормолд подумал об убогих хижинах вдоль набережной, о жалком старике, который спал, скорчившись в ненадежной полоске тени, о ребенке в лохмотьях, нянчившем выброшенную волнами чурку. Он сказал:

— Гавана не так уж плоха.

— Хотите пунша? «Плантаторский». Здесь он совсем недурен.

— Спасибо.

Готорн сказал:

— Случилась маленькая неприятность, вот я и попросил вас подъехать.

— Да?

Сейчас откроется правда. Могут они арестовать его, раз он на британской территории? Какое ему предъявят обвинение? Его, наверно, привлекут за вымогательство или припишут какое-нибудь совсем непонятное преступление, а дело заслушают in camera [42], по закону о разглашении государственной тайны.

— Речь идет об этих сооружениях.

Ему захотелось объяснить, что Беатриса тут ни при чем; у него не было никаких сообщников, кроме легковерия тех, кто его завербовал.

— А что? — спросил он.

— Надо во что бы то ни стало раздобыть фотографии.

— Я пытался. Вы же знаете, чем это кончилось.

— Да. Но чертежи не совсем ясны.

— Он — не чертежник.

— Поймите меня правильно, старина. Вы, конечно, сделали чудеса: но, знаете, был такой момент, когда я чуть было не начал вас... подозревать.

— В чем?

— Видите ли, некоторые из этих чертежей напомнили мне... Говоря откровенно, они мне напомнили части пылесоса.

— Да, я это тоже заметил.

— Ну, и тут я, понимаете ли, подумал обо всех этих штуковинах в вашем магазине...

— Вы что же, подозреваете, что я морочу голову нашей разведке?

— Теперь я и сам понимаю, что это чистый бред. А все-таки у меня гора с плеч свалилась, когда те решили вас убить.

— Убить?

— Ну да, ведь это доказывает подлинность чертежей.

— Кто «те»?

— Противники. Какое счастье, что я никому не говорил о своих дурацких подозрениях!

— Как они собираются меня убить?

— Об этом мы еще поговорим — они хотят вас отравить. Я вот что хочу сказать: теперь мы получили самое лучшее подтверждение всему, что вы нам сообщали. Не хватает только фотографий. Одно время мы попридержали чертежи, но теперь роздали их всем заинтересованным ведомствам. В Атомную комиссию тоже послали. Ну от них толку не добьешься. Заявили, что к ядерной энергии это отношения не имеет, и все тут. Но мы уж слишком на поводе у наших атомников и совершенно забыли, что могут быть другие, не менее опасные военные изобретения.

— Чем они собираются меня отравить?

— Поговорим сперва о деле, старина. Нельзя забывать об экономической стороне войны. Куба не может себе позволить производство водородных бомб, но что если они нашли такое же эффективное оружие ближнего действия, и к тому же дешевое? Вот в чем гвоздь — в дешевизне.

— Будьте любезны, скажите мне все-таки, как они собираются меня убить. Видите ли, у меня к этому вопросу чисто личный интерес.

— Ну конечно, я вам скажу. Просто мне хотелось сперва показать вам всю закулисную сторону и объяснить, как мы рады... поймите меня правильно, что ваши донесения подтвердились. Они собираются отравить вас на каком-то деловом обеде.

— Европейского коммерческого общества?

— Вот-вот, кажется так.

— Как вы это узнали?

— Мы проникли в их здешнюю организацию. Вы бы ахнули, если бы я вам порассказал, что там у вас происходит. Могу вам, например, сообщить, что дробь четыре погиб чисто случайно. Они просто хотели его припугнуть, как припугнули своим покушением дробь три. Вы первый, которого они всерьез решили убить.

— Какая честь.

— Знаете, в некотором роде это даже лестно. Показывает, что вы стали им опасны.

Вытягивая через соломинку остатки пунша из-под кубиков льда, ломтиков апельсина и ананаса, украшенных сверху вишней, Готорн громко причмокнул.

— Пожалуй, — сказал Уормолд, — мне лучше туда не ходить. — Он вдруг почувствовал какое-то разочарование. — А ведь за десять лет я не пропустил ни одного банкета. Меня даже речь там просили произнести. Фирма любит, чтобы я ходил на такие обеды. Она тогда считает, что я высоко несущу ее знамя.

— Вы непременно должны пойти.

— Для чего? Чтобы меня отравили?

— Да вас никто не заставляет там есть.

— А вы когда-нибудь пробовали пойти на банкет и ничего не есть? И пить-то ведь все равно придется.

— Не подсыпят же они яду в бутылку вина. Вы бы могли прикинуться алкоголиком, который ничего не ест, а только пьет.

— Спасибо. Репутация моей фирмы от этого сильно выиграет.

— А что? Все люди питают слабость к алкоголикам, — сказал Готорн. — И, кроме того, если вы не пойдете, они заподозрят что-то неладное. Вы можете провалить мой источник. А источники надо беречь.

— Это что, такое правило?

— Вот именно, старина. И еще одно соображение: мы знаем, в чем суть заговора, но не знаем заговорщиков; нам известны только клички. Если мы их раскроем, мы заставим полицию их посадить. Тогда и вся организация будет разгромлена.

— Ну да, убийца всегда рано или поздно попадетсЯ. Вскрытие наведет вас на след, и тогда вы заставите Сегуру действовать.

— Неужели вы трусили? Такая уж у нас опасная профессия. Не следовало за нее браться, если вы не были готовы...

— Ну, прямо спартанка из хрестоматии, да и только. Возвращайся, с победой или пади в бою.

— А знаете, это идея! В нужный момент вы можете свалиться под стол. Убийцы решат, что вы умерли, а остальные — что слишком много выпили.

— Член Европейского коммерческого общества не падает под стол.

— Никогда?

— Никогда. Но вам кажется, что я зря так встревожен?

— По-моему, волноваться пока нет оснований. В конце концов, всю еду вы берете себе сами!

— Верно. Но в «Насьонале» закуска всегда одна и та же — краб по-мавритански. А это кушанье раскладывают на тарелки заранее.

— Вот краба не ешьте. Мало ли кто не ест крабов. А когда гостей начнут обносить блюдами, не берите того, что лежит к вам всего ближе. Это как с фокусником, который подсовывает вам нужную ему карту. Не берите ее, и все тут.

— А фокуснику все-таки удастся всучить вам именно ту карту, которую он хочет.

— Вот что... вы говорили, кажется, что банкет будет в «Насьонале»?

— Да.

— Так почему бы вам не использовать дробь семь?

— А кто такой дробь семь?

— Вы что, не помните своих агентов? Да это же метрдотель в «Насьонале». Пусть он и позаботится, чтобы вам в тарелку ничего не подсыпали. Пора ему, наконец, отработать полученные деньги. Я что-то не помню, чтобы вы прислали от него хоть одно донесение.

— А вы не можете мне намекнуть, кто этот человек? Ну, тот кто собирается... — он запнулся на слове «убить», — собирается со мной это сделать?

— Не имею о нем ни малейшего представления, старина. Остерегайтесь всех подряд. Выпейте-ка еще пуншу.

В самолете, летевшем обратно на Кубу, было мало пассажиров. Какая-то испанка с целым выводком детей — одни принялись кричать, а других стало тошнить, как только самолет оторвался от земли. Негритянка с живым петухом, закутанная в шаль. Кубинский экспортер сигар, с которым Уормолд был шапочно знаком, я англичанин в толстом грубошерстном пиджаке, упорно куривший трубку, пока стюардесса не сделала ему замечание. Тогда он стал демонстративно сосать незажженную трубку, обливаясь потом. У него было сердитое лицо человека, уверенного, что он всегда прав.

Когда подали обед, он перебрался в хвост самолета и подсел к Уормолду.

— Не выношу эту писклявую мелюзгу, — сказал он. — Разрешите? — Он заглянул в бумаги, разложенные на коленях у Уормолда. — Вы служите у «Фастклинерс»?

— Да.

— А я у «Ньюклинерс». Моя фамилия Картер.

— Вот как!

— Это моя вторая поездка на Кубу. У вас, говорят, не скучают, — сказал он, продувая трубку и откладывая ее в сторону, перед тем как приняться за обед.

— Да, наверно, — ответил Уормолд, — если вы любите рулетку и публичные дома.

Картер погладил свой кисет, как гладят по голове собаку — «мой верный пес со мною неразлучен».

— Да я не совсем это имел в виду... хотя, конечно, я не пуританин. Наверно, это даже интересно. С волками жить — по-волчьи выть. — Он переменял тему. — Хорошо идут ваши машины?

— Торгуем помаленьку.

— Наша новая модель захватит весь рынок.

Он отправил в рот большой кусок розоватого пирожного, а потом отрезал кусочек цыпленка.

— Да ну?

— Работает, как садовая косилка. Дамочке не надо утомляться. И никаких шлангов, которые путаются под ногами.

— А как насчет шума?

— Специальный глушитель. Куда меньше шума, чем у вашего. Модель так и называется — «Женушка-щебетунья». — Проглотив черепаховый суп, он принялся за компот, с хрустом разжевывая виноградные косточки. — Скоро мы откроем свое агентство на Кубе. Вы знаете доктора Брауна?

— Встречал. В Европейском коммерческом обществе. Он наш президент. Импортирует точный инструмент из Женевы.

— Он самый. Дал нам очень полезный совет. Собственно говоря, я буду его гостем на вашем банкете. А кормят у вас прилично?

— Вы же знаете, чего стоят ресторанные обеды.

— Ну уж, во всяком случае, он будет лучше этого, — сказал Картер, выплевывая виноградную кожицу. Он не заметил спаржи в майонезе и теперь принялся за нее. Затем он порылся в кармане. — Вот моя карточка. — Карточка гласила: «Уильям Картер. Бакалавр технич. наук (Нотвич)», а в уголке значилось: «Ньюклинерс-лимитед». Он добавил: — Я остановлюсь на недельку в «Севил-Билтморе».

— Простите, у меня нет при себе карточки. Моя фамилия Уормолд.

— Вы знакомы с Дэвисом?

— Кажется, нет.

— Мы с ним жили в одной комнате в колледже. Устроился в фирме «Грипфикс» и живет где-то в ваших краях. Прямо смешно — ребят из Нотвича встречаешь повсюду. А вы сами случайно не у нас учились?

— Нет.

— Значит, в Ридинге?

— Я не учился в университете.

— Вот бы не сказал, — благодушно заметил Картер. — Знаете, я поступил бы в Оксфорд, но в технических науках они уж очень отстали. Для школьного учителя Оксфорд, пожалуй, еще годится. — Он снова стал сосать пустую трубку, как ребенок соску, пока из трубки не вырвался свист. Вдруг он проговорил таким тоном, словно на язык ему попал никотин: — Старомодная ерунда, живые мощи, чистый пережиток. Я бы их упразднил.

— Кого?

— Оксфорд и Кембридж.

На подносе не оставалось ничего съедобного, кроме булочки, — он взял ее и раскрошил, как время или плющ крошат камень.

Уормолд потерял Картера в таможне. У того вышли какие-то неприятности с образцом пылесоса «Ньюклинерс», а Уормолд не считал, что должен помогать представителю конкурирующей фирмы. Беатриса встретила Уормолда в «хилмене». Уже много лет его не встречала женщина.

— Все в порядке? — спросила она.

— Да. Конечно. Кажется, они мной довольны. — Он смотрел на ее руки, державшие руль; день был жаркий, и она не надела перчаток; руки были красивые и ловкие. — Вы сняли кольцо?

Она сказала:

— А я думала, никто не заметит. Но Милли тоже заметила. Какие вы оба наблюдательные!

— Вы его потеряли?

— Я сняла его вчера, когда мылась, и забыла надеть. А зачем носить кольцо, если о нем забываешь?

Тут он рассказал ей о банкете.

— Надеюсь, вы не пойдете? — спросила она.

— Готорн хочет, чтобы я пошел. Боится, что раскроют его источник.

— А ну его к дьяволу, его источник!

— Но есть причина посерьезнее. Помните, что сказал Гассельбахер? Они привыкли наносить удар по тому, что мы любим. Если я не приду, они изобретут что-нибудь другое. Что-нибудь похуже. А мы не будем знать, что именно. В следующий раз выбор может пасть не на меня — я ведь не так уж сильно себя люблю, — а на Милли. Или на вас.

Он и сам не понял, что сказал, пока она не высадила его у дома и не отъехала.

3

Милли сказала:

— Ты выпил только кофе и ничего в рот не взял, даже сухарика.

— Что-то не хочется.

— А потом пойдешь и наешься на банкете у своих коммерсантов, — будто не знаешь, что твой желудок не выносит краба по-мавритански!

— Даю тебе слово, я постараюсь не есть ничего лишнего.

— Лучше бы ты как следует позавтракал. Поешь пшеничных хлопьев — они впитывают весь алкоголь.

В этот день рядом с ней была дуэнья.

— Ну, ей-богу же, не могу. Мне не до еды. Не приставай. Нет у меня аппетита.

— Ты приготовил речь?

— Старался, но я ведь не оратор. Понятия не имею, почему они попросили меня.

Но его мучило, что теперь он, кажется, знает, почему. Кто внушил эту мысль доктору Брауну — вот что нужно было узнать любой ценой. Он подумал: «Но ведь цена — это я сам!»

— Пари держу, что ты произведешь там фурор!

— Ну нет, я сделаю все, чтобы не произвести там никакого фурора.

Милли ушла в школу, а он остался сидеть за столом. На картонной коробке с хлопьями «Уитбрикс», которые всегда покупала Милли, был напечатан отрывок из последних приключений Мальчика с пальчик. В коротком рассказике с картинками Мальчик с пальчик встретил крысу величиной с рослого сенбернара и обратил ее в бегство, прикинувшись кошкой и замаявав. Это была очень незамысловатая история. Вряд ли ее можно было рассматривать как ценное наизидание молодому поколению, вступающему в жизнь. За двенадцать купонов, вырезанных из таких коробок, фирма обещала духовое ружье. Коробка была почти пуста, и Уормолд принялся вырезать купон, аккуратно водя ножом по пунктирной линии. Он уже обрезал последний угол, когда в комнату вошла Беатриса. Она спросила:

— Чем это вы занимаетесь?

— По-моему, духовое ружье может пригодиться нам в конторе. Не хватает всего одиннадцати купонов.

— Я не спала всю ночь.

— Наверно, выпили слишком много кофе?

— Нет. Это из-за того, что вам сказал доктор Гассельбахер. Насчет Милли. Пожалуйста, не ходите на банкет.

— Ну, пойти-то я, во всяком случае, должен.

— Вы и так делаете достаточно. В Лондоне вами довольны. Я сужу по тону телеграмм. Что бы там ни говорил Генри, Лондон вовсе не захочет, чтобы вы шли на бессмысленный риск.

— Он прав, когда говорит, что если я не пойду, они попробуют что-нибудь другое.

— Не бойтесь за Милли. Я не спущу с нее глаз.

— А кто будет смотреть за вами?

— Я сама выбрала эту профессию. Вы за меня не отвечаете.

— Вы бывали уже в таких переделках?

— Нет. Но и начальника такого у меня еще не было. Вы словно ткнули палкой в осиное гнездо. Знаете, обычно наша работа — чистая канцелярщина: картотека и скучные телеграммы. Убийства — не наша область. И я не хочу, чтобы вас убивали. Понимаете, вы какой-то настоящий, а не персонаж из «Бойз оун пейпер». Ради бога, оставьте вы в покое эту дурацкую коробку и послушайте, что я вам говорю!

— Я читал про Мальчика с пальчик.

— Вот и оставайтесь с ним сегодня дома. А я пойду и куплю вам все предыдущие коробки этой серии, чтобы вы могли прочитать про него с самого начала.

— Готорн говорил здравые вещи. Мне только надо быть поосторожней с едой. Ведь и в самом деле важно установить, кто они такие. Тогда я по крайней мере отработаю полученные деньги.

— Вы и так сделали больше, чем нужно. Незачем вам ходить на этот проклятый банкет!

— Нет, есть за чем. Хотя бы из гордости.

— Перед кем вы хотите покрасоваться?

— Перед вами.

Он пробирался по холлу гостиницы «Насьональ» мимо витрин с итальянской обувью, датскими пепельницами, шведским стеклом и сиреневыми английскими фуфайками. Дверь в банкетный зал, где всегда заседало Европейское коммерческое общество, загораживал стул, на котором расположился доктор Гассельбахер — он явно кого-то поджидал. Уормолд замедлил шаг; он не видел доктора Гассельбахера с той самой ночи, когда тот сидел в мундире улана на кровати и вспоминал прошлое. Члены коммерческого общества, направлявшиеся в банкетный зал, останавливались и заговаривали с доктором Гассельбахером, но тот не обращал на них внимания.

Когда Уормолд поравнялся со стулом, на котором сидел доктор, тот сказал:

— Не ходите туда, мистер Уормолд.

Он говорил громко; слова его дрожали в загроможденном витринами холле, привлекая всеобщее внимание.

— Как поживаете, Гассельбахер?

— Я оказал: не ходите туда.

— Слышу!

— Они собираются вас убить, мистер Уормолд.

— Откуда вы знаете, Гассельбахер?

— Они хотят вас там отравить.

Кто-то из приглашенных остановился и стал смотреть на них с улыбкой. Один американец спросил:

— Да неужели тут так уж плохо кормят?

Все рассмеялись.

Уормолд сказал:

— Уйдите отсюда, Гассельбахер. На вас все смотрят.

— Вы все-таки пойдете?

— Конечно; я ведь один из ораторов.

— У вас есть Милли. Подумайте о ней.

— Не бойтесь за Милли. Я вернусь целым и невредимым, Гассельбахер. Ступайте.

— Хорошо, но я хотел вас удержать, — сказал доктор Гассельбахер. — Я буду ждать вашего звонка.

— Я позвоню вам из дому.

— Прощайте, Джим.

— Прощайте, доктор.

Уормолд оторопел, услышав, что доктор Гассельбахер назвал его Джимом. Он вспомнил, как не раз подумывал в шутку: только сидя у его смертного одра и отказавшись от всякой надежды, доктор Гассельбахер назовет его по имени. Его вдруг охватили страх, одиночество, тоска по родине.

— Уормолд, — произнес кто-то за его спиной.

Он обернулся. Перед ним стоял Картер из фирмы «Ньюклинерс», но для Уормолда в этот миг Картер был английской землей, и английской спесью, и английской пошлостью — всем тем родным и надежным, что заключалось в самом слове: Англия.

— Картер! — воскликнул он, словно Картер был тем человеком в Гаване, которого ему больше всего хотелось встретить; и в этот миг так оно и было.

— Чертовски рад вас видеть, — сказал Картер. — Не знаю здесь ни души. Даже моего... даже доктора Брауна.

Трубка и кисет оттопыривали его карман; он погладил их, словно надеясь обрести бодрость в этом привычном жесте, может быть, он тоже испытывал сейчас тоску по родине.

— Картер, познакомьтесь с доктором Гассельбахером, это мой старый друг.

— Здравствуйте, доктор. — Картер сказал Уормолду: — Искал вас вчера вечером по всему городу. Никак не могу попасть в те значные места, о которых вы говорили.

Они вместе вошли в банкетный зал. Трудно было объяснить, почему Уормолд испытывает такое доверие к своему соотечественнику, но с той стороны, с которой шагал Картер, он чувствовал себя в безопасности.

В честь генерального консула банкетный зал был украшен двумя большими флагами Соединенных Штатов, а маленькие бумажные флажки указывали, как в ресторане аэровокзала, места представителей различных стран. Во главе стола красовался швейцарский флажок — там должен был сидеть президент, доктор Браун; был тут даже флажок Монако — он стоял против места монакского консула, одного из крупнейших экспортеров сигар в Гаване. В знак уважения к августейшему бракосочетанию [43], его посадили справа от американского генерального консула. Когда Уормолд и Картер вошли в зал, гостям разносили коктейли, и к ним сразу же подошел официант. Показалось ли это Уормолду или же официант и в самом деле так повернул поднос, что последний оставшийся на нем «дайкири» оказался как раз под рукой у Уормолда?

— Нет. Не хочу, спасибо.

Картер протянул руку, но официант уже двинулся к служебному выходу.

— Может, вы предпочитаете сухой «мартини», сэр? — спросил чей-то голос.

Он повернулся. Это был метрдотель.

— Нет, нет, я не пью коньяк.

— Шотландское виски, сэр? Херес? «Дедушкин коктейль»? Что вам угодно?

— Я сегодня не пью, — сказал Уормолд.

Метрдотель отошел к другим гостям. Уормолд подозревал, что это его агент дробь семь; не странно ли, если по иронии судьбы он окажется и его убийцей? Уормолд оглянулся, но Картера уже не было: он отправился на поиски доктора Брауна.

— Пейте, что дают, — произнес чей-то голос с шотландским акцентом. — Моя фамилия Макдугал. Кажется, мы сидим рядом.

— Мы с вами, по-моему, прежде не встречались?

— Я принял дела от Макинтайра. Вы, конечно, знали Макинтайра?

— Ну да, еще бы.

Сплавив такую мелкую сошку, как Картер, швейцарцу, торговавшему часами, доктор Браун обходил теперь зал вместе с американским генеральным консулом, представляя ему самых важных гостей. Немцы держались обособленно; как и подобало, они сгруппировались у западной стены зала; они кичились мощью немецкой марки, как дуэлянты своими шрамами; национальное чванство, которое пережило даже Бельзен, питалось теперь высоким курсом западногерманской валюты. Интересно, не один ли из них выдал доктору Гассельбахеру тайну этого банкета, подумал Уормолд. Выдал? Так ли? С помощью шантажа они могли заставить доктора снабдить их каким-нибудь ядом. Ну что ж, ради старой дружбы он выбрал что-нибудь безболезненное, если только есть такой яд, который не причиняет боли.

— Вы меня послушайте, — говорил мистер Макдугал с неукротимой энергией шотландца, пляшущего джигу, — лучше выпить, не откладывая. Больше вы ничего не получите.

— Но вино, наверно, будет?

— Взгляните на стол. — Возле каждого прибора стояли маленькие бутылочки с молоком. — Разве вы не прочли в пригласительном билете? Это обед-ассорти, по-американски, в честь наших великих американских союзников.

— Ассорти?

— Приятель, неужели вы не знаете, что такое ассорти? Вам суют под нос всю еду сразу, и все на одной тарелке — жареную индейку, клюквенное варенье, сосиски, морковь, мелко настроганный картофель. Терпеть не могу картофель по-французски, но, когда подают ассорти, выбирать не приходится.

— Выбирать не приходится?

— Ешь, что дают. Это и есть демократия.

Доктор Браун пригласил гостей к столу. Уормолд надеялся, что их рассадят по национальностям и Картер окажется рядом, но слева от него сел незнакомый скандинав, который мрачно уставился на свою бутылочку в молоком. Уормолд подумал: «Ну и здорово же все подстроено! Ведь и до молока опасно дотрагиваться». А вокруг стола уже сновали официанты, разнося краба по-мавритански. Тут он с облегчением заметил, что Картер сидит напротив. Даже его вульгарность казалась сейчас Уормолду якорем спасения. На него можно было положиться, как можно положиться на английского полицейского, — ведь знаешь наперед каждую его мысль.

— Нет, — сказал Уормолд официанту, — краба я не хочу.

— И умно делаете, что не едите эту ерунду, — подхватил мистер Макдугал. — Я и сам не ем краба. Не идет под виски. А теперь, если вы отопьете немного воды со льдом и протянете мне под столом стакан, у меня найдется в кармане фляжка, которой хватит на нас двоих.

Уормолд протянул было руку к стакану, но тут его взяло сомнение. Кто такой этот Макдугал? Раньше он его никогда не видел, да и об отъезде Макинтайра он слышал впервые. Разве не могли они отравить воду в стакане, а то и виски в фляжке?

— Почему уехал Макинтайр? — спросил он, не выпуская из руки стакан.

— Да просто так, — оказал мистер Макдугал, — взял и уехал. Отпейте-ка воды. Не хотите же вы совсем утопить в ней виски. Это самое лучшее шотландское солодовое.

— Я не пью так рано. Спасибо.

— Правильно делаете, если не доверяете здешней воде, — как-то двусмысленно сказал мистер Макдугал. — Я и сам пью неразбавленное. Если не возражаете, мы оба будем пить из колпачка моей фляжки...

— Нет, право, нет. Днем я не пью.

— Это англичане, а не шотландцы выдумали особые часы, когда можно пить. Скоро они придумают часы, когда можно умирать.

Картер сказал ему через стол:

— А я вот выпить не прочь. Моя фамилия Картер.

И Уормолд с облегчением увидел, как Макдугал наливает виски Картеру; одно из его подозрений отпало — кому нужно травить Картера? А все-таки, подумал он, есть что-то подозрительное в том, как Макдугал хвастает своим шотландским происхождением. Тут пахивает подделкой, как от Оссиана [44].

— Свенсон, — резко провозгласил мрачный скандинав, прикрытый шведским флажком; впрочем, Уормолд только предполагал, что флажок шведский, — он никогда не мог с уверенностью отличить национальные цвета скандинавских стран.

— Уормолд, — представился он.

— Какого черта они расставили это молоко?

— Мне кажется, — сказал Уормолд, — доктор Браун слишком педантично соблюдает правила.

— Или смеется над ними, — сказал Картер.

— Не думаю, чтобы у доктора Брауна было так уж развито чувство юмора.

— А чем вы занимаетесь, мистер Уормолд? — спросил швед. — Кажется, мы с вами не встречались, хотя я вас и знаю в лицо.

— Пылесосами. А вы?

— Стеклом. Вы же знаете — шведское стекло лучшее в мире. Какой вкусный хлеб. Вы не едите хлеба?

Вся его беседа, вероятно, была приготовлена заранее, с помощью разговорника.

— Больше не ем. От него, говорят, толстеют.

— Я бы лично сказал, что вас подкормить не мешает. — Свенсон разразился мрачным хохотом, прозвучавшим как жалкая попытка оживить глухую полярную ночь. — Простите. Я

говорю о вас так, точно вы гусь.

В том конце стола, где сидел генеральный консул, начали разносить тарелки с ассорти. Макдугал ошибся насчет индейки — вместо нее подавали жареного цыпленка. Но его пророчество насчет сосисок, моркови и картофеля оправдалось. Доктор Браун немного отстал от своих гостей: он все еще ковырял краба по-мавритански. Видно, генеральный консул задержал его глубокомысленным разговором и загипнотизировал блеском толстых стекол своих очков. Двое официантов обходили стол: один собирал остатки краба, другой расставлял тарелки с ассорти. Только генеральный консул решился откупорить свое молоко. Слово «Даллес» уныло донеслось в дальний конец стола, где сидел Уормолд. Подошел официант с двумя тарелками; одну он поставил перед скандинавом, другую перед Уормолдом. Тому пришло в голову, что вся эта история с покушением может оказаться глупым розыгрышем. Вдруг Готорн — просто шутник, а что касается доктора Гассельбахера... Он вспомнил, как Милли спросила, морочил ли ему когда-нибудь голову доктор Гассельбахер. Иногда легче поставить жизнь на карту, чем выставить себя на посмешище. Ему захотелось довериться Картеру и услышать его трезвый совет, но, взглянув на свою тарелку, он заметил нечто странное. На ней не было моркови. Он поторопился сказать:

— Вы, кажется, не любите моркови? — И подсунул тарелку Макдугалу.

— Нет, я не люблю картофеля по-французски, — поправил его Макдугал и передал тарелку дальше, люксембургскому консулу.

Люксембургский консул, поглощенный беседой с сидевшим против него немцем, рассеянно передал тарелку соседу. Такая же вежливость одолела всех, кого еще не обслужили, и тарелка быстро доплыла к доктору Брауну, у которого в эту минуту забирали остатки краба. Увидев, что происходит, метрдотель погнался вдоль стола за тарелкой, но она далеко его опередила. Уормолд остановил официанта, вернувшегося с новыми порциями ассорти, и взял одну из них. Вид у официанта был смущенный. Уормолд принялся есть с аппетитом.

— Отличная морковка, — сказал он.

Метрдотель вертелся возле доктора Брауна.

— Извините, доктор Браун, — сказал он, — вам не положили моркови.

— Я не люблю морковь, — ответил доктор Браун, отрезая кусочек цыпленка.

— Простите, — сказал метрдотель, выхватив у доктора Брауна тарелку. — Ошибка кухни.

С тарелкой в руках, словно церковный служка с блюдом для пожертвований, он шествовал через зал к служебному выходу. Макдугал потягивал свое виски.

— Пожалуй, теперь рискну и я выпить глоточек, — сказал Уормолд. — Ради праздника.

— Вот молодец! С водой или чистого?

— Можно мне взять вашу воду? В мою попала муха.

— Конечно.

Уормолд отпил из стакана две трети и протянул его Макдугалу. Тот великодушно плеснул ему двойную порцию виски из своей фляжки.

— Пейте, я вам потом долью. Вы от нас отстали, — сказал он.

Уормолд снова ощущал под ногами твердую почву доверия. Он почувствовал какую-то

нежность к соседу, которого несправедливо заподозрил.

— Нам с вами надо будет увидаться еще, — сказал он.

— Какая польза была бы от банкетов, если бы они не сближали людей друг с другом?

— Да, не будь этого банкета, я не встретил бы ни вас, ни Картера.

Все трое выпили снова.

— Вы оба должны познакомиться с моей дочерью, — сказал Уормолд; от виски у него потеплело на сердце.

— Как идут дела?

— Не так уж плохо. Расширяем штат.

Доктор Браун постучал по столу, призывая к тишине.

— Надеюсь, — громко оказал Картер своим неукротимым нотвичским голосом, согревавшим сердце не хуже виски, — надеюсь, что к тостам они подадут спиртное.

— Не надейтесь, дружище, — сказал Макдугал, — будут речи, а не тосты. И придется слушать этих ублюдков без капли алкоголя.

— Я один из этих ублюдков, — сказал Уормолд.

— Вы будете говорить речь?

— В качестве старейшего члена нашего общества.

— Очень рад, что вы дожили до этой минуты, — сказал Макдугал.

Доктор Браун предоставил слово американскому генеральному консулу, и тот начал свою речь. Он говорил о духовных узах, связывающих демократические страны, — видно, он причислял к ним и Кубу. Торговля важна постольку, поскольку без нее нет и духовных уз, а может быть, и наоборот. Он говорил об американской помощи слаборазвитым странам, которая позволит им покупать больше товаров, а покупая больше товаров, — крепить духовные узы... Где-то в недрах гостиницы скулила собака, и метрдотель жестом приказал закрыть дверь... Американскому генеральному консулу доставило истинное удовольствие приглашение на сегодняшний обед, где он получил возможность встретить ведущих деятелей европейской торговли и таким образом укрепить духовные узы... Уормолду еще два раза подливали виски.

— А теперь, — сказал доктор Браун, — я хочу предоставить слово старейшему члену нашего общества. Речь идет, конечно, не о его возрасте, а о долгих годах, которые он прослужил на благо европейской торговли в этом прекрасном городе, господин министр, — он поклонился другому своему соседу, смуглому косоглазому человеку, — где мы имеем честь и счастье быть вашими гостями. Вы все знаете, что я говорю о мистере Уормолде. — Он поспешно заглянул в бумажку. — О мистере Джеймсе Уормолде, гаванском представителе фирмы «Фастклинерс».

Макдугал заметил:

— Мы прикончили фляжку. Вот обида. Как раз, когда вам нужно выпить для храбрости.

Картер сказал:

— Я ехал сюда тоже не с пустыми руками, но выпил почти все в самолете. В моей фляжке остался только один стаканчик.

— Сам бог велел отдать все, что у вас есть, нашему приятелю, — сказал Макдугал. — Ему это сейчас нужнее, чем нам.

А доктор Браун продолжал:

— Мистер Уормолд — символ безупречного служения своему делу, символ скромности, спокойствия, упорства и работоспособности. Враги наши часто рисуют коммерсанта горластым наглецом, который любыми средствами старается всучить бесполезный, никчемный, а то и вредный товар. Такое представление не имеет ничего общего с действительностью...

Уормолд сказал:

— Вот спасибо. Картер. Глоточек мне сейчас совсем не повредит.

— Не привыкли говорить речи?

— Да дело не только в этом.

Он перегнулся через стол к ничем не примечательному лицу нотвичского обывателя; сейчас на этом лице будет написано желание его успокоить и веселое недоверие человека, с которым ничего подобного никогда не случалось; да. Картер был поистине якорем спасения.

— Вы, конечно, — начал Уормолд, — не поверите ни единому моему слову... — но он и не хотел, чтобы Картер ему поверил; он хотел научиться у него неверию. Что-то ткнуло его в ногу, и, взглянув вниз, он увидел черную мордочку таксы с длинными ушами, похожими на локоны, — она выпрашивала подачку; видно, собака незаметно для официантов проскользнула через служебную дверь и спряталась под столом.

Картер пододвинул Уормолду небольшую фляжку.

— На двоих здесь не хватит. Пейте все.

— Большое спасибо. Картер.

Он отвинтил колпачок и вылил в свой стакан содержимое фляжки.

— Самый обыкновенный «Джонни Уокер» [45]. Без всяких выдумок.

Доктор Браун говорил:

— Если кто-нибудь может рассказать от имени всех собравшихся о долгих годах терпеливого служения коммерсанта на благо общества — это, безусловно, мистер Уормолд, и я предоставляю ему слово.

Картер подмигнул и поднял воображаемый бокал.

— Г-глотаите скорей, — сказал он, — промочите г-горло.

Уормолд поставил виски на стол.

— Как вы сказали. Картер?

— Я сказал, пейте быстрее.

— Нет, вы не то сказали, Картер.

Как он раньше не заметил этого легкого заикания на гортанных звуках? Может быть. Картер, зная за собой этот недостаток, нарочно избегал слов, которые начинались на «г», и выдавал себя лишь в те минуты, когда им владели надежда или гнев?

— В чем дело, Уормолд?

Уормолд опустил руку под стол, чтобы погладить собаку, и, словно ненароком, сбросил на пол стакан.

— А вы притворялись, будто не знаете доктора!

— Какого доктора?

— Вы зовете его Г-гассельбахер.

— Мистер Уормолд! — снова провозгласил на весь зал доктор Браун.

Уормолд неуверенно поднялся на ноги. Не получив ничего более вкусного, собака лакала пролитое виски.

Уормолд сказал:

— Спасибо, что вы предоставили мне слово, какими бы мотивами вы ни руководствовались.

— Послышался вежливый смешок, это его удивило — он не собирался шутить. — Это мое первое публичное выступление, а в какую-то минуту было похоже на то, что оно станет и моим последним.

Он поймал взгляд Картера. Картер нахмурился. Уормолд испытывал ощущение какой-то неловкости за то, что остался жив, — словно напился в обществе. Может, он и в самом деле пьян. Он сказал:

— Не знаю, есть ли у меня здесь друзья. Но враги есть безусловно.

Кто-то произнес: «позор», а несколько человек рассмеялись. Если так будет продолжаться, он еще прослышет остряком.

— В наши дни всем прямо уши прожужжали о холодной войне, но всякий коммерсант вам скажет, что война между двумя промышленными фирмами может быть очень горячей. Возьмите фирмы «Фастклинерс» и «Ньюклинерс». Между их пылесосами не больше разницы, чем между русским, немцем или англичанином. Не было бы ни конкуренции, ни войны, если бы не аппетиты кучки людей в этих фирмах, это они — зачинщики конкуренции и вражды, это они заставляют мистера Картера и меня хватать друг друга за глотку.

Теперь уже никто не смеялся. Доктор Браун шептал что-то на ухо генеральному консулу. Уормолд поднял фляжку Картера и сказал:

— Мистер Картер, наверно, даже не знает имени человека, пославшего его отравить меня на благо своей фирмы.

Снова раздался смех, в нем звучало облегчение.

— Побольше бы нам такого яду, — сказал Макдугал.

И вдруг раздался собачий визг. Такса покинула свое убежище и метнулась к служебному выходу.

— Макс! — закричал метрдотель. — Макс!

Наступила тишина, потом кто-то неуверенно захихикал. Собака едва перебирала ногами. Она визжала и старалась укунить себя за грудь. Метрдотель настиг ее у двери и хотел схватить, но она взвыла, точно от боли, и вырвалась у него из рук.

— Ключнула лишнего, — неуверенно сказал Макдугал.

— Простите, доктор Браун, — сказал Уормолд. — Представление окончено.

Он поспешил за метрдотелем через служебный выход.

— Стойте!

— Что вам угодно?

— Я хочу знать, куда девалась моя тарелка.

— Что вы, сэр? Какая тарелка?

— Вы очень беспокоились, чтобы моя тарелка не досталась кому-нибудь другому.

— Не понимаю.

— Вы знали, что еда была отравлена?

— Вы хотите сказать, сэр, что пицца была несвежая?

— Я хочу сказать, что еда была отравлена, а вы изо всех сил старались спасти жизнь доктору Брауну. Но отнюдь не мне.

— Простите, сэр, я не понимаю. Я занят. Извините.

По длинному коридору, который вел на кухню, несся собачий вой — негромкий, отчаянный вой, прерывавшийся пронзительным визгом. Метрдотель крикнул: «Макс!» — и побежал по коридору совсем по-человечески. Он распахнул дверь на кухню.

— Макс!

Такса, скорчившись, лежала под столом; она подняла грустную морду и через силу поползла к метрдотелю. Человек в поварском колпаке сказал:

— Он ничего здесь не ел. Ту тарелку мы выбросили.

Собака свалилась у ног метрдотеля, как груды требухи.

Метрдотель опустился рядом с ней на колени. Он повторял: «Max, mein Kind. Mein Kind» [46]. Черное тело на полу выглядело продолжением его черного фрака; собака не была плотью от плоти его, но они вполне могли быть выкроены из одного куска сукна. Вокруг теснилась кухонная прислуга.

Черный тубик вздрогнул, и из него, как зубная паста, полез розовый язык. Метрдотель погладил собаку и поднял взгляд на Уормолда. Глаза, в которых блестели слезы, укоряли его в том, что он стоит здесь живой, а собака околела; в душе Уормолда шевельнулось желание извиниться, но он повернулся и вышел. Дойдя до конца коридора, он бросил взгляд назад — черная фигура стояла на коленях возле черной собаки, над ними, весь в белом, склонился шеф-повар, а рядом, словно плакальщики возле свежей могилы, застыла кухонная прислуга; они держали мочалки, кастрюли и тарелки, точно венки. «Моя смерть, — подумал он, — была

бы куда менее торжественной».

— Я вернулся, — сказал он Беатрисе. — И не пал в бою. Я вернулся победителем. Пала собака.

4

Капитан Сегура сказал:

— Хорошо, что вы одни. У вас ведь никого нет?

— Ни души.

— Надеюсь, вы не возражаете? Я поставил двоих полицейских у двери, чтобы нам не помешали.

— Как это понять — я арестован?

— Что вы! Конечно, нет.

— Милли и Беатриса ушли в кино. Они будут удивлены, если их не пустят домой.

— Я задержу вас очень ненадолго. У меня к вам два дела. Одно — важное, другое — пустая формальность. Можно начать с главного?

— Пожалуйста.

— Я хочу, мистер Уормолд, просить у вас руки вашей дочери.

— Неужели для этого нужно ставить часовых у дверей?

— Так удобнее — нас никто не побеспокоит.

— А вы уже говорили с Милли?

— Я никогда бы себе этого не позволил, не поговорив предварительно с вами.

— Надеюсь, даже по здешним законам, вам необходимо мое согласие на брак?

— Этого требует не закон, а простая вежливость. Можно закурить?

— Прошу вас! Скажите, ваш портсигар действительно из человеческой кожи?

Капитан Сегура рассмеялся.

— Ах, Милли, Милли. Вот насмешница! — Он прибавил уклончиво: — Неужели вы в это верите, мистер Уормолд?

Может быть, он не любил врать в глаза; вероятно, Сегура был верующим католиком.

— Она слишком молода для замужества, капитан.

— У нас в стране рано выходят замуж.

— Я уверен, что ей еще не хочется замуж.

— Но вы могли бы повлиять на нее, мистер Уормолд.

— Вас тут зовут Кровавым Стервятником?

— На Кубе это лестное прозвище.

— Да, но положение у вас непрочное. Вы, видно, нажили немало врагов.

— Я кое-что скопил и могу обеспечить мою вдову. В этом смысле мое положение куда надежнее вашего, мистер Уормолд. Ваше дело вряд ли приносит вам большой доход, а ведь оно в любую минуту может быть прикрыто.

— Прикрыто?

— Я уверен, что дурных намерений у вас нет, но вокруг вас все время что-то случается. Если вам придется спешно покинуть страну, разве не лучше оставить дочь хорошо пристроенной?

— А что случилось, капитан Сегура?

— Разбилась машина — неважно, как это произошло. Было совершено покушение на бедного инженера Сифуэнтеса, друга министра внутренних дел. Профессор Санчес жаловался, что вы ворвались к нему в дом и угрожали ему. Ходят даже слухи, будто вы отравили собаку.

— Я отравил собаку?

— По-моему, это смешно. Но метрдотель гостиницы «Насьональ» говорит, что вы напоили его собаку отравленным виски. Зачем вам было давать собаке виски? Не понимаю. И он не понимает. Может быть, потому, что собака была немецкая? Ну, что вы на это скажете, мистер Уормолд?

— Да я просто не знаю, что вам ответить.

— Он был в ужасном состоянии, бедняга. Если бы не это, я бы его сразу выгнал — нечего морочить мне голову. Он говорит, что потом вы пришли на кухню позлорадствовать. Как это на вас непохоже, мистер Уормолд! А я-то всегда вас считал человеком гуманным. Прошу вас, скажите мне, что в этой истории нет ни капли правды...

— Собака и в самом деле была отравлена. Виски она выпила из моего стакана. Но предназначалось это виски для меня, а не для собаки.

— Кому же понадобилось вас травить, мистер Уормолд?

— Не знаю.

— Удивительная история. Еще хуже той, что рассказал метрдотель, но они опровергают друг друга. Никакого яда, видно, не было, и собака умерла своей смертью. Насколько я знаю, она была старая. Однако согласитесь, мистер Уормолд, вокруг вас все время случаются какие-то неприятности. А вы, часом, не один из тех мальчуганов, о которых я читал в английских книжках: сами-то они тихони, но подбивают на всякие проказы домового?

— Очень может быть. А вы знаете здешних домовых?

— Кое-кого знаю. Кажется, уже подошло время изгнать эту нечисть. Я готовлю докладную записку президенту.

— А я в ней буду упомянут?

— Не обязательно... Поверьте, мистер Уормолд, я скопил приличную сумму. Если со мной что-нибудь случится, Милли сможет жить в достатке. А произойдет революция — мы проживем и в Майами.

— Зачем вы мне все это рассказываете? Ваше материальное положение меня не интересует.

— Но так принято, мистер Уормолд. Ну, а насчет здоровья — оно у меня превосходное. Могу показать врачебное свидетельство. И с потомством все будет благополучно. Не раз проверено.

— Вот как?

— Да, ваша дочь может быть спокойна. О будущем наших детей я тоже позабочусь. Моя теперешняя содержанка меня никак не связывает. Я знаю, протестанты щепетильны в таких вопросах.

— Да я не совсем протестант.

— А ваша дочь, к счастью, католичка. Ей-богу, мистер Уормолд, это вполне подходящий брак.

— Милли только семнадцать лет!

— В этом возрасте легче всего рожать. Значит, вы мне разрешаете с ней поговорить?

— А вам нужно мое разрешение?

— Так будет куда приличнее.

— Ну, а если бы я сказал «нет»...

— Я, конечно, постарался бы вас переубедить.

— Вы как-то говорили мне, что я не принадлежу к классу пытаемых.

Капитан Сегура ласково положил руку Уормолду на плечо.

— У вас такое же чувство юмора, как у Милли. Но, говоря серьезно, если возникнет вопрос о невозможности продлить вам вид на жительство...

— Я вижу, вы настроены решительно. Ну что ж. Если хотите, можете с ней поговорить. У вас найдется подходящий случай, когда вы будете провожать ее из школы. Но Милли девушка разумная. По-моему, вам не на что надеяться.

— Тогда мне придется прибегнуть к вашей помощи.

— Вы удивительно старомодны, капитан Сегура. Отец в наши дни не пользуется никаким авторитетом. Вы, кажется, говорили, что у вас есть ко мне важное дело...

Капитан Сегура поправил его с укоризной:

— Важное дело я вам изложил. Второй вопрос — пустая формальность. Вы не заедете со мной в «Чудо-бар»?

— Зачем?

— Небольшое дельце, связанное с полицией. Не беспокойтесь, ничего страшного. Хочу попросить вас оказать мне маленькое одолжение, мистер Уормолд.

Они отправились в ярко-красной спортивной машине капитана Сегуры в сопровождении двух мотоциклистов — спереди и сзади. Казалось, все чистильщики сапог прибежали с бульвара

на улицу Вирдудес. По обе стороны двери «Чудо-бара» стояли полицейские; над головой висело палящее солнце.

Мотоциклисты соскочили на землю и стали разгонять толпу чистильщиков. Из бара выбежало еще несколько полицейских, они выстроились, охраняя капитана Сегуру. Уормолд пошел за ним. Как и всегда в это время дня, жалюзи поскрипывали от морского ветерка. Бармен стоял не там, где ему положено, а перед стойкой. Вид у него был перепуганный. Из разбитых бутылок за его спиной все еще капало, но они уже давно опустели. Какое-то тело лежало на полу, его загораживали полицейские, но ботинки были видны: грубые, чиненные-перечиненные ботинки небогатого старика.

— Пустая формальность, — сказал капитан Сегура. — Нужно опознать труп.

Уормолду незачем было видеть лицо, однако полицейские расступились, чтобы он мог посмотреть на доктора Гассельбахера.

— Это доктор Гассельбахер, — сказал он. — Вы его знаете не хуже меня.

— В таких случаях полагается соблюдать формальности, — сказал Сегура. — Опознание трупа посторонним свидетелем.

— Кто это сделал?

— Трудно сказать, — ответил Сегура. — Вам, пожалуй, стоит выпить виски. Эй, бармен!

— Не надо. Дайте мне «дайкири». Мы с ним всегда пили «дайкири».

— Какой-то человек вошел в бар и стал стрелять. Две пули пролетели мимо. Мы, конечно, не упустим случая повлиять на общественное мнение за границей и заявим, что это — дело рук повстанцев из Орьенте. А может, это и в самом деле были повстанцы.

Лицо смотрело на них с пола совершенно невозмутимо. Оно казалось таким бесстрастным, что слова «покой» или «страдание» были к нему неприменимы. С ним как будто никогда ничего не случалось: это было лицо еще не родившегося человека.

— Когда будете его хоронить, положите на гроб каску.

— Какую каску?

— У него дома вы найдете старую форму улана. Он был человек сентиментальный.

Как странно, что доктор Гассельбахер пережил две мировые войны, дождался так называемого мира и умер в конце концов той же смертью, какой мог умереть в битве на Сомме.

— Вы отлично знаете, что повстанцы тут ни при чем, — сказал Уормолд.

— Но эта версия нам удобна.

— Опять проказничают домовые?

— Не вините себя понапрасну.

— Он предупредил меня, чтобы я не ходил на банкет, и Картер это слышал, да и все они это слышали — вот его и убили.

— А кто такие «они»?

— У вас же есть список.

— В нем нет никакого Картера.

— Спросите метрдотеля с собакой. Его-то вы наверняка можете пытать. Я возражать не стану.

— Он немец, и у него влиятельные друзья. С чего бы ему вас травить?

— Они думают, что я им опасен. Я! Вот дурни! Дайте мне еще один «дайкири». Я всегда выпивал с ним два, прежде чем вернуться в магазин. А вы мне покажете ваш список, Сегура?

— Тестю покажу, пожалуй. Тестю полагается доверять.

Статистики могут печатать свои отчеты, исчисляя население сотнями тысяч, но для каждого человека город состоит всего из нескольких улиц, нескольких домов, нескольких людей. Уберите этих людей — и города как не бывало, останется только память о перенесенной боли, словно у вас ноет уже отрезанная нога. «Пожалуй, пора складывать чемоданы и уезжать отсюда, — подумал Уормолд, — настало время покинуть развалины Гаваны».

— Знаете, а ведь это только подтверждает то, что я вам пытался втолковать, — сказал Сегура. — На его месте могли лежать вы. Милли должна быть ограждена от подобных сюрпризов.

— Да, — сказал Уормолд. — Придется мне об этом подумать.

Когда он вернулся домой, полицейских в магазине уже не было. Лопес куда-то ушел. Слышно было, как Руди возится со своей аппаратурой — в квартире то и дело раздавался треск атмосферных разрядов. Он сел на кровать. Три смерти: неизвестный по имени Рауль, такса по кличке Макс и старый доктор по фамилии Гассельбахер; причиной всех трех смертей были он... и Картер. Картер не замыслил смерти Рауля и собаки, но судьбу доктора Гассельбахера решил он. Это была карательная мера: смерть за жизнь — поправка к Моисееву закону. В соседней комнате разговаривали Беатриса и Милли. И хотя дверь была открыта, он плохо слышал, о чем они говорили. Он стоял на границе неведомой ему до сих пор страны, которая звалась «Насилие»; в руках у него был пропуск: «Профессия — шпион»; «Особая примета — одиночество»; «Цель поездки — убийство». Визы туда не требовалось. Бумаги его были в порядке.

А по эту сторону границы слышались голоса, говорившие на знакомом ему языке.

Беатриса сказала:

— Нет, гранатовый цвет нехорош. Это для женщин постарше.

Милли сказала:

— В последнем триместре надо ввести урок косметики. Я представляю себе, как сестра Агнеса говорит: «Одну капельку „Ночи любви“ за ухо»...

— Попробуйте этот алый тон. Нет, уголки рта не мажьте. Дайте, я вам покажу.

Уормолд думал: «У меня нет ни мышьяка, ни цианистого калия. Да и случая выпить с ним, наверно, не представится. Надо было тогда насильно влить ему в глотку виски. Легче сказать, чем сделать, — это ведь не трагедия Шекспира, да и там бы понадобилась отравленная шпага».

— Вот. Понимаете теперь, как это делается?

— А румяна?

— Зачем вам румяна?

— Какими духами вы душитесь?

— «Sous le vent» [47].

«Гассельбахера они застрелили, но у меня нет пистолета», — думал Уормолд. — А ведь пистолет должен входить в инвентарь нашей конторы как сейф, листы целлулоида, микроскоп и электрический чайник». Он ни разу в жизни не держал в руках пистолета; но это не беда. Надо только подойти к Картеру поближе — быть от него не дальше, чем от той двери, из-за которой доносятся голоса.

— Давайте сходим вместе в магазин. Вам, наверно, понравится запах «Indiscret» [48]. Это Ланвен.

— Ну, судя по названию, в них не больно-то много темперамента.

— Вы еще совсем молоденькая. Вам не нужен покупной темперамент.

— Но мужчину нужно подзадорить, — сказала Милли.

— Вам достаточно на него поглядеть.

— Да ну?

Уормолд услышал смех Беатрисы и с удивлением посмотрел на дверь. Мысленно он давно пересек границу и совсем забыл о том, что он еще здесь, по эту сторону, с ними.

— Ну, до такой степени их подзадоривать не стоит, — сказала Беатриса.

— Вид у меня томный?

— Скорее пылкий.

— А вам скучно оттого, что вы не замужем? — спросила Милли.

— Если вам хочется спросить, скучаю ли я по Питеру, — нет, не скучаю.

— А когда он умрет, вы опять выйдете замуж?

— Вряд ли я буду так долго ждать. Ему только сорок.

— Ах да, у вас ведь, наверно, разрешается выходить во второй раз замуж, если это можно назвать браком.

— По-моему, это самый настоящий брак.

— Мне-то придется выйти замуж раз и навсегда. Вот ужас!

— Большинство из нас всякий раз думает, что выходит замуж раз и навсегда.

— Мне куда удобнее быть любовницей.

— Вряд ли вашему отцу это понравится.

— А почему? Если бы он опять женился, он бы и сам оказался в таком положении. И она ему была бы не настоящая жена, а любовница. Правда, он всегда хотел жить только с мамой. Он мне сам это говорил. Вот у них был настоящий брак! Даже доброму язычнику — и тому не дано нарушать закон.

— Вот и я раньше думала только о Питере. Милли, деточка, не позволяйте им сделать вас жестокой.

— Кому им?

— Монахиням.

— А-а... Ну, они со мной об этом не разговаривают. Никогда.

«В конце концов, можно прибегнуть и к ножу. Но для этого нужно очень близко подойти к Картеру, а это вряд ли удастся».

Милли спросила:

— Вы любите моего папу?

Он подумал: «Когда-нибудь я вернусь и решу все эти вопросы. Но сейчас у меня есть дело поважнее: я должен придумать, как убить человека. Наверно, есть такие руководства, труды, где сказано, как сражаются голыми руками». Он поглядел на свои руки, они не внушали доверия.

Беатриса сказала:

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Я видела, как вы на него смотрели.

— Когда?

— Помните, когда он вернулся с банкета. А может, вам просто было приятно, что он произнес там речь?

— Да, очень приятно.

— Нехорошо, — сказала Милли. — Вам стыдно его любить.

Уормолд сказал себе: «Если я смогу его убить, я убью его с чистой совестью. Я убью его для того, чтобы доказать: нельзя убивать и не быть убитым в отместку. Я не стану убивать его из патриотизма. Я не буду его убивать за капитализм, за коммунизм, за социал-демократов, за процветание. Чье процветание? Я убью Картера за то, что он убил Гассельбахера. Родовая месть в старину была куда более разумным мотивом для убийства, чем любовь к Англии или пристрастие к какому-нибудь экономическому строю. Если я люблю или ненавижу, позвольте мне считать любовь или ненависть моим личным делом. Я не желаю быть 59200 дробь 5 ни в какой глобальной войне».

— А если бы я его любила, что тут плохого?

— Он женат.

— Милли, детка, берегитесь общих правил. Если бог есть, то не он создал общие правила.

— Вы его любите?

— Я этого не сказала.

«Нет, единственный способ — это застрелить его; но где достать пистолет?»

Кто-то вошел в дверь; он даже не поднял головы. Приемник Руди истошно завопил в соседней комнате. Голос Милли произнес:

— Мы и не слышали, как ты вернулся.

Он сказал:

— Я хочу тебя кое о чем попросить, Милли...

— Ты подслушивал?

Беатриса спросила:

— Что случилось? Что-нибудь неладно?

— Несчастный случай.

— С кем?

— С доктором Гассельбахером.

— Серьезный?

— Да.

— Ты боишься сказать нам правду? — спросила Милли.

— Да.

— Бедный доктор Гассельбахер!

— Да.

— Я попрошу капеллана отслужить по обедне за каждый год, который мы с ним дружили.

Напрасно он старался поделикатнее сообщить Милли о смерти доктора. Ведь смерть в ее глазах — переход к райскому блаженству. Когда веришь в рай, — мстить бесполезно. Но у него нет этой веры. В христианине милосердие и всепрощение не добродетели, они даются ему слишком легко. Он сказал:

— Приходил капитан Сегура. Он хочет, чтобы ты вышла за него замуж.

— За такого старика?! Никогда больше не сяду к нему в машину!

— Я тебя прошу сделать это еще раз — завтра. Скажи ему, что мне надо его видеть.

— Зачем?

— Я хочу сыграть с ним в шашки. В десять часов. Тебе с Беатрисой придется на это время куда-нибудь уйти.

— А он ко мне не будет приставать?

— Нет. Ты ему скажи, чтобы он пришел поговорить со мной. Скажи, чтобы принес свой список. Он поймет.

— А потом?

— Мы едем домой. В Англию.

Оставшись вдвоем с Беатрисой, он сказал:

— Ну вот. Скоро нашей конторе конец.

— Почему?

— Может быть, нам удастся окончить свои дни с честью, если я раздобуду список действующих здесь иностранных агентов.

— Включая и нас с вами?

— Ну нет. Мы с вами никогда не действовали.

— Не понимаю.

— У меня нет тайных агентов, Беатриса. Ни одного. Гассельбахера убили зря. В горах Орьенте нет никаких сооружений.

Характерно, что она не выказала ни малейшего удивления. То, что он ей сообщил, ничем не отличалось от любых сведений, которые ей надлежало занести в картотеку. Оценка этих сведений будет произведена Главным управлением в Лондоне. Он сказал:

— Я понимаю, ваш долг — немедленно сообщить об этом начальству, но я буду вам очень благодарен, если вы подождете до послезавтра. Тогда, надеюсь, мы добавим к этому что-нибудь настоящее.

— Если вы к тому времени будете живы.

— Конечно, я буду жив.

— Что вы задумали?..

— У Сегуры есть список иностранных агентов.

— Нет, вы задумали совсем не это. Но если вы умрете, — сказала она, и ему показалось, что голос ее звучит гневно, — что ж, как говорится, *de mortuis...* [49] и так далее.

— Если со мной что-нибудь случится, я не хочу, чтобы вы узнали из этих липовых карточек, каким я был мошенником.

— Но Рауль... ведь Рауль-то должен был существовать!

— Бедняга! Вот, наверно, удивлялся. Поехал покататься, как обычно, по-видимому, и пьян был тоже, как обычно... Надеюсь, что был пьян.

— Но он существовал!

— Надо же было мне назвать какое-то имя. Почему я взял имя Рауль — теперь уж и сам не помню.

— А чертежи?

— Я снял их с пылесоса «Атомный котел». Ну, теперь всем забавам конец. Будьте добры, напишите за меня мое признание, а я подпишу. Я очень рад, что они не сделали ничего

дурного с Тересой.

Беатриса засмеялась. Она опустила голову на руки и смеялась. Она сказала:

— Ох, до чего же я вас люблю...

— Все это вам кажется ужасно глупым, правда?

— Глупыми кажутся мне наши в Лондоне. И Генри Готорн. Неужели вы думаете, что я бросила бы Питера, если бы он хоть раз, хоть один-единственный раз оставил в дураках ЮНЕСКО? Но ЮНЕСКО было для него святыней. Конференции по вопросам культуры были святыней. Он никогда не смеялся... Дайте мне носовой платок.

— Да вы плачете!

— Я смеюсь. Эти чертежи...

— Один из них — пульверизатор, а другой — двусторонний наконечник. Вот не думал, что специалисты не догадаются.

— Специалисты их и не видали. Не забывайте, ведь это разведка. Надо оберегать источники. Мы не можем допустить, чтобы подобные документы попадали в руки знающим людям. Дорогой вы мой...

— Вы сказали дорогой?

— У меня просто такая манера. Помните «Тропикану»? Как там он пел? Я еще не знала, что вы мой хозяин, а я ваш секретарь, вы для меня были просто милым человеком с красивой дочкой, и я вдруг поняла, что вы сейчас наделаете каких-то отчаянных глупостей с этой бутылкой шампанского. А я так смертельно устала от здравого смысла.

— Ну, меня вряд ли можно назвать человеком отчаянным.

— Они утверждают, что круг — это круг,

И мое безрассудство их просто бесит.

— Будь я человеком отчаянным, стал бы я продавать пылесосы?

— А я говорю, что ночь — это день.

И нету во мне никакой корысти.

— Неужели вы не знаете, что такое верность, как и я?

— Нет, вы человек верный.

— Кому?

— Милли. Плевать мне на людей, верных тем, кто им платит, тем, у кого они служат... Не думаю, чтобы даже моя страна заслуживала верности. В наших жилах смешано слишком много разной крови, но если мы любим, в сердце у нас — только один человек, правда? Разве на свете творилось бы столько гадостей, если бы мы были верны тому, что любим, а не каким-то странам?

Он сказал:

— Боюсь, что у меня могут отнять паспорт.

— Пусть попробуют!

— Все равно, — сказал он. — Теперь мы оба без работы.

5

— Входите, капитан Сегура.

Капитан Сегура сиял. Сапоги его сияли, пуговицы сияли и только что припомаженные волосы тоже сияли. Он был словно начищенное до блеска оружие. Он сказал:

— Я ужасно обрадовался, когда Милли передала мне ваше приглашение.

— Нам с вами о многом нужно переговорить. Но сперва давайте сыграем. Сегодня я вас непременно побью.

— Сомневаюсь, мистер Уормолд. Я покуда еще не обязан выказывать вам сыновнее почтение.

Уормолд раскрыл шашечницу. Потом он расставил на ней двадцать четыре маленькие бутылочки виски: двенадцать пшеничного против двенадцати шотландского.

— Это еще что?

— Выдумка доктора Гассельбахера. Мне хочется, чтобы мы сыграли одну партию в память о нем. Тот, кто берет шашку, ее выпивает.

— Хитро придумано, мистер Уормолд. Так как я играю лучше, я больше пью.

— А потом я вас догоню — и в выпивке тоже.

— Я бы предпочел играть обыкновенными шашками.

— Боитесь остаться битым? Или голова у вас слабая?.

— Голова у меня не слабее, чем у других, но, выпив, я могу вспылить. Мне было бы неприятно поссориться с будущим тестем.

— Милли все равно не выйдет за вас замуж, Сегура.

— Это нам еще надо обсудить.

— Вы играете пшеничным. Пшеничное крепче шотландского. У вас будет преимущество.

— Я в нем не нуждаюсь. Я буду играть шотландским.

Сегура повернул шашечницу и сел.

— Почему вы не снимете пояс? Вам будет удобнее.

Сегура положил пояс с кобурой на пол возле себя.

— Ладно. Я буду сражаться с вами голыми руками, — сказал он весело.

— Пистолет у вас заряжен?

— Конечно. Мои враги не дадут мне времени зарядить пистолет.

— Убийцу Гассельбахера нашли?

— Нет. Он не из уголовного мира.

— Это Картер?

— После того что вы мне сказали, я, конечно, навел справки. Во время убийства он был с доктором Брауном. А разве мы можем не верить президенту Европейского коммерческого общества?

— Значит, и доктор Браун числится у вас в списке?

— Разумеется. Ну, а теперь начнем.

Как это знает каждый игрок, шашечница пересекается по диагонали надвое «большой дорогой»: это линия обороны. Тот, кто держит под обстрелом эту черту, берет в свои руки инициативу, пересечь ее — значит перейти в атаку на противника. Сегура выбрал дебют «Вызов» и уверенно начал игру, двинув бутылочку в центр доски. Он не обдумывал ходов; он едва глядел на доску. Раздумывал и медлил Уормолд.

— Где Милли? — спросил Сегура.

— Ушла.

— И ваша прелестная секретарша тоже?

— Да, они ушли вдвоем.

— Положение у вас с самого начала неважное, — сказал капитан Сегура. Он ударил в центр обороны Уормолда и выиграл «Старого Тейлора». — Ну что ж, выпьем первую, — сказал он и осушил бутылочку. Уормолд отважился на ответный маневр, чтобы взять противника в клещи, и сразу же потерял еще бутылочку, на этот раз — «Старого Форестера». На лбу Сегуры выступили капельки пота; выпив, он откашлялся. Он сказал:

— Уж больно смело играете, мистер Уормолд. — Он показал на доску. — Вам следовало взять ату шашку.

— Можете меня фукнуть, — предложил Уормолд.

Сегура призадумался. Он сказал:

— Нет. Лучше уж вы берите мою шашку.

Марка была непривычная — «Кэрнгорм»; виски обожгло Уормолду язык.

Некоторое время они играли с необычайной для них осторожностью и не брали друг у друга шашек.

— А Картер все еще живет в «Севил-Билтморе»? — спросил Уормолд.

— Да.

— Вы установили за ним слежку?

— Нет. Какой смысл?

Уормолд цеплялся за бортовое поле, настаивая на своем уже отбитом обходном маневре, но шансов у него оставалось немного. Он сделал неправильный ход, позволивший Сегуре двинуть защищенную шашку на поле Е5 и, потеряв возможность спасти свою шашку на поле В6, пропустил Сегуру в последний ряд; тот вышел в дамки.

— Зеваете, — сказал Сегура.

— Мы можем пойти на размен.

— Но у меня дамка.

Сегура выпил «Четыре розы», а Уормолд снял с противоположной стороны доски «Хейга с ямочками». Сегура сказал:

— Какой душный вечер!

Он короновал свою дамку, положив на нее клочок бумаги. Уормолд сказал:

— Если я ее побью, мне придется выпить две бутылочки. У меня есть запасные в шкафу.

— Здорово вы все предусмотрели, — сказал Сегура. В его тоне Уормолду послышалось раздражение.

Играл Сегура теперь в высшей степени осторожно. Заставить его взять шашку становилось все труднее, и Уормолд начал понимать, в чем слабость его затеи: хороший игрок может победить противника, не беря у него шашек. Он взял у Сегуры еще одну, и его заперли. Ходить ему было некуда.

Сегура вытер потный лоб.

— Видите, — сказал он, — победить вы не можете.

— Вы должны дать мне отыграться.

— Пшеничное виски слишком крепкое. 85 градусов.

— Давайте меняться, играйте теперь пшеничным вы.

На этот раз Уормолд играл черными — шотландским виски. Он заменил три выпитые бутылочки у себя и три у Сегуры. Он выбрал дебют «Четырнадцатый старый», который ведет обычно к затяжной игре, ибо теперь уже знал, что единственная его надежда — это раззадорить Сегуру, чтобы тот забыл об осторожности. Он снова попытался подставить партнеру шашку, но Сегура не принял хода. Казалось, он понял, что самый опасный противник — не Уормолд, а его собственная голова. Он даже пожертвовал шашкой, не получив тактического преимущества, и Уормолду пришлось выпить «Хайрема Уокера». Уормолд понял, что и его голова в опасности: смесь шотландского виски с пшеничным была убийственной. Он попросил:

— Угостите меня сигаретой.

Сегура перегнулся через стол, чтобы дать ему огня, и Уормолд заметил, как у него дрожат руки. Зажигалка не действовала, и он выругался с неожиданной злостью. «Еще две бутылочки — и он мой», — подумал Уормолд.

Но отдать шашку упорствующему противнику было так же трудно, как взять шашку у него. Помимо его воли, победа стала доставаться Уормолду. Он выпил «Харпера» и вышел в дамки. Он сказал с наигранным торжеством:

— Игра моя, Сегура. Сдавайтесь.

Сегура, нахмурившись, смотрел на доску. В нем явно боролись два чувства: желание победить и желание сохранить трезвую голову, однако голову его туманил гнев, а не только виски. Он сказал:

— Ну и свинство — так играть в шашки!

Теперь, когда у его противника была дамка, он больше не мог рассчитывать на бескровную победу, потому что дамка обладает свободой передвижения. На этот раз он пожертвовал «Таверной в Кентукки», но жертва была вынужденная, и он разразился проклятиями.

— Вот черт, — сказал он, — да эти штуки все разные! Стекло! Где это слыхано о шашках из стекла?

Уормолд чувствовал, что и его мысли путаются от пшеничного виски, но миг победы — или поражения — настал. Сегура сказал:

— Зачем вы передвинули мою шашку?

— Нет, это — «Красная этикетка». Моя.

— Не могу я, будь они прокляты, запомнить разницу между пшеничным и шотландским! Бутылочки, как бутылочки, вот и разбирайся в них!

— Вы сердитесь потому, что проигрываете.

— Я никогда не проигрываю.

И тут Уормолд сделал вид, будто совершил оплошность: он подставил под удар свою дамку. Какой-то миг ему казалось, что Сегура этого не заметил, а потом он решил, что, боясь пить, Сегура нарочно упускает счастливую возможность. Однако соблазн взять дамку был велик, тем более, что это грозило Уормолду полным разгромом. Его собственная шашка выйдет в дамки и устроит врагу форменное побоище. И все же Сегура колебался. Разгоряченное от виски и духоты, лицо его словно оплывало, как у восковой куклы, глаза застилал туман. Он спросил:

— Зачем вы это сделали?

— Что?

— Потеряли дамку и... партию?

— Черт! Не заметил. Я, наверно, пьян.

— Вы пьяны?

— Немного.

— Но я тоже пьян. И вы знаете, что я пьян. Вы нарочно стараетесь меня опить. Зачем?

— Не валяйте дурака. На что мне вас спаивать? Бросайте игру, пускай будет ничья.

— К черту! Не желаю. Но я знаю, зачем вы хотите меня спить. Вы хотите показать мне список... нет, вру, вы хотите, чтобы я показал вам список...

— Какой список?

— Все вы у меня в руках. Вот так! Где Милли?

— Я же вам сказал, она ушла.

— Сегодня же пойду к начальнику управления. Всех вас возьмем в силки.

— И Картера?

— А кто он такой, ваш Картер? — Он помахал пальцем перед носом Уормолда. — Вы тоже в списке, но я-то знаю, что вы никакой не шпион. Вы симулянт.

— Поспали бы немножко, Сегура. Игра кончилась вничью.

— Не желаю. Смотрите. Я бью вашу дамку. — Он откупорил «Красную этикетку» и выпил.

— За дамку пьют две бутылочки, — сказал Уормолд и протянул ему «Даносдейл крим».

Сегура тяжело развалился на стуле, подбородок его мотался из стороны в сторону. Он сказал:

— Ну, признавайтесь, что вы побиты. Я не играю в поддавки.

— И не подумаю! Я трезвее вас, смотрите — беру фука. Играйте дальше.

Канадское ячменное виски «Лорд Калверт» почему-то затесалось среди бутылочек пшеничного, и Уормолд его проглотил. Он подумал: «Надо, чтобы эта была последней. Если Сегура сейчас не свалится, все пропало. Я буду так пьян, что не смогу нажать курок. Он, кажется, говорил, что пистолет заряжен?»

— Вам ничего не поможет, — шепотом произнес Сегура. — Все равно ваше дело каюк. — Он медленно повел рукою над шашечницей, словно нес ложку с яйцом всмятку. — Видите? — Он взял одну шашку, другую, третью...

— А ну-ка выпейте, Сегура. — «Георг IV», «Королева Анна», «Горная королева» (игра кончалась по-королевски). — Ходите, Сегура. А может, мне вас снова фукнуть? Пейте. — «Бочка 69». — Еще одну. Выпейте, Сегура. — «Опора Гранта», «Старик Арджилл». — Пейте, Сегура. Теперь я сдаюсь.

Но сдался Сегура. Уормолд расстегнул ему воротник мундира, чтобы легче было дышать, и прислонил его голову к спинке стула, но и сам он ступал нетвердо, когда шел к двери. В кармане у него лежал пистолет Сегуры.

Добравшись до «Севил-Билтмора», он позвонил Картеру по внутреннему телефону. Видно, нервы у Картера крепкие, куда крепче, чем у него. Картеру не удалось выполнить свою миссию на Кубе, однако он не уезжал, он выжидал своего часа, как снайпер или манок для диких уток. Уормолд сказал:

— Добрый вечер, Картер.

— А, это вы? Добрый вечер, Уормолд.

В голосе слышался холодок — в нем звучала оскорбленная добродетель.

— Хочу перед вами извиниться, Картер. За эту дурацкую выходку с виски. Был здорово пьян. Да и сейчас чуточку пьян. И не люблю извиняться.

— Ладно, ладно, Уормолд. Ступайте проспитесь.

— Еще издевался, что вы заикаетесь! Порядочные люди так не делают!

Он поймал себя на том, что разговаривает, как Готорн. Лицемерие, видно, профессиональная болезнь.

— А я ни черта не понял, куда вы г-гнете.

— Я скоро... скоро сообразил, что произошло. Вы тут совершенно ни при чем. Проклятый метрдотель сам отравил свою собаку. Пес был очень старый, но, ей-богу же, надо было его усыпить, а не давать ему отравленные объедки!

— Ах, вот оно что! Спасибо, что позвонили, г-голубчик, но сейчас уже поздно. Я ложусь спать.

— Лучший друг человека...

— Что? Г-говорите г-громче.

— «Цезарь», друг короля, а потом тот, жесткошерстый, помните, — он пошел ко дну во время Ютландского сражения? До самого конца охранял на мостике хозяина.

— Вы пьяны, Уормолд.

Куда проще изображать пьяного, когда ты выпил, — сколько же, в конце концов, он выпил шотландского и пшеничного? Пьяному человеку верят — *in vino veritas* [50]. С пьяным человеком и расправиться легче. Картер был бы круглым дураком, если бы не воспользовался таким удобным случаем. Уормолд сказал:

— А на меня как раз нашло настроение пошататься по разным местам...

— По каким местам?

— По злачным местам, по тем самым, которые вам так хотелось поглядеть.

— Но сейчас уже поздно.

— Самое подходящее время. — Даже сюда, на другой конец провода, ему передалось колебание Картера. Уормолд сказал: — Возьмите с собой пистолет. — Он вдруг почувствовал странную неохоту убивать безоружного убийцу, если только Картер окажется безоружным.

— Пистолет? Зачем?

— В таких местах тебя иногда пытаются обчистить.

— А почему бы вам не взять свой?

— У меня его, увы, нет.

— У меня тоже. — Уормолду показалось, что он услышал металлический щелчок взводимого курка. «Алмаз режет алмаз», — подумал он и улыбнулся. Но улыбка так же вредна в решающую минуту ненависти, как и в решающую минуту любви. Ему пришлось напомнить себе, как выглядел Гассельбахер, когда смотрел на него с пола в баре. Они не дали старику ни одного шанса спастись, а вот он дает их Картеру больше, чем надо. Он стал жалеть, что так много выпил.

— Подождите меня в баре, — сказал Картер.

— Только поскорее.

— Мне надо одеться.

Уормолд был рад, что в баре темно. Картер, наверно, созванивается со своими друзьями и назначает им свидание, но в баре им все же не удастся его пристрелить прежде, чем он их

заметит. С улицы только один вход и из гостиницы тоже; а к задней стене пристроено нечто вроде балкончика; в случае чего на перила можно опереть руку с пистолетом. Всякий человек, вошедший в бар, должен сперва привыкнуть к темноте — Уормолд это знает по себе: когда он вошел, он не сразу мог разобрать, был тут один посетитель или двое — так тесно прижалась друг к другу парочка на диване возле выхода на улицу.

Он сел на балкончике и заказал виски, но так до него и не дотронулся, следя за обеими дверьми. Наконец кто-то вошел, лица разглядеть он не мог; он узнал Картера по руке, похлопывавшей карман, где лежала трубка.

— Картер!

Картер подошел.

— Ну, поехали, — сказал Уормолд.

— Допейте виски, я составлю вам компанию.

— Я и так слишком много выпил. Мне надо на воздух. Мы выпьем потом, в каком-нибудь заведении.

Но Картер сел.

— Расскажите, куда вы собираетесь меня везти.

— В публичный дом. Они тут все одинаковые. В каждом по десятку девиц — выбор небольшой. Они устроят для вас парад. Вставайте, поехали. После полуночи там начинается давка.

Картер сказал испуганно:

— Я бы сперва хотел что-нибудь выпить. Нельзя смотреть на такие вещи, когда ты совсем трезвый.

— Вы кого-нибудь ждете?

— Нет, с чего вы взяли?

— Так мне показалось, вы все время поглядываете на дверь.

— Но я же вам г-говорил, что не знаю здесь ни души.

— Кроме мистера Брауна.

— Да, конечно, кроме доктора Брауна. Ну, он не такой человек, которого поведешь в публичный дом, правда?

— Проходите, прошу вас, — сказал Уормолд, пропуская его вперед.

Картер нехотя двинулся к двери. Он явно искал повода, чтобы задержаться. Он сказал:

— Подождите, я оставлю записочку портье. Мне должны позвонить.

— Кто, мистер Браун?

— Да. — Он все никак не решался выйти. — Ей-богу, невежливо и даже как-то г-грубо уходить, не дождавшись его звонка. Давайте посидим еще минут пять.

— Скажите портье, что в час ночи будете дома, — если, конечно, не войдете во вкус и не загуляете до утра.

— Лучше все-таки подождать.

— Тогда я пошел один. Ну вас к черту! А я-то думал, что вам хочется посмотреть город. — Уормолд быстро вышел на улицу. Его машина стояла напротив. Он ни разу не оглянулся, но слышал за спиной шаги. Картеру так же не хотелось упустить его, как ему не хотелось упустить Картера.

— Ну и г-горячий яге вы человек, Уормолд!

— Простите. Я, когда выпью, почему-то злею.

— Надеюсь, вы не так пьяны, чтобы на кого-нибудь наехать?

— Пожалуй, будет лучше, если за руль сядете вы.

Он подумал: «Тогда он не сможет держать руки в карманах».

— Первый поворот направо. Теперь налево, Картер. — Они выехали на набережную; из гавани выходил узкий белый корабль — какое-то туристское судно отправлялось в Кингстон или в Порт-о-Пренс. Им были видны влюбленные парочки; перегнувшись через перила, они смотрели вниз, на лунную дорожку, оркестр играл еще не совсем вышедшую из моды «Я мог бы танцевать всю ночь».

— Ох, до чего же хочется домой, — сказал Картер.

— В Нотвич?

— Да.

— В Нотвиче нет моря.

— Когда я был мальчишкой, прогулочные катера на реке мне казались такими же большими, как этот лайнер.

«Убийца не имеет права чувствовать тоску по родине, убийца должен быть бездушным, как машина, вот и мне надо стать машиной», — думал Уормолд, нащупывая в кармане носовой платок, которым он сотрет отпечатки пальцев, когда настанет время. Но как его выбрать, это время? В каком закоулке, в каком подъезде? А если тот выстрелит первый?

— Кто ваши друзья. Картер? Русские? Немцы? Американцы?

— Какие друзья? — И он добавил очень искренне: — У меня нет друзей.

— Совсем нет друзей?

— Нет.

— Еще раз налево. Картер, а потом направо.

Они медленно ползли по узкой улочке; по обе ее стороны помещались ночные притоны: из-под земли звучал оркестр — словно голос отца Гамлета или музыка, которую часовые слышали под мостовой, когда бог Геркулес покинул Марка-Антония. Двое служителей в ливреях кубинских ночных кабаре наперебой зазывали их с тротуара напротив. Уормолд оказал:

— Давайте остановимся. Мне позарез нужно выпить прежде, чем мы двинемся дальше.

— Это публичные дома?

— Нет. В публичный дом мы поедem попозже.

Он подумал: «Эх, если бы Картер снял руку с руля и схватился за пистолет, — как бы мне тогда легко было в него выстрелить!»

Картер спросил:

— А вы это место знаете?

— Нет. Но я знаю этот мотив. — Странно: там играли «И мое безрассудство их просто бесит».

Снаружи висели цветные фотографии голых девушек и светились неоновые слова на международном языке ночных кабаков: «Аттракцион с раздеванием». Ступеньки, полосатые, как дешевая пижама, вели в погребок, где воздух был сизый от сигарного дыма. Что ж, место для казни подходящее, не хуже любого другого. Но сначала он должен выпить.

— Идите вперед, Картер.

Картер не решался. Он открыл рот и запнулся; Уормолд еще ни разу не слышал, чтобы он так долго не мог выговорить «г».

— Г-г-господи...

— В чем дело?

— Нет, ничего.

Они сели за столик и стали смотреть, как раздеваются; оба взяли коньяк с содовой. От столика к столику, постепенно разоблачаясь, переходила девушка. Сначала она сняла перчатки; какой-то посетитель покорно их взял, словно папку с входящими бумагами. Потом она повернулась спиной к Картеру и попросила его расстегнуть крючки на ее черном кружевном корсете. Картер неловко пыхтел над застежками, заливаясь краской, а девушка хохотала и поеживалась от прикосновений его пальцев. Он сказал:

— Извините, но я никак не найду...

Вокруг танцевальной площадки за столиками сидели мрачные посетители и наблюдали за Картером. Никто не улыбался.

— Вам, видно, в Нотвиче редко приходилось иметь с этим дело. Дайте я расстегну.

— Отстаньте!

Наконец он расстегнул корсет, девушка взъерошила его жидкие выгоревшие волосы и пошла дальше. Он пригладил волосы карманной щеточкой.

— Мне здесь не нравится, — сказал он.

— Вы боитесь женщин, Картер.

Разве можно застрелить человека, над которым так легко потешаться?

— Терпеть не могу такую жеребятину, — сказал Картер.

Они поднялись по лестнице. Боковой карман у Картера сильно оттопыривался. Конечно, он мог положить туда и трубку. Картер снова сел за руль и стал ворчать:

— Тоже невидаль — шлюхи раздеваются!

— Вы ей не очень-то помогли.

— Я искал, где у нее молния.

— А мне ужасно хотелось выпить.

— И коньяк дрянной. Не удивлюсь, если они к нему что-то подмешивают.

— Ну, ваше виски было куда хуже. Картер.

Он пытался разжечь свою злобу и не вспоминать, как этот бедняга неуклюже возился с корсетом и краснел от своей неловкости.

— Что вы сказали?

— Остановите машину.

— Зачем?

— Вы же хотели в публичный дом. Вот он.

— Но вокруг нет ни души.

— Двери и ставни здесь всегда закрыты. Вылезайте и звоните.

— А что вы сказали насчет виски?

— Да так, ничего. Вылезайте и звоните.

Место было подходящее, ничуть не хуже погребка (для этой цели, как известно, годится и глухая стена): серый фасад и улица, куда люди заходили только с одной малопочтенной целью. Картер медленно выпростал ноги из-под руля, а Уормолд пристально следил за его руками, за его неловкими руками. «Это — честная дуэль, — говорил он себе, — Картер куда больше привык убивать, чем я, да и шансы у нас равные: я ведь даже не уверен, что мой пистолет заряжен. У него куда больше шансов спастись, чем было у Гассельбахера». Держась рукой за дверцу, Картер снова замешкался. Он сказал:

— Может, разумнее отложить это на другой раз? Г-г-говоря откровенно...

— Вы что, боитесь, Картер?

— Я никогда не бывал в таких местах. Уормолд, это г-глупо, но меня не очень тянет к женщинам.

— Видно, тоскливая у вас жизнь.

— Я могу обойтись и без них, — ответил он с вызовом. — У человека есть дела поважнее, чем г-гоняться за юбками...

— Зачем же вы пошли в публичный дом?

И снова он удивил Уормолда своей откровенностью.

— Мне иногда кажется, что я хочу, но когда доходит до... — Он был на грани признания и

наконец решился: — У меня ничего не получается, Уормолд. Не могу сделать то, чего они от меня хотят.

— Вылезайте из машины.

«Мне надо его застрелить, — думал Уормолд, — до того, как он совсем разоткровенничается. С каждым мигом он все больше превращается в человека, в такое же существо, как я сам, которое можно пожалеть и утешить, но нельзя убить. Кто знает, какие мотивы кроются за каждым актом насилия?» Он вытащил пистолет Сегуры.

— Что это?

— Выходите.

Картер прислонился к двери публичного дома, лицо его выражало не страх, а угрюмое недовольство. Он боялся женщин, а не насилия. Он сказал:

— Это вы зря. Виски дал мне Браун. Я человек подневольный.

— А мне наплевать на виски. Ведь это вы убили Гассельбахера?

Он снова удивил Уормолда своей правдивостью. В этом человеке была своеобразная честность.

— Я выполнял приказ, Уормолд. Когда тебе г-г-г...

Он изловчился достать локтем звонок, прижался спиной к двери, и теперь где-то в глубине дома звенел и звенел звонок, вызывая обитателей.

— Мы не питаем к вам зла, Уормолд. Вы просто стали слишком опасны, вот и все. Ведь мы с вами обыкновенные рядовые, и вы и я.

— Я вам опасен? Ну какое же вы дурачье! У меня нет агентов. Картер.

— Ну уж не г-г-говорите! А сооружения в г-горах? Мы раздобыли копии ваших чертежей.

— Это части пылесоса. — Интересно, у кого они получили эти копии: у Лопеса, у курьера Готорна или у человека из консульства?

Картер полез в карман, и Уормолд выстрелил. Картер громко взвизгнул. Он сказал:

— Вы меня чуть не застрелили. — И вытащил руку, в который была зажата разбитая трубка.

— Мой «Данхилл» [51]. Вы сломали мой «Данхилл».

— По неопытности, — сказал Уормолд. Он решился на убийство, но выстрелить еще раз не мог. Дверь за спиной Картера начала отворяться. Все это стало похоже на пантомиму. — Там о вас позаботятся. Вам сейчас может пригодиться женщина.

— Ах вы... шут гороховый!

Ну до чего же Картер прав! Он положил пистолет на сиденье и пересел на место у руля. И вдруг он почувствовал радость. Ведь он чуть было не убил человека. А теперь он доказал себе, что судья из него все равно не выйдет: у него нет призвания к насилию. И тогда Картер выстрелил.

6

Он сказал Беатрисе:

— Я нагнулся, чтобы включить мотор. Это меня и спасло. Он, конечно, имел право отстреливаться — ведь у нас была дуэль по всем правилам. Но третий выстрел остался за мной.

— А что было потом?

— Я успел отъехать прежде, чем меня стошнило.

— Стошнило?

— Если бы я побывал на войне, убийство, наверное, не показалось бы мне таким сложным делом. Бедный Картер.

— А чего вам его жалеть?

— Он был тоже человек. Я многое о нем узнал. Он не умел расстегнуть корсет. Боялся женщин. Любил свою трубку, и, когда был мальчишкой, прогулочные катера на реке казались ему океанскими пароходами. Может, он был романтиком. Ведь романтик живет в постоянном страхе, что действительность не оправдывает его ожиданий, верно? Все они ждут от жизни слишком многого.

— Ну, а потом?

— Потом я стер с пистолета отпечатки пальцев и привез его домой. Сегура, конечно, заметит, что двух пуль не хватает. Но он вряд ли захочет признаться, что эти пули выпущены из его пистолета. Ему трудно будет объяснить, как это случилось. Когда я вернулся, он еще спал. Страшно подумать, как у него сейчас болит голова. У меня она тоже раскалывается. Но я пытался вспомнить ваши уроки, когда фотографировал.

— Что вы фотографировали?

— У него был список иностранных агентов, который он составил для начальника полицейского управления. Я его сфотографировал, а потом положил Сегуре обратно в карман. Я рад, что под конец послал хоть одно настоящее донесение.

— Вам надо было подождать меня.

— Не мог. Боялся, что он вот-вот проснется. Оказывается, микрофотография — дело очень хитрое!

— Господи, а зачем вам понадобилось делать микрофотографию?

— Потому, что ни одному курьеру в Кингстоне нельзя доверять. Хозяева Картера — кто они, я так и не выяснил — добыли копии моих чертежей. Стало быть, какой-то агент работает и на нас, и на них. Может, это тот контрабандист, который возит наркотики. Поэтому я снял микрофотографию, как вы меня учили, наклеил ее на обратную сторону марки и послал по почте набор из пятисот марок английских колоний — словом, сделал все, что положено делать в экстренном случае.

— Надо протелеграфировать, на какую марку вы наклеили фото.

— Что значит, на какую марку?

— Неужели вы думаете, что они станут разглядывать все пятисот марок в поисках одного черного пятнышка?

— Об этом я не подумал. Вот незадача...

— Но вы же знаете, на какую марку...

— В том-то и дело, что мне не пришло в голову посмотреть лицевую сторону. Там, по-моему, был Георг V; кажется, красный... А может, зеленый...

— Ну, тогда все ясно. А фамилии в списке вы запомнили?

— Нет. У меня не было времени его как следует прочесть. Да, в таких делах я, видно, полный болван, Беатриса.

— Неправда. Болваны они.

— Интересно, кто первый даст о себе знать. Доктор Браун или Сегура?

Но это был ни тот, ни другой.

На следующий день, ровно в пять, в магазине появился высокомерный чиновник из консульства. Чопорно поглядывая на пылесосы, как негодующий турист на выставку предметов фаллического культа, он объявил Уормолду, что его желает видеть посол.

— Можно мне прийти завтра утром? — Он писал последнее донесение: о смерти Картера и своей отставке.

— Нет, нельзя. Посол звонил из дому. Вам надо ехать сейчас же.

— Я у него не служу, — заявил Уормолд.

— Вы так думаете?

Уормолд снова отправился в Ведадо, где стояли белые особняки и росли бугенвилеи богачей. Сколько воды утекло с тех пор, как он был здесь у профессора Санчеса! Вот он проехал мимо его ворот. Какие скандалы разыгрываются за стенами этого кукольного дома?

У него было такое чувство, будто у посла с беспокойством ждали его прихода, а переднюю и лестницу старательно очистили от посторонних. На первом этаже какая-то женщина повернулась к нему спиной и быстро заперла за собой дверь; наверно, это была жена посла. Двое детей украдкой выглянули из-за перил на втором этаже и убежали, стуча каблучками по кафельному полу. Дворецкий проводил его в пустую гостиную и осторожно притворил дверь. За высокими окнами расстился длинный зеленый газон и росли стройные субтропические деревья. Даже оттуда кто-то спешил убежать, заметив его.

Комната была похожа на все другие посольские гостиные — смесь массивной, доставшейся по наследству мебели и безделушек, собранных в странах, где хозяин прежде служил. Уормолду казалось, что он видит следы лет, проведенных в Тегеране (трубки необычной формы, изразец), в Афинах (одна или две иконы), но его озадачила африканская маска: откуда она, может быть, из Монровии?

Вошел посол, высокий холодный человек, по галстуку видно было, что он бывший гвардеец, — людям такой породы тщетно подражал Готорн. Он сказал:

— Садитесь, Уормолд. Вы курите?

— Нет, благодарю вас.

— Возьмите этот стул, вам будет удобнее. Ну что ж, давайте говорить прямо. Вам грозят неприятности.

— Понятно.

— Я, конечно, ничего, ровно ничего не знаю о том, чем вы здесь занимаетесь.

— Я продаю пылесосы, сэр.

Посол взглянул на него с нескрываемым отвращением.

— Пылесосы? Я говорю не об этом. — Он отвел глаза и посмотрел на персидскую трубку, на греческую икону, на маску из Либерии. Все это были страницы автобиографии, где для самоуспокоения описаны только счастливые дни. Он сказал: — Вчера утром меня посетил капитан Сегура. Имейте в виду, я не знаю, откуда полиция получила такие сведения, и меня это не касается, но он сообщил мне, что вы посылали домой ложные донесения в целях дезинформации. Я не знаю, кому вы их посылали, и это тоже меня не касается. Сегура уверяет, что вы получали деньги, делая вид, будто обладаете источниками, которых просто не существует. Я счел своим долгом тут же известить об этом министерство иностранных дел. По-видимому, вы получите распоряжение вернуться домой и отчитаться в своих действиях — перед кем, мне неизвестно, подобные вопросы не входят в мою компетенцию...

Уормолд заметил две детские головки, выглядывающие из-за высокого дерева. Он посмотрел на них, и они посмотрели на него, как ему показалось, с сочувствием. Он сказал:

— Да, сэр.

— Из беседы с капитаном Сегурой я понял, что вы доставляете всем здесь много хлопот. И если вы откажетесь вернуться на родину, местные власти могут причинить вам очень большие неприятности, а, учитывая все обстоятельства дела, я ничем не сумею вам помочь. Ровно ничем. Капитан Сегура подозревает, что вы подделали какой-то документ, который, как вы заявили, был взят у него. Вся эта комедия, Уормолд, мне глубоко противна. Я даже выразить не могу, до чего она мне противна. Законным источником информации за границей являются посольства. Для этой цели существуют атташе. Вся ваша так называемая разведка доставляет послу одни неприятности.

— Да, сэр.

— Не знаю, известно ли вам — мы постарались скрыть это от прессы, — но позавчерашней ночью тут застреляли одного англичанина. Капитан Сегура намекнул, что он был связан с вами.

— Я встретился с ним один раз, за обедом.

— Вам лучше вернуться на родину, Уормолд, первым же самолетом, — чем скорее вы это сделаете, тем будет лучше для меня, — и обсудить все с вашим начальством... кто бы оно там ни было.

— Да, сэр.

Самолет голландской авиалинии должен был вылететь в 3:30 утра на Амстердам через Монреаль. Уормолду не хотелось лететь через Кингстон, где Готорну могли поручить его встретить. Дав последнюю телеграмму, он закрыл контору; Руди и его чемодан должны были отправиться на Ямайку. Шифровальные книги сожгли с помощью целлулоида. Беатрисе надо было лететь вместе с Руди. Пылесосы были оставлены на попечении Лопеса. Имущество, которым он дорожил, Уормолд упаковал в сундук, который пойдет морем. Лошадь продали капитану Сегуре.

Беатриса помогала ему складывать вещи. Сверху в сундук положили статуэтку святой Серафины.

— Милли, наверно, ужасно расстроена, — сказала Беатриса.

— Да нет, она как-то сразу покорилась судьбе. Говорит, как сэр Гемфри Джилберт [52], что бог так же близок к ней в Англии, как и на Кубе.

— Ну, Джилберт, по-моему, говорил не совсем так.

В доме осталась куча мусора, который решили сжечь, хоть там не было ничего секретного.

Беатриса сказала:

— Боже мой, сколько у вас сохранилось ее фотографий!

— Мне казалось, разорвать фотографию — это все равно, что кого-нибудь убить. Теперь я знаю, — это совсем не одно и то же.

— А что это за красная коробочка?

— Она мне подарила запонки. Их украли, а коробочку я спрятал. Сам не знаю почему. В общем я даже рад, что весь этот хлам надо выбросить.

— Конец жизни.

— Двух жизней.

— А это что?

— Старая программка.

— Не такая уж старая. «Тропикана». Можно мне ее взять?

— Вам еще рано хранить реликвии, — сказал Уормолд. — Их набираешь на своем веку слишком много. А потом из-за всего этого мусора тебе негде жить.

— Ладно, рискну. Тот вечер был какой-то удивительный.

Милли и Уормолд проводили ее в аэропорт. Руди как-то незаметно исчез, сопровождая носильщика, который волочил его огромный чемодан. День был жаркий, и публика стоя пила «дайкири». Едва капитан Сегура сделал Милли предложение, как ее дуэнья куда-то пропала, но ребенок, который поджег Томаса Эрла Паркмена младшего, так и не вернулся, как ни мечтал об этом Уормолд. Казалось, что Милли переросла обе крайности своего характера. Она объявила тактично, как взрослая:

— Пойду куплю Беатрисе на дорогу каких-нибудь журналов. — И, отойдя к книжному киоску, повернулась к ним спиной.

— Простите меня, — сказал Уормолд. — Когда я вернусь, я им скажу, что вы ничего не знали. Интересно, куда вас теперь пошлют?

— Наверно, к Персидскому заливу. В Басру.

— Почему к Персидскому заливу?

— Так они себе представляют чистилище. Искупление грехов потом и слезами. А у вашей фирмы нет представителя в Басре?

— Боюсь, что моя фирма не захочет больше меня держать.

— Что же вы будете делать?

— Спасибо бедняге Раулю, у меня хватит денег, чтобы отправить Милли на год в Швейцарию. А потом, ей-богу, не знаю.

— Вы могли бы открыть лавочку, где продают все эти штуки для розыгрыша, — ну, знаете: окровавленные пальцы, чернильные пятна, муху на куске сахара... Господи, до чего ужасны все эти проводы! Ступайте домой, не надо вам дожидаться отлета.

— Когда я вас увижу?

— Постараюсь не поехать в Басру. Постараюсь остаться в секретариате с Анжеликой, Этель и мисс Дженкинсон. Если повезет, буду кончать в шесть, и мы сможем встретиться в угловом ресторане, наскоро что-нибудь перекусить и пойти в кино. Какая унылая жизнь, правда? Вроде ЮНЕСКО или съезда писателей. Тут с вами мне было весело.

— Это правда.

— Ну, а теперь — уходите.

Он подошел к книжному киоску, где стояла Милли.

— Идем, — сказал он.

— А как же Беатриса? Ведь я не отдала ей журналы.

— Ей не нужны журналы.

— И я с ней не попрощалась.

— Поздно. У нее уже проверили паспорт. Увидишь ее в Лондоне... Надеюсь.

Казалось, что весь остаток жизни они проведут на аэродромах. На этот раз отлетал самолет голландской авиакомпании, было три часа утра, небо розовело, отражая неоновые лампы киосков и посадочные огни, а «проводы» им устраивал капитан Сегура. Он всячески старался скрыть, что его миссия носит официальный характер, и вел себя по-домашнему, но все равно их отъезд был похож на высылку. Сегура сказал с укором:

— Вы сами меня вынудили!

— Ваши методы куда человечнее, чем у Картера или у доктора Брауна. Кстати, что вы собираетесь делать с Брауном?

— Он решил, что ему необходимо вернуться в Швейцарию по делам, связанным с точным инструментом.

— А куда он взял билет?

— Не знаю. Кто бы они там ни были, они очень довольны, что раздобыли ваши чертежи.

— Мои чертежи?

— Да, чертежи сооружений в Орьенте. Доктор Браун сможет похвастаться еще и тем, что избавился от опасного агента.

— От кого, от меня?

— Да. На Кубе будет спокойнее без вас обоих, но мне жалко расставаться с Милли.

— Милли все равно не вышла бы за вас замуж. Ей не нравятся портсигары из человеческой кожи.

— Вам когда-нибудь говорили, чья это кожа?

— Нет.

— Полицейского, который замучил насмерть моего отца. Видите ли, мой отец был бедняком. Он принадлежал к классу пытаемых.

Подошла Милли, нагруженная журналами «Тайм», «Лайф», «Пари-матч» и «Куик». Было уже четверть четвертого, и небо над взлетной дорожкой посерело — забрезжил призрачный рассвет. Летчики направились к самолету, за ними прошла стюардесса. Он знал всех троих в лицо: несколько недель назад они сидели с Беатрисой за столиком в «Тропикане». Громкоговоритель извещал по-английски и по-испански об отлете самолета номер 396 на Монреаль и Амстердам.

— Вот вам на память, — сказал Сегура.

Он дал им по маленькому свертку. Они развернули свои подарки, когда самолет еще летел над Гаваной; цепочка огней приморского бульвара ушла в сторону и скрылась из виду; море опустилось, как занавес, над их прошлым. В свертке Уормолда была бутылочка «Опоры Гранта» и пуля, выпущенная из полицейского пистолета. У Милли — маленькая серебряная подковка с ее инициалами.

— А почему он подарил тебе пулю? — спросила она.

— Шутка, и не очень остроумная. И все же он не такой уж плохой человек, — сказал Уормолд.

— Но совсем не годится в мужа, — ответила повзрослевшая Милли.

ЭПИЛОГ

В ЛОНДОНЕ

Когда он назвал свое имя, на него посмотрели с любопытством, а потом посадили в лифт и повезли, к его удивлению, не вверх, а вниз. Теперь он сидел в длинном подземном коридоре и смотрел на красную лампочку, горевшую над дверью; ему сказали, что он может войти, когда загорится зеленый свет, и ни минутой раньше. Люди, не обращавшие внимания на лампочку, входили и выходили; одни держали папки с бумагами, другие — портфели, какой-то человек был в форме полковника. Никто на него не смотрел; он чувствовал, что почему-то их стесняет; они старались отвернуться, как отворачиваются от калеки. Но, наверно, дело тут было не в его хромоте.

По коридору от лифта прошел Готорн. Костюм его был помят, будто он спал, не раздеваясь: видно, прилетел ночным самолетом с Ямайки. Готорн тоже не взглянул бы на Уормолда, если бы тот его не окликнул:

— Эй, Готорн!

— Ах, это вы, Уормолд.

— Беатриса долетела благополучно?

— Конечно.

— А где она?

— Понятия не имею.

— Что здесь происходит? Можно подумать, что военно-полевой суд.

— А тут и в самом деле идет военно-полевой суд. — Готорн сказал это ледяным тоном и прошел в дверь, над которой горела лампочка. Часы показывали 11:25, а вызвали Уормолда на одиннадцать.

Он раздумывал, могут ли они что-нибудь с ним сделать, кроме того, что выгонят, впрочем, они уже и так его выгнали. Это бесспорно. Сейчас они, вероятно, решают его судьбу. Им вряд ли удастся подвести его под закон о разглашении государственной тайны. Он выдумывал тайны, а не разглашал их. Конечно, они могут помешать ему получить работу за границей, а службу в Англии человеку в его годы не так-то легко найти, но зато он и не подумает возвращать им деньги. Деньги нужны Милли; ему теперь казалось, что он честно заработал эти деньги, став мишенью для Картера — и для его пули, и для его яда.

В 11:35 из комнаты вышел полковник и быстро зашагал к лифту; вид у него был разгоряченный и сердитый. «Вот идет судья-вешатель», — подумал Уормолд. Вслед за ним появился человек в грубошерстном пиджаке. У него были глубоко запавшие голубые глаза; несмотря на штатский костюм, было ясно, что он моряк. Взгляд его ненароком скользнул по Уормолду, но он быстро отвел глаза — видно, был человек порядочный. Он крикнул: «Обождите, полковник!» — и пошел по коридору с небольшой раскачкой, словно опять был у себя на мостике в штормовую погоду. За ним вышел Готорн, разговаривая с каким-то очень молодым человеком, а потом у Уормолда вдруг перехватило дух, потому что загорелся зеленый свет и перед ним оказалась Беатриса.

— Вам надо туда, — сказала она.

— А какой мне вынесли приговор?

— Не могу сейчас с вами разговаривать. Где вы остановились?

Он назвал гостиницу.

— Я приду к вам в шесть. Если смогу.

— Меня расстреляют на рассвете?

— Не волнуйтесь. Идите. Он не любит, когда его заставляют ждать.

— А что будет с вами?

— Джакарта.

— Где это?

— На краю света. Дальше, чем Басра. Ну, идите же, идите.

За столом в полном одиночестве сидел человек с черным моноклем в глазу. Он сказал:

— Садитесь, Уормолд.

— Нет, лучше уж я постою.

— Это цитата, правда?

— Какая цитата?

— Я отлично помню, что слышал эту фразу в какой-то пьесе на любительском спектакле. Много лет назад.

Уормолд сел. Он сказал:

— Вы не имеете права посылать ее в Джакарту.

— Кого?

— Беатрису.

— Кто это такая? Ах, ваша секретарша... Терпеть не могу нашу манеру называть всех по именам! По этому вопросу вам надо обратиться к мисс Дженкинсон. Слава богу, она ведает секретариатом, а не я!

— Беатриса ни в чем не виновата.

— Ни в чем?.. Послушайте, Уормолд. Мы решили ликвидировать вашу резидентуру, но тут встал вопрос: что нам делать с вами?

Ну вот, держись! Судя по лицу полковника — одного из судей — ни на что хорошее рассчитывать не приходится. Шеф вынул монокль, и Уормолд был поражен младенческой голубизной его глаза. Шеф сказал:

— Мы решили, что самое лучшее для вас в данное время — это остаться в Англии на преподавательской работе. Читать лекции о том, как руководить агентурой за границей. И тому подобное. — Казалось, что ему надо проглотить что-то очень горькое. Он добавил: — Само собой разумеется (у нас это принято, когда наш человек уходит с заграничной работы), мы представим вас к ордену. Думаю, что для вас — вы ведь работали недолго — можно хлопотать только о КБИ [53] третьей степени.

Они чинно поздоровались, затерянные среди зеленых стульев в гостиной недорогого отеля под названием «Пенденнис», где-то возле Гауэр-стрит.

— Боюсь, что не смогу раздобыть вам чего-нибудь выпить, — сказал он. — Это гостиница общества трезвости.

— Как вы сюда попали?

— Я останавливался здесь в детстве, когда приезжал с родителями. Трезвость меня тогда не угнетала. Беатриса, что происходит? Они что, совсем одурели?

— Да, одурели от ярости на нас обоих. Они считают, что я должна была сразу вас раскусить. Шеф созвал целое совещание. Там были все его офицеры связи — и от военного министерства, и от адмиралтейства, и от военно-воздушных сил. Перед ними лежали все ваши донесения, и они обсуждали их одно за другим. Просачивание коммунистов в

правительственные органы их мало тронуло — они с легким сердцем послали опровержение в министерство иностранных дел. Да и ваши доклады по экономическим вопросам тоже, — они сразу согласились, что их надо просто дезавуировать. Это ведь касается только Торговой палаты. Все сидели спокойно, пока речь не зашла о военных делах. Там было донесение относительно беспорядков на флоте и другое — о заправочных базах для подводных лодок. Вот тут капитан заявил: «Ну, в этих донесениях должна быть доля правды!» Я тогда сказала: «Взгляните на источник. Он же не существует!» — «Но вы представьте, какими мы будем выглядеть болванами, — сказал капитан. — Морская разведка с ума сойдет от радости!» Однако все это были только цветочки по сравнению с тем, что началось, когда дело дошло до Орьенте.

— Неужели они приняли эти чертежи всерьез?

— Вот когда они напустились на бедного Генри!

— Мне ужасно не нравится, что вы зовете его Генри.

— Он, во-первых, скрыл от них то, что вы продаете пылесосы, и выдал вас за какого-то торгового магната. Но шеф не поддержал этого обвинения. Он почему-то был очень смущен, а Генри, то есть Готорн, вытащил ваше досье, и там, оказывается, была написана правда. Но, конечно, эта папка ни разу не вышла из стен секретариата мисс Дженкинсон. Потом Готорна обвиняли в том, что, увидев чертежи, он не узнал пылесоса. Он ответил, что узнал его сразу, но не понимает, почему принцип устройства пылесоса не может быть использован в каком-нибудь новом виде оружия. После этого они прямо взвыли, требуя вашей крови. Все, кроме шефа. Мне иногда казалось, что он понимает комическую сторону дела. Он им сказал: «Теперь наша задача совершенно ясна: мы должны известить адмиралтейство, военное министерство и министерство воздушного флота о том, что все донесения из Гаваны за последние полгода были абсолютно ложными!»

— И после всего этого они предложили мне работу!

— Ничего удивительного. Капитан рухнул первый. На море, видно, привыкаешь смотреть вдаль. Он сказал, что в глазах адмиралтейства репутация Секретной службы будет окончательно погублена. Отныне они будут полагаться только на морскую разведку. Тогда и полковник сказал: «Если я расскажу эту историю в военном министерстве, нам останется закрыть лавочку». Положение казалось безвыходным, но тут шеф заявил, что, на его взгляд, проще всего разослать еще одно донесение 59200 дробь пять, что, мол, сооружения себя не оправдали, а потому их снесли. Куда сложнее было решить вашу судьбу. Шеф считает, что вы приобрели ценный опыт, который лучше сохранить для Секретной службы, чем предать гласности через прессу. За последнее время и так слишком много людей опубликовало свои мемуары о Секретной службе. Кто-то напомнил о законе, карающем разглашение государственной тайны, но шеф усомнился, можно ли подвести ваше дело под этот закон. Надо было видеть их лица, когда выяснилось, что жертва ушла у них из-под носа. Тут они, конечно, набросились на меня, но я не дала этой шайке меня допрашивать — я сама выложила им все начистоту.

— Что вы им сказали?

— Сказала, что если б я и знала правду, то и тогда не стала бы вам мешать. Сказала, что вы действовали из самых лучших побуждений, а не ради того, что кто-то ждет глобальной войны, которая может и не произойти. Этот болван, наряженный полковником, заикнулся было о «нашей родине». А я сказала: «Что вы подразумеваете под словом „родина“? Флаг, который кто-то выдумал двести лет назад? Епископский суд и тяжбы о разводе, палату общин, где стараются перекричать друг друга?.. Или же БКТ [54], Управление английских железных дорог и кооперативы? Вы-то, наверно, думаете, что ваша родина — это ваш полк, если вообще

даете себе труд подумать, но у нас с ним нет полка — ни у него, ни у меня». Они пытались меня прервать, но тогда я сказала: «Ах, простите, совсем забыла. Вы уверяете, будто на свете есть нечто более высокое, чем родина! Вы внушаете нам это всеми вашими Лигами наций, Атлантическими пактами, НАТО [55], ООН, СЕАТО [56]... Но они значат для нас не более, чем всякое другое сочетание букв. И мы вам уже не верим, когда вы кричите, что вам нужны мир, свобода и справедливость. Какая там свобода? Вы думаете только о своей карьере!» Я сказала, что сочувствую тем французским офицерам, которые в 1940 году предпочли забыть о своей карьере, а не о своих семьях. Родина — это куда больше семья, чем парламентская система.

— Господи, неужели вы все это им сказали?

— Да. Я произнесла целую речь.

— И вы на самом деле так думаете?

— Не совсем. Они постарались разрушить нашу веру до основания, даже веру в безверие. Я уже не могу верить ни во что большее, чем мой дом, ни во что более абстрактное, чем человек.

— Любой человек?

Она быстро отошла от него, ничего не ответив, и он понял, что она договорилась до слез. Десять лет назад он бросился бы за ней, но вместе с возрастом приходит невеселая рассудительность. Он следил, как она уходит от него по этой уродливой гостиной, заставленной изжелта-зелеными стульями, и раздумывал: «Дорогой» — это просто манера разговаривать, между нами четырнадцать лет разницы, а главное, Милли, — нельзя совершать поступки, которые могут возмутить ребенка или подорвать его веру, даже если ты ее не разделяешь». Он догнал Беатрису у самой двери и сказал:

— Я прочитал о Джакарте во всех справочниках. Вам нельзя туда ехать. Это страшное место.

— У меня нет выбора. Я пыталась остаться в секретариате.

— Вам хотелось остаться?

— Мы могли бы иногда встречаться в ресторанчике на углу и ходить в кино.

— Какая унылая жизнь, — вы же сами так говорили.

— Но вы бы делили ее со мной.

— Я на четырнадцать лет старше вас, Беатриса.

— Наплевать мне на эти четырнадцать лет. Я знаю, что вас тревожит. Дело не в возрасте, а в Милли.

— Ей пора понять, что отец — тоже человек.

— Она как-то сказала, что мне нельзя вас любить.

— Нет, нужно. Я не могу любить вроде одностороннего движения транспорта.

— Вам нелегко будет ей признаться.

— Может, и вам через несколько лет нелегко будет со мной жить.

Она сказала:

— Дорогой вы мой, не надо об этом думать. Во второй раз вас не бросят.

Когда они целовались, вошла Милли, помогая тащить какой-то старушке большую корзину с рукоделием. Вид у нее был самый праведный; она, верно, решила временно посвятить себя добрым делам. Старушка заметила их первая и крепко вцепилась Милли в руку.

— Пойдем отсюда, детка, — сказала она. — Вот придумали, да еще у всех на виду!

— Ничего, — сказала Милли. — Это мой папа.

Звук ее голоса заставил их отодвинуться друг от друга.

Старушка спросила:

— А это ваша мама?

— Нет. Его секретарша.

— Отдайте мне мою корзинку, — с негодованием воскликнула старушка.

— Ну вот, — сказала Беатриса. — Дело сделано.

Уормолд пробормотал:

— Мне очень неприятно, Милли...

— Ах, ерунда, — заявила Милли, — пора ей узнать, что такое жизнь.

— Да я не о ней. Я знаю, что ты не можешь считать это настоящим браком...

— Я рада, что ты женишься. В Гаване я думала, что у вас просто роман. В конце концов разница тут небольшая, ведь вы оба люди женатые, но все же так приличнее. Папа, ты не знаешь, где здесь манеж?

— Кажется, в Найтсбридже, но сейчас он закрыт.

— Я просто хочу разузнать дорогу.

— Ты, правда, не огорчена?

— Язычники могут поступать, как им хочется, а вы ведь язычники. Счастливые! Я вернусь к обеду.

— Видите, — сказала Беатриса. — Вот все и обошлось.

— Да. Здорово я ее уломал, а? Кое на что я все-таки способен. Да, кстати, мои сведения о вражеских агентах их, наверно, обрадовали.

— Не очень. Понимаете, дорогой, лаборатория полтора часа занималась тем, что обрабатывала ваши марки одну за другой, отыскивая черное пятнышко. Если не ошибаюсь, его нашли на четыреста восемьдесят второй марке, но когда они попытались его увеличить, там ничего не оказалось. Вы либо взяли слишком большую выдержку, либо повернули микроскоп не тем концом...

— И они все же дают мне КБИ?

— Да.

— И службу?

— Сомневаюсь, чтобы вы долго на ней удержались.

— А я и не собираюсь. Беатриса, когда вам первый раз показалось?..

Она положила руку ему на плечо, и он стал покорно передвигать ногами в этом лесу изжелта-зеленых стульев; а она запела, чуть-чуть фальшивя, так, словно ей долго пришлось бежать, прежде чем она его догнала:

Почтенные люди живут вокруг,

Они все осмыслят, отмерят, взвесят,

Они утверждают, что круг — это круг,

И мое безрассудство их просто бесит.

Они твердят, что пень — это пень,

Что на небе луна, на дереве листья.

— А на что мы будем жить? — спросил Уормолд.

— Как-нибудь вдвоем перебежмся.

— Но нас ведь трое, — сказал Уормолд, и она поняла, что труднее всего им будет потому, что он недостаточно безрассуден.

Примечания

1

«Тропическое пиво» (исп.)

2

коктейль

3

добрый день (исп.)

4

Слава отцу (небесному)! (лат.)

5

новена — название одной из церковных служб

6

хефатура — полицейское управление (исп.)

7

Второе бюро (генерального штаба) (фр.) — название французской разведки

8

английский великосветский клуб

9

административный отдел

10

по обряду католической церкви, в этот день священник чертит золою крест на лбу прихожан

11

Элия — псевдоним Чарльза Лэма (1775-1834), его «Очерки Элии» пользуются в Англии широкой известностью.

12

да (исп.)

13

смысл существования (фр.)

14

известный английский антрополог и писатель (1864-1941)

15

по Фаренгейту

16

магазины стандартных цен

17

марка виски, по имени которой в Англии нередко называют кабачки

18

американская писательница (1874-1946)

19

внутренний дворик (исп.)

20

это не очень-то приятно (исп.)

21

голландский джин

22

пер. — Д.Самойлов

23

авантюристка, состоявшая на службе у германской разведки и расстрелянная французскими властями во время первой мировой войны

24

любовь с первого взгляда (фр.)

25

открыто (фр.)

26

английский журнал для юношества, печатающий детективные романы

27

буржуазный журнал для женщин

28

английская воскресная газета, где основное место занимает хроника уголовных преступлений

29

английский буржуазный литературно-критический журнал

30

живые картины (исп.)

31

нет, спасибо (нем.)

32

Что-нибудь случилось? (исп.)

33

я Тереса (исп.)

34

полиция (исп.)

35

какой сильный сквозняк (исп.)

36

слишком жарко (исп.)

37

Ходи! (исп.)

38

нет, есть (исп.)

39

каска с острым наконечником, которую носили в германской императорской армии (нем.)

40

Кому от этого польза? (лат.)

41

фирма, изготавливающая ром

42

при закрытых дверях (лат.)

43

имеется в виду брак князя Монакского с американской киноактрисой Грейс Келли

44

легендарный певец, герой кельтского народного эпоса, якобы живший в III в

45

марка виски

46

"Макс, дитя мое. Дитя мое» (нем.)

47

"Под ветром» (фр.)

48

"Нескромные» (фр.)

49

о мертвых... (говорят только хорошее) (лат.)

50

истина в вине (лат.)

51

английская фирма, изготавливающая курительные трубки

52

английский мореплаватель (1539-1583), перед смертью сказал: «В море мы так же близки к небесам, как и на земле»

53

кавалер ордена Британской империи

54

британский конгресс тред-юнионов

55

Североатлантический союз

56

организация стран Юго-Восточной Азии